

Александр Михайлович Казбеги

Отцеубийца

Александр Казбеги

Отцеубийца

«Public Domain»

Казбеги А. М.

Отцеубийца / А. М. Казбеги — «Public Domain»,

Писательское дарование и гражданская мужество Александра Казбеги особенно ярко проявились в его творческой деятельности 80-х годов XIX века. В его романах и рассказах с большой художественной силой передан внутренний мир героев, их чувства и переживания. Роман «Отцеубийца» был любимой книгой Иосифа Джугашвили, который взял себе партийный псевдоним Коба по имени главного героя – разбойника, любителя жестокости и мести. Электронная версия произведения публикуется по изданию 1955 года.

© Казбеги А. М.

© Public Domain

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	33
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	67

Александр Казбеги

Отцеубийца

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В доме одного из хевских сел, утром, часов в одиннадцать, сидели у очага трое: женщина и двое мужчин. Онисе Гелашвили, человек с резко очерченным суровым лицом, старательно затягивал оборы на своих чустах.

Жена его, Махия, пристроившись рядышком с ним, пряла шерсть для чохи и изредка посматривала на кипящий над огнем котел.

Старший брат Онисе, – «Нищий Глаха», как прозвали его на селе, – тихонько перебирал струны пандури, печально напевая одну из тех песен, которые вняты каждому сердцу в горах.

И в голосе, и в лице Нищего Глахи была отпечатлена вся горечь пережитого. Лицо это, видимо когда-то красивое, теперь было страдальчески искажено, – треволения жизни наложили на него свою безжалостную печать.

Одет он был в изодранную, испещренную разноцветными латками шинель, и вероятно только она одна и прикрывала от стужи его изможденное тело и одряхлевшее сердце.

Глаха ударил по струнам пандури и запел:

«Говорил Ростом: – Пусть слово
Будет мягким, как земля!
Храбрых радует опасность,
Честь победы им суля!..
Говорил Ростом: – Что лучше, —
Рассуди-ка, человек, —
Лучше ль умереть однажды
Иль терзаться целый век?...»

– Что ты, право, все бренчишь да бренчишь?! – с досадой прервал его Онисе.

Нищий Глаха тяжело вздохнул, ОТЛОЖИЛ В сторону пандури.

– Опять теперь уйдешь, – продолжал Онисе, – и одному богу известно, увидимся ли снова! Где опять будешь мыкаться, и как узнаем, сыт ты или голоден?

– Эх-хе-хе, брат мой дорогой! – с горечью воскликнул Нищий Глаха, – разве вам убыток от того, что я всю жизнь слоняюсь по чужим порогам?... Ничего не уношу из дома, не проедаю, не продаю, всю свою долю, все богатство вам отказал, чего же еще надо?... Хожу по миру, собираюсь, кусок хлеба ем по милости добрых людей... А вы все еще недовольны мною?... Если остаются у меня два-три гроша, так и те отсылаю вам...

– Лучше бы сам жил в доме, был бы за старшего! – прервал его Онисе.

– Эх-хе-хе! – снова вздохнул Глаха. – Нет, брат, нет... Ты ведь знаешь, если человек отбилсЯ от двора, его ничем не удержишь... Да и к чему удерживать меня? Поседел и одряхлел я, обессилел я вконец; я и в доме не работник и под небом не жилец!.. – и Глаха низко опустил голову.

– Ну, зачем ты так говоришь, зачем? Оставайся о нами, за старшего будешь, порядки наведешь! – обиженно сказала Махия.

– Будет тебе, Махия, разве может наводить порядки такой непутевый человек, как я!

– Что ты, да почему же так?

– А потому что... – Глаха вдруг замолчал.

– Оставайся, оставайся, клянусь богом, ребята мои будут ухаживать за тобой, как за своим господином, – снова принялся упрашивать младший брат.

– Ты же знаешь, Онисе, что нельзя мне остаться, если бы я даже и захотел... Я пришел тайком взглянуть на дочь, не вытерпело сердце долгой разлуки, тайком... и уйду... Самому мне ничего не надо, дай вам бог побольше прибытку от моей доли; прошу вас только об одном: присмотрите вы за моей дочерью, не оставляйте ее без вашей заботы и замуж ее выдайте.

– Говорю тебе, как перед ботом, дочь твою люблю больше своих детей, – сказала Махия.

– Только отдайте ее за такого человека, который не станет попрекать ее куском хлеба... Не надо гнаться за родом или за богатством... Лишь бы любили друг друга, остальное неважно... Женщине легко живется, если в семье мир.

– Бог свидетель!.. – воскликнул Онисе, и слезы навернулись на глаза.

– Ты сам не выбрал ли кого в зятя? – спросила Махия.

– Да я и облачков здешних сколько времени не видал, – как мог бы я выбрать зятя?... И не мое это дело. Девушка у вас живет, пусть ваша совесть и будет в ответе за то, какую вы ей любовь окажете...

Наступило тягостное молчание. Грудь старика высоко вздымалась, дыхание участилось, – видно, не совсем еще потухло его догорающее сердце, еще хранило оно под пеплом неукротимый жар.

И в самом деле, разве не горестна участь отца, вынужденного поручить другим заботу об единственной своей дочери?

Глаха немного успокоился, взял себя в руки и тихо продолжал беседу, отдельно произнося каждое слово, – он как бы оставлял завещание брату.

– Позабыт я богом и людьми, одной нотой в могиле стою, не нынче-завтра придет час смерти, и я исчезну... Для моей Нуну ваш дом – отчий дом, и потому постарайтесь выбрать ей такого жениха, чтобы он и для вас стал полезен... А если сама полюбит кого, это уж и вовсе будет хорошо! Не мешайте ей...

– Неужто Нуну маленькая, сердечный мой? Сама должна себе выбрать, как же иначе? ... – заговорила Махия.

– Ну, ну, дело ваше! – глухо пробормотал старик, берясь за мешок и палку, и встал. – Пошел я теперь, пора! Онисе и его жена поднялись.

– Поешь еще чего-нибудь! – предложила Махия.

– Скоро и Нуну подойдет! – добавил Онисе.

– Помогай вам бог, что-то не хочется!.. – ответил Глаха. – Да и не стоит дожидаться Нуну, – лишние слезы... Прощай, брат мой, поручаю мою Нуну прежде всего богу, а потом вам... Увидимся ли снова, – кто знает?!.. Прощай, Махия, ты и совесть твоя материнская пусть будут порукой тому, что хорошо за дочь мою присмотришь.

Он повернулся и переступил порог дома, который так трудно ему было оставить. Онисе вышел вместе с ним, Махия осталась дома.

– Хотя бы вечера дождался! – снова заговорил Онисе.

– К чему?

– Как бы не узнали тебя...

– Кто меня может узнать? Люди давно обо мне позабыли.

Беседуя, дошли они до ущелья Куро и там попрощались. Онисе повернул обратно. Когда он скрылся за скалой, Глаха присел на камень и глубоко задумался.

Воспоминания нахлынули на него. Он вспомнил свою молодость, жену, былые надежды – все, чем так сладостна горькая жизнь человека! Вспомнил о горах, где в прежние годы паслась его отара, и в памяти его всплыл тот далекий Иванов день, когда он, идя на праздник, встретил девушку и полюбил ее с первого взгляда, и кровь, воспламенившись, бурно потекла по жилам. Печаль залила его сердце. Куда ушло это счастье, почему исчезло оно?...

Он как бы видел себя чужими глазами: полный сил и счастья юноша превратился теперь в одряхлевшего старика, которому суждено последние дни своей жизни побираться, бродя из дома в дом, который даже в час смерти не будет оплакан никем... Горе сдавило обручем сердце, долго сдерживаемое отчаяние подступило к горлу, закипело, заклокотало в груди и наконец хлынуло слезами из глаз.

Слезами утолил он душу свою, поднялся еле живой, весь разбитый, и посмотрел в сторону родного села.

– Ах, превратный мир! – воскликнул он, махнул безнадежно рукой, отвернулся и, шатаясь, побрел по направлению к Владикавказу – Дзаугу.

Онисе, человек бывалый, не очень склонный грустить из-за разлуки с братом, к тому же еще уступившим ему свою долю, все-таки в последнюю минуту растрогался, и потому пришел домой с тяжелым сердцем.

– Что с тобой? – спросила его жена.

– Ничего! – тихо ответил Онисе, украдкой вытирая набежавшую на глаза слезу.

– Ты поплачь, не стесняйся! – насмешливо проговорила жена, усаживаясь у очага.

– Уж не думаешь ли ты, что с братом так-то легко расстаться?... Бог знает, доведется ли когда свидеться?...

– Ему хорошо, он ушел, и все тут!.. Нам вот худо будет, если бы и захотели, никогда нам не уйти из здешних убогих мест.

– Да, все это верно, он ушел, и да поможет ему бог... Но как нам быть с девушкой, с несчастной этой?

– С Нуну? Многие к ней сватаются. Отдадим, отделаемся, и все тут!

Онисе опустил голову и задумался.

– Как быть? Не нравится мне этот парень, как взять грех на душу – отдать за него чужую дочь? Да и девушке, бедняжке, не по сердцу он, говорит, покончу с собой, а за него не пойду.

– Что ее спрашивать, ей-богу! Пойдет за того, кого мы для нее выберем.

– Да, но ведь Нуну любит другого и...

– Ну и пускай себе любит, что из того? – резко оборвала жена.

Дверь открылась, и в комнату бесшумно вошла девушка лет шестнадцати-семнадцати, стройная, тонкая, с высоким медным кувшином за спиной. Она не спеша опустила кувшин на пол, отвязала от него ремни и повернулась к сидящим:

– Где отец? – опросила она.

Этот простой вопрос, заданный совсем спокойно, почему-то смутил Онисе и Махию. Они не нашлись, что сказать, и молчали.

– Отец где? – все так же спокойно повторила она свой вопрос, пристально глядя на Махию.

– Ушел, – наконец ответила Махия.

– Ушел? – переспросила Нуну упавшим голосом, и руки ее повисли вдоль тела.

Как острие копья, вонзилось ей в сердце это слово, она даже не сразу осознала его.

– А я-то думала... – тихо сказала она и, медленно опустившись на пол, стала беззвучно плакать.

– О чем ты плачешь? – принялась утешать ее Махия.

– Я хотела повидаться с отцом, – сквозь слезы шептала Нуну,

– Перестань, пожалуйста! – рассердилась Махия, но тотчас же спохватилась и добавила спокойно: – Вот скоро выдадим тебя замуж, и позабудешь ты все свои огорчения.

– Я не хочу замуж! Не пойду! – хмуро произнесла Нуну.

– Это ты сейчас так говоришь, а потом передумаешь, – сказал Онисе.

– А уж за какого человека тебя выдадим, ей-богу, всем на зависть, – продолжала Махия.

– Нет, нет, не хочу! – твердила Нуну. – Знаю я, за кого вы меня прочите; удавлюсь, а за него не пойду!

– Почему так, почему не пойдешь?

Нуну молчала. Вдруг ей подумалось: а что, если броситься в объятия Махии, прижаться к ее груди, преодолеть девическую стыдливость, открыть свою заветную тайну: Я люблю другого, пожалей меня, Махия! Она подняла голову и увидела суровое лицо своей тетки, встретила ее леденящий взгляд. Слова застыли у нее на устах. С ужасающей ясностью поняла она, что перед нею не друг, способный понять ее чувства, а чужая женщина, давно уже неумолимо решившая ее судьбу, что она не изменит своего решения и никакие слова, никакие мольбы ее не смягчат.

И в самом деле, как бы в подтверждение ее предчувствия, Махия произнесла сурово и решительно:

– Ну, будет, довольно!.. Твой отец, уходя, поручил нам твою судьбу, и ты пойдешь замуж за того, кого мы выберем тебе в женихи.

Нуну посмотрела на нее глазами, полными скорби и решимости не покоряться, не уступить никому.

– А теперь ступай на луг, захвати с собой серп и накоси там где-нибудь травы на свясло, – сказала Махия и встала.

Встала и Нуну, покорно пошла исполнять приказание. Выйдя в поле, она остановилась. Она одной рукой уперлась в бок, словно поддерживая свой тонкий стан, другая рука, державшая серп, висела, как сломанная, вдоль бедра. Время шло, минута сменяла минуту, а она все стояла, впериw застывший взгляд в пространство и всецело уйдя в свои горькие думы.

– Удачи тебе в твоей работе! – громко окликнул Нуну стройный юноша, неслышно подошедший к плетню. Облокотившись на него, он со спокойной улыбкой следил за девушкой.

Девушка вздрогнула, вся зарделась от смущения.

– Хорошо же ты работаешь! – все с той же улыбкой продолжал юноша, поглаживая молодой пушок над верхней губой.

Нуну заставила себя наклониться и дрожащей рукой принялась срезать траву.

Юноша медленно шагнул через плетень, подошел к девушке и сказал:

– Постой, дай-ка мне серп, я тебе пособию.

– Нет, нет! Оставь меня, я сама.

Юноша испытующе взглянул на Нуну, в первый раз услышал он от нее такой ответ.

– Что с тобой, девушка, почему так говоришь со мной?

– Ничего, ничего! – торопливо ответила девушка. – Ступай, как бы не увидел нас кто-нибудь! – тревожно добавила она.

– А если и увидят? – раздумчиво спросил юноша, – подозрение кольнуло его в сердце.

Он задумался.

– Почему не рассказываешь, что за беда у тебя? – спросил он.

– Меня хотят выдать замуж за другого! – вдруг вскрикнула Нуну, и слезы полились у нее из глаз.

– За другого? – побледнел юноша.

– Да, за другого!

– А что отец?

– Отца нет, он ушел! – с отчаянием прошептала Нуну.

– Ушел? – дрогнувшим голосом повторил юноша и низко опустил голову.

Долго стоял он в глубокой задумчивости, потом гордо вскинул голову и оказал:

– Пусть Иаго умрет, если отдаст тебя другому!.. Вот что! Сегодня вечером, когда все улягутся спать, выходи сюда. Я и сам еще не знаю, что сделаю, но, клянусь благодатью святого Гиваргия, никому тебя не уступлю!.. Ведь ты придешь, да?

– Не знаю, смогу ли...

– Ты, может быть, сама раздумала итти замуж за меня? – спросил Иаго, нахмутив брови. Нуну ничего не ответила, она только взглянула на юношу, но так взглянула, что тот весь затрепетал.

Иногда один-единственный взгляд выражает в тысячу раз больше, чем самые страстные речи, самые убедительные слова.

Так взглянула Нуну, и взгляд ее вонзился, как стрела.

Иаго позабыл обо всем, позабыл о том, что даже малейшая неосторожность могла выдать каждое их движение, и самозабвенно обнял девушку.

– Нуну, Нуну! Жизнь моя! – целовал он ее. – Ведь ты придешь, придешь ко мне?...

Мгновение счастья опьянило Нуну, она крепко прижалась к юноше и несколько раз порывисто его поцеловала.

– Значит, придешь сюда, на луг, нынче ночью? – упорно допытывался Иаго.

– Хорошо, хорошо, только теперь уходи!

– Уйду, сейчас уйду... Только один раз, еще один только раз поцелую тебя...

Не дай бог, если бы кто-нибудь подсмотрел их ласки, дорого обошлось бы Иаго его безрассудство. Но, на счастье, никто их не заметил. Они расстались с тем, что вечером встретятся снова и решат, как быть дальше. Иаго пошел к своему крестному отцу за советом. Нуну, успокоившись, принялась жать траву.

Она еще работала в поле, когда Глаха достиг Дарьяльской крепости, где он предполагал присоединиться к другим путникам или войсковым частям, чтобы добраться до Дзауга.

Глаха принадлежал к зажиточному роду, мощь которого была подорвана в прошлом веке новыми порядками, безжалостно ломающими народные обычаи. Но в горах все еще бушевала гордая, неукротимая кровь горцев и постоянно давала о себе знать. В юности Глаха женился по любви, и первые дни его жизни с любимой подругой протекали безмятежно. Но к счастью скоро примешалась горечь. Глаха заметил, что сельский есаул его невзлюбил – постоянно придирается к нему, заставляет больше всех гнуть спину на оброчной работе. Протестовать против такой несправедливости было бесполезно: в ту пору человек не только не мог нигде добиться правды, он даже не знал, кому пожаловаться. Как-то раз, когда Глаха вернулся домой, зашел к нему есаул и попросил одолжить арбу. Глаха отказал. Есаул настаивал, и Глаха избил назойливого просителя.

За эту провинность Глаха был арестован и заключен на три года в тюрьму, где он прошел сквозь все муки, какие только способно представить себе человеческое воображение. Но тяжелее всех страданий была для него разлука с любимой женой, оставленной им без поддержки. Брат Онисе был еще слишком мал, чтобы позаботиться о своей невестке и о родном очаге.

Вскоре после того как Глаху заперли в темницу, в село прибыл диамбег, один из тогдашних вершителей крестьянских судеб, и с помощью избитого есаула стал домогаться любви беззащитной женщины, которая, на беду, ему приглянулась. Есаул старался изо всех сил, всячески уговаривал жену Глахи, но не сумел склонить ее на измену мужу. В конце концов он прибегнул к низкой хитрости: посоветовал ей обратиться к диамбегу с просьбой спасти ее мужа, которому, по словам есаула, грозила ссылка в Сибирь.

– А спасет его диамбег, если я попрошу? – робко опросила несчастная женщина.

– То-то и есть, что спасет! Он и рад бы помочь Глахе, да не может сам начать дело, ведь он правитель Хеви. А если ты попросишь его, он вмиг все устроит.

Измученная оброками и всяческими несправедливостями, женщина поверила уговорам есаула и пошла рассказать о своем горе тому, кому была поручена забота о благополучии народа.

Едва подошла она к порогу, как на нее сзади набросились есаулы и на руках внесли к диамбегу.

Тот ходил из угла в угол, с нетерпением ожидая этой минуты. Улыбаясь и потягиваясь в предвкушении удовольствия, он быстро отпустил есаулов, сослуживших свою службу.

Бедная женщина, дрожа от страха и ничего не понимая, осталась лицом к лицу с этим извергом. А он не спеша запер дверь на ключ, подошел к женщине, развязно обнял ее за плечи и силой усадил на тахту.

Излишне рассказывать о том, что произошло в этот вечер. Диамбег поступил, как человек, лишенный совести, как бездушный зверь, для которого честь и воля женщины, – да еще крестьянки, – ничто.

А ночью, когда он изволил почивать, вдруг распахнулось окно, зазвенели разбитые стекла и кто-то стремительно впрыгнул в комнату. Диамбег проснулся от шума, зажег спичку-перед ним стоял Глаха, который бежал из Ананурской крепости, не выдержав горя и нечеловеческих мук. Глаза его пылали гневом.

Жена кинулась к нему, протянув с мольбою руки, умоляя ее спасти, но тотчас же рухнула на пол: муж рассек ей грудь кинжалом.

Диамбег кинулся под кровать, но Глаха вытащил его оттуда за ногу и крикнул, вонзив ему кинжал подмышку:

– А ты – свинья, и я тебя зарежу, как свинью!

С того ужасного дня Глаха исчез из родных мест, и его осиротевшая дочь, которая была еще грудным младенцем, выросла на попечении добрых соседей; когда Онисе женился, он взял ее в свой дом.

Теперь мы знаем, почему Глаха скрывался от людей, и можем продолжить наш рассказ.

Глаха добрался до Дарьяльской крепости, куда обычно стекались путники, направляясь во Владикавказ, и войска, охранявшие их от беспокойных горцев, сторонников Шамиля.

Когда Глаха подошел к крепости, навстречу ему выступил какой-то ефрейтор и строго окликнул его: – Ты кто такой?

– Я – нищий.

Ефрейтор смерил Глаху недоверчивым взглядом и покачал головой.

– Знаем мы вас! – воскликнул он. – Меня не проведешь!.. – и злобно добавил: – Нарочно вырядился в тряпье, чтобы тебя не узнали!

– Нищий я, клянусь богом! – наугад ответил Глаха, плохо понимавший русский язык.

– Ты, верно, приспешник Шамиля, подослан к нам для слежки.

Глаха засмеялся и спросил, удивленно разглядывая ефрейтора:

– Что ты говоришь?

– Я вот доложу о тебе его высокородию, и тебя расстреляют в двадцать четыре часа! – оказал тот так спокойно, словно сулил ему хороший обед.

– Да ты взгляни на меня хорошенько, разве мне под силу такое дело? Нет, горцы не посылают таких, как я, к Шамилю.

– Знаем, мы, что вы за люди!..

– Да отпусти ты меня бога ради, чего тебе надо?

– Я доложу их высокородию, там сами разберутся!

Глаха задумался о своей судьбе. Он никак не мог понять, чего от него надо этому человеку, почему он грозитя донести начальству. Ведь он, Глаха, так стар и дряхл, что никому нет от него никакого вреда. А между тем его хотят расстрелять в двадцать четыре часа. Значит, пришел конец его безмерным страданиям, теперь окончатся навсегда беспокойные дни, подтачивающие тоской его сердце. Глаха, пожалуй, обрадовался бы этому, его только удивляло, что христианин может так не по-христиански притеснять христианина, сильнее неверного жаждать крови собрата своего. Некоторое время солдат разглядывал Глаху, потом вдруг схватил его за руку и оттащил в сторону.

– Тебе очень нужно пройти?

- Конечно, нужно, иначе я и не полез бы сюда.
- Тогда дай мне рубль, и я тебя проведу.

Глаха подумал, что ослышался – таким невероятным показалось ему предложение солдата. Он переспросил:

– Что ты сказал?

– Дай рубль, и я тебя проведу, – повторил ефрейтор.

– Рубль? – воскликнул Глаха: – Да где я его возьму, милый человек?... Был бы у меня рубль, да я разве так бы одевался?... Ты погляди на мои лохмотья.

– Как знаешь, тогда доложу о тебе офицеру.

– Да нет у меня! Откуда я возьму?

Долго торговался блюстителю порядка с Глахой, и Глаха долго клянчил и кланялся, но сердце солдата было неумолимо. Убедившись, что у нищего нет денег, солдат решил пожить чем-нибудь из его одежды, но одежда нищего оказалась чересчур убогой.

– Вот нож есть у меня один, перочинный, на, возьми, если хочешь?

Поняв, что с Глахи больше взять нечего, солдат забрал нож, прикинув, что стопку водки за него, пожалуй, дадут.

На этом они сошлись, хотя солдат и не был в восторге от своей добычи, и Глаха присоединился к путникам, которые наутро должны были двинуться к Владикавказу.

Близился вечер. Ожидая ужина, вся родня Нуно собралась вокруг очага. Нуно, как младшая в семье, месила за перегородкой тесто на лепешки, – их запекали прямо в золе,

– Онисе, эй, Онисе! – вдруг крикнул кто-то снаружи.

– Выгляни-ка, кто зовет, – обернулся Онисе к мальчику, гревшему у огня голые грязные коленки. Мальчик вскочил и выбежал на двор.

– Кто там, кто зовет? – крикнул он.

– Это мы, – из темноты выступили два человека в бурках.

– Онисе дома? – спросили они.

– Дома! – ответил мальчик и вернулся к очагу.

Гости остались дожидаться. В горах не принято переступать порог дома, пока хозяин не выйдет навстречу и не попросит к себе, – неожиданное появление чужих могло бы смутить хозяев.

– Входите с миром, входите с миром! – пригласил Онисе пришедших.

– Да пошлет мир тебе святой Гиваргий! – гости переступили порог.

– Мир этому дому! – воскликнули они, войдя в комнату.

– Пошли вам господь! – ответила Махия, старшая в доме женщина, поднимаясь им навстречу и протягивая руки.

Гости по очереди почтительно пожали ей обе руки.

– Как поживаете, здоровы ли домашние ваши, хороши ли стада? – ласково осведомилась Махия.

– Вашими заботами, слава богу, живем ничего!

Онисе предложил гостям сесть на длинную скамейку. Гости не спеша сняли бурки, которые приняли от них младшие в доме, и молча уселись рядом на скамейке. Наконец один из гостей, который был помоложе, отвернул полу чохи, достал из кармана бутылку домашней водки и передал ее мальчику.

– Зачем беспокоились, право! – покачал головой Онисе: – К чему это?

– Отчего же, разве мы с вами враги?

– О, горе мне! Враги-то не враги, да разве я сам не мог бы достать для вас водки?

Все сидели молча до тех пор, пока Махия не вышла из-за переборки.

– Присядьте, Махия, хотим вам два слова сказать! – начал один из гостей.

Махия опустила у очага. Онисе сел поодаль на стул.

– Вот мы пришли к вам с просьбой, – заговорил один из пришедших. – Сперва помянем бога, а потом расскажем, что у нас на сердце.

– Добрые речи говоришь, Мамука, ей-богу! – отозвался Онисе.

– Говорите, дорогие, наши уши обращены к вам, – добавила Махия, – закидывая на голову концы платка, которые были завязаны у нее под подбородком и мешали ей слушать.

– Мы сватами к вам пришли, девушку просит у вас Гиргола для брата своего, – снова заговорил Мамука.

– Семья хорошая, да и жених тоже хорош, ничем не попрекнешь, ей-богу! – добавил второй гость.

– Сам Гиргола на царской службе, стражником служит, во всем будет вам подмогой, – продолжал первый.

– Что бога гневить, семья у него хорошая, известная в Хеви, да только брат Гирголы, Ниния, всегда в горах с отарой, у самого Гирголы никого нет в семье, как же одна наша девушка справится в их доме? – пораздумав, сказал Онисе

– А что с ней станется, дорогие, ведь не маленькая она, ваша Нуну!

– Не маленькая-то не маленькая, да ведь уход за домом ума требует, а у Гирголы дом большой, много гостей ходит, всех надо встречать...

– Мы пришли честью вас просить, – перебил гость, – надемся, не отправите нас без ответа, а там – как знаете!

– Почему Гиргола оставил свою жену? – продолжал Онисе. – Пусть возьмет ее обратно в дом. Тогда две-то снохи легче справятся с работой.

– Возьмет, возьмет обратно, а как же иначе! – закивали головами сваты.

– Не знаю, как быть! Уж очень он жестокий, Гиргола, всегда бранил свою жену, бил ее, за волосы таскал, просто уж и не знаю, на что решиться! – грустно говорил Онисе.

Довольно долго длилась эта торговля, хотя Махия давно уже решила отдать Нуну за Нинию, а решение Махии было для Онисе непреложным законом. Ясно было, что сваты выйдут победителями, а родственники девушки спорят только ради того, чтобы набить цену и взять за нее побольше выкупа.

– Сильны они, мои милые, – продолжали сваты. – Нагрузите их потяжелее, они все подымут... Что там долго говорить о выкупе-то!

– Пятнадцать коров, как выкуп, рублей десять Махии, – она ведь воспитала девушку, – одного коня дяде, брату ее матери, пять баранов откормленных, ну, и сыра, и масла, сколько полагается.

– Ох-хо-хо! – огорченно воскликнул Мамука: – Уж не много ли вы запрашиваете?

– А девушку-то какую мы отдаем!.. – с обидой воскликнула Махия и тихонько добавила: – Обижать вас не хочется, а то просителей к нам не мало ходит... Жизнью вашей клянусь, что и выкупа давали побольше вашего; да, видно, ничего не поделаешь, вашу семью уважаем.

Вскоре они договорились, сваты оставили в залог обручения пять рублей, и судьба Нуны была решена: ее отдавали в семью, жизни в которой любая женщина Хеви предпочла бы смерть.

По горскому обычаю Нуна все это время оставалась за переборкой. Из долетавших до нее отдельных слов она поняла, что идет разговор о ее замужестве. Она напрягала слух, но не могла расслышать, как легко и дешево торгуют чужие люди ее судьбой: жилище было просторное, и переборка отгораживала самый дальний угол. В ее сердце закипала горечь, она знала, что родня и не подумает ее спросить, нравится ли ей Ниния. Она устала от напряжения. Ее мысли обратились к Иаго, ее возлюбленному, который, вероятно, ждет ее теперь на лугу.

Она молила бога, чтобы закончились поскорее переговоры, чем бы ни грозили они, только бы гости ушли наконец. Но бог не исполнил ее желания: в комнате накрыли стол, и все стали пить за здоровье обрученных.

А между тем Иаго томился в ожидании. В горах сама природа приучает человека к терпению, но на этот раз Иаго с трудом сдерживал биение собственного сердца. Уж сколько раз подкрадывался он к ограде двора Онисе, стараясь выследить Нуну. Напрасно! И обессиленный тщетным ожиданием, он снова уходил в высокие травы, скрывавшие его от чужих взоров.

Тысячи тревожных мыслей металась в его голове, лоб горел от волнения, Иаго терял самообладание, не мог ни сидеть, ни стоять на месте.

Он изнемог от напряжения, все мысли спутались, он больше не мог думать, голова закружилась, подкосились колени, Иаго опустился на землю. Довольно долго был он в забытьи, как бы в тумане. Наконец он очнулся, словно кто-то, растолкав, пробудил его от крепкого, но беспокойного сна, который обессилил его, стер краски жизни с его лица. Он с тоской взглянул на небо, оно было все сплошь усеяно радостными звездами, лучи их трепетно сплетались в вышине. Рассветная звезда уже склонилась к западу, значит, уже совсем мало осталось ночи, а Нуну все не шла.

Иаго медленно встал, снова подошел к ограде, поглядел на дом, в котором жила Нуну. Оттуда еще струился свет. Иаго не мог понять, отчего так долго не спят хозяева, ведь нынче не праздник и в доме нет больных, чтобы засиживаться до утра. Отчего же не спят в этом доме?

Он бесшумно перелез через ограду и тихо направился к дому, – может быть, удастся узнать, отчего опоздала Нуну. Он шел осторожно, чтобы ни на кого не натолкнуться и не дать повода для сплетен досужим болтунам. Боясь нарушить предутреннюю тишину, он при каждом шаге ощупывал ногой землю и, если наступал на булыжник, так гибко обхватывал его ступнями ног в мягких горских чустах, что камень прирастал к месту.

Иаго подошел к двери. Бесшумнее ветерка скользнул он на балкон и припал к дверному косяку. Ему хотелось узнать, о чем там говорят, или, по крайней мере, кто так поздно засиделся у дяди Нуну. Но слова не долетали до его слуха, а окно было так высоко, что заглянуть в него было невозможно. Он спустился во двор, обошел вокруг дома, взобрался по лестнице на плоскую крышу, нашел там отверстие, которое часто делается в мохевских домах, и заглянул вниз. Его глазам представился пиршественный стол, за ним сидели хозяин дома, его жена и двое чужих, которых Иаго знал очень хорошо, так как они были из одного с ним села. Как видно, они кончили ужин и пили последний тост.

Зачем эти люди в доме Нуну? – вот что хотел узнать Иаго.

– Да благословит бог начатое нами дело! – вдруг услышал Иаго голос одного из гостей. И вскоре несчастный влюбленный понял, что речь шла о замужестве Нуну.

Значит, обручили Нуну! – с тоской подумал Иаго.

– Не забудьте же про выкуп! – напутствовал госте Онисе.

– Нет, как можно забыть! – ответили гости.

– А не забудете, так и я в долгу у вас не останусь, бог свидетель! – сказала Махия.

– Спасибо, Махия, дай тебе бог! Уж чего же нам больше! – ластились к ней гости, у которых заплетались языки от хмеля.

– А то вы ведь хорошо знаете Иаго, – не унималась Махия, – и отвагой своей, и работой он в Хави каждому известен, и он просил нас отдать за него Нуну, а мы только из любви к вам ему отказали.

– А кто такой Иаго? – обиженно возразил один из гостей. – Он – крепостной своего барина, только и всего... Ни земли, ни двора, ни дома у него нет!.. Будь он достойным человеком, не снес бы отцовского дома.

– То-то и есть, что не снес бы, ей-богу! – воскликнул Онисе и добавил: – Да и выкуп разве смог бы он уплатить?

Как стрелы, впивались в сердце Иаго эти слова, они ему напоминали о прошлом. Мать его, когда-то вольная, была вероломно продана одному феодалу. Отец погиб в борьбе за отчизну. Овдовевшая, беззащитная мать несправедливо была записана крепостной. Иаго

горько задумался. Когда-то прославленный свободолюбивый род его был теперь в рабской зависимости от грубой силы, и его же, Иаго, упрекают, как будто в этом его вина!.. Только случай спас его соседей от подобной же участи, и только случайно называются они свободными государственными крестьянами. Отчего же они так жестоко осуждают теперь проступок Иаго?

Тем обидней звучали слова Онисе и его гостей, что и положение тоже было незавидным. Название свободный крестьянин давно потеряло всякий смысл.

Тогда почему же Иаго лишен счастья, на которое имеет право всякое создание на земле?

Только потому, что он родился в рабстве?

Разве Иаго сам виноват в этом?

Все эти мысли стремительно нахлынули на Иаго, голова затуманилась от обиды и боли.

Он решил уйти, и оторвался от крыши. И вдруг его неудержимо повлекло к Нуну: увидеть ее, услышать от нее самой, что она о нем думает, заглянуть ей в глаза и самом убедиться во всем.

Должно быть, и она думает, как все... – вздохнул Иаго и хотел было спуститься, но, дойдя до края террасы, быстро взобрался обратно к тому отверстию в крыше, откуда мог увидеть свою возлюбленную.

Он нагнулся и разглядел печально склоненную фигуру Нуну. По всему ее облику было видно, как много пережила она за эти часы. Сердце Иаго бурно забилося от боли и сочувствия к ней. Он не мог ей помочь, он даже не мог сказать ей слов утешения из своей засады, хотя, кто знает, возможно, что и наедине с ней не сумел бы вымолвить ни слова.

Вдруг Иаго нащупал камешек и, нацелившись, бросил его вниз. Камешек упал прямо на колени к Нуну. Девушка вздрогнула, вскочила и подняла голову. В отверстии потолка она увидела Иаго, который глядел на нее пылающими глазами. Девушка улыбнулась ему.

Несколько мгновений смотрели они так друг на друга, и оба поняли: они созданы только друг для друга и жить в разлуке им невозможно!

Иаго не выдержал и дрожащим голосом тихо спросил:

– Ты придешь на луг?

– Я же тебе обещала, – прошептала Нуну в ответ.

– Истаял я, ожидая тебя!

– А что я могу сделать? У нас гости, и никто еще не ложился!

– Значит, ждать тебя? – спросил Иаго, хотя он все равно остался бы на лугу, если бы даже Нуну не обещала притти к нему.

– Как хочешь! – коротко ответила Нуну и повела плечом, как бы удивляясь его вопросу.

Вошла Махия. Она проводила гостей и собиралась лечь спать. Нуну и Иаго замолкли.

– Ты что сидишь, не идешь спать? – спросила Махия.

– Ты сама еще не легла, не могу же я лечь раньше тебя, – тихо ответила ей Нуну.

– Стели постели, пора спать.

Нуну охотно повиновалась, расстелила постели и уложила всех.

Потом засыпала золой угли в очаге, погасила лучины и сама легла, не раздеваясь.

Ночь близилась к концу, и она надеялась, что все скоро заснут. Каково же было ее удивление, когда Махия ее окликнула:

– Нуну, ты заснула?

Нуну ничего не ответила и притворилась крепко спящей.

– Нуну, ты не слышишь?

Девушка молчала.

– Что за сон на тебя навалился, да что это с тобой?... Нуну!.. – громко, позвала Махия.

– Что? – сердито отозвалась Нуну.

– Пододвинь ко мне поближе свой тюфяк, хочу тебе что-то сказать.

– Махия, спать хочется, разговаривать некогда, скоро рассвет, – ответила Нуну и, перевернувшись на другой бок, принялась громко храпеть.

– Слышишь, придвинься, я тебе что-то скажу!

Нуну решила ни слова не отвечать так не вовремя разошедшейся тетке и отделаться от нее во что бы то ни стало.

– Нуну!.. Девка!.. Чтобы святой Гиваргий навеки тебя усыпил, если уж ты такая хорошая!.. Не слышишь, что ли? – сердилась Махия, но Нуну упорно отмалчивалась.

Махия хотела было встать, но лень одолела ее, и она наконец уснула.

Нуну долго лежала неподвижно и прислушивалась. Наконец осторожно встала, подошла к двери и открыла ее. Иаго ждал ее с нетерпением тут же, возле дома, и крепко обнял, едва она ступила на порог.

Мохевская девушка готовилась поговорить со своим возлюбленным, ей казалось, что для этого ей целого века не хватит, а теперь стояла она молча, опустив голову, вся зардевшись, и не могла вымолвить ни слова. Иаго глядел на нее, свою желанную, и чувствовал, как крепко они любят друг друга, и знал, что она пойдет на все ради этого несказанного блаженства.

Это мгновение было так сладко для Иаго, что он не совладал со своим волнением, позабыл даже об осторожности.

Он медленно наклонился к Нуну и приблизил лицо к ее пылающему лицу. Оно одурманивало, пьянило его. Еще ниже наклонился он к девушке, прядь ее волос, колеблемая утренним ветерком, ласково коснулась его щеки. Дрожь прошла по нему. Он обезумел, испуленно приник к ее лицу сухими губами и стал целовать.

Потом обхватил ее, как ребенка, поднял на руки и в несколько прыжков добежал с нею до луга.

Он целовал ее, шептал ей:

– Ты одна – вся радость моя... Пусть попробуют отнять тебя у меня... Пусть весь мир ополчится против меня, он увидит, а что я способен!

Но когда они немного успокоились и пришли в себя, они ужаснулись своей судьбе, ясно поняли, как безысходна, как печальна она.

Иаго ловок, смел, отважен и сообразителен, но кто он такой? Неимущий крепостной, собственность барина, который мог в любой день продать его, выслать, подарить кому угодно. Право на счастье он должен выпрашивать у своего господина, как милостыню. Если господин почему-либо не пожелает подарить своему рабу это счастье, тому придется навеки расстаться даже с мыслями о Нуну.

– Что же нам делать?... Как быть? – с тоской спрашивал Иаго. – Тебя обручили с другим, обрекли нас на кровную месть!

– Ну и пусть обручили! Я не выйду замуж ни за кого, кроме тебя, никого мне не надо! – страстно воскликнула Нуну.

– И я никому тебя не уступлю, но почему твой дядя это допустил? Мало ему было доли твоего отца, он захотел еще и на тебе заработать.

У Нуну слезы подступили к глазам. Ей вспомнился отец, покинувший ее в такую трудную минуту. Это он позволил своему брату так безжалостно растоптать ее молодое сердце!

– Они нарочно поспешили спровадить отца, чтобы распорядиться мною по своей воле. Безжалостные, злые люди!

– Не плачь, родная моя, не надо! Клянусь благодатью святого Гиваргия, не отдам тебя никому!

– Да, но ведь сам ты не волен в своей судьбе, все так и говорят про тебя.

– Да, я раб! – с горечью сказал Иаго, низко опустив голову. – Ну и пусть – раб!.. Меня это не остановит! Силой сделали меня крепостным, силой отобрали все имущество, а теперь хотят силой отнять тебя! На этот раз не уступлю насильникам, и посмотрим, чья мать заплачет.

Только ты люби меня, не променяй на другого, а мир велик, врага назову другом, а твою жизнь устрою.

– Горе мне, несчастной! Как могу я тебе изменить, если отдала тебе свое сердце? Одна только смерть разлучит меня с тобой.

– Жизнь ты моя, родная моя! – воскликнул Иаго, еще крепче обнимая ее, – Только бы ты любила меня! Прямо в Чечню тебя увезу!

Из деревни послышались голоса. Вероятно, дровосеки собирались в путь к Ларсу. Нуну и Иаго опомнились, пора было им расставаться.

– Уже утро! – печально сказала Нуну.

– Иди, иди, а то увидят тебя. Долго ждали, подождем еще немножко, пораздумаем оба, есть и у меня близкие друзья, посоветуюсь с ними. Здесь ничего не надумаем, пойдем прямо в Чечню к Шамилю, если ты не боишься кистинов?

– С тобой ничего не боюсь!

– Ты – вся моя жизнь! – повторил Иаго слова ласки, известные каждому жителю Хеви, и снова обнял девушку. – А завтра придешь сюда? Приходи, приходи, милая! Трудно сердцу моему без тебя! – Он еще раз поцеловал ее, прижал к груди, потом повернулся, быстро перескочил через забор и скрылся за выступом стены.

Нуну тяжело вздохнула, посмотрела ему вслед и тихо произнесла:

– Святой Гиваргай порукой, Нуну будет твоей женой или в реке утонет.

Она шагнула через изгородь и медленно вернулась в дом. Никем не замеченная, легла в свою постель.

Иаго миновал ряд домов. Вдруг чьи-то руки легли ему на плечи. Он вздрогнул и остановился.

– Долго же ты не спишь, молодчик! – услышал Иаго. Он обернулся и отступил назад.

– Диамбег! – воскликнул он.

Да, перед ним стоял диамбег в окружении нескольких вооруженных казаков. Этот человек был недавно переведен сюда и сразу же назначен правителем Хеви. . . За такую милость господин диамбег, разумеется, был благодарен властям, и поэтому он счел необходимым плетью принуждать к почтительности этот непросвещенный народ и за всякую, даже самую малую провинность наказывать ударом кнута. Мало того, вовсе не зная ни языка, ни нравов, ни обычаев этого народа, он был вынужден обзавестись целым штатом доносчиков, фискалов и лазутчиков, которые постепенно прибирали к рукам диамбега, и он, сам того не сознавая, превращался в покорного исполнителя их воли. Его окружали, главным образом, люди из соседних горских племен, готовые за грош продать своего брата; иногда это были сами мохевцы, потерявшие совесть и честь, развращенные новыми порядками и порвавшие всякую связь с собственным народом. Можно себе представить, насколько справедливы и правдивы были их донесения. Всегда и все делали они лишь ради собственной выгоды и заставляли диамбега служить своим интересам. А правитель края, в свою очередь, зависел от диамбега, и потому несправедливостям, творимым в те времена, не было конца.

С одним из таких диамбегов встретился Иаго в тот злополучный час. Диамбег этот и сопровождавшие его люди возвращались из дома одного крестьянина, якобы скрывавшего ворованные вещи. Этот ложный донос был сделан ради того, чтобы отвлечь в сторону внимание диамбега и казаков, чтобы дать возможность друзьям доносчиков свободно ограбить на привале у духана погонщиков каравана верблюдов, Диамбег, разумеется, не обнаружил следов пропавших вещей и возвращался в самом скверном расположении духа. К тому же ему уже успели донести об ограблении каравана, и он бесновался, будучи не в силах постигнуть, отчего он не справляется со своими служебными обязанностями. Хорошо же, если он не в силах бороться с воровством и грабежами, он сумеет пресечь хотя бы круговую поруку в этих

делах среди сплошь преступного, как он думал, населения. Потому он все чаще и прибегал к произволу и кнуту.

Он обрадовался, что сможет хоть на ком-нибудь сорвать свою злость.

– Ты что тут делал в такую рань? – строго спросил о Иаго.

Иаго растерялся от неожиданности и не сразу нашелся что сказать. Опомнившись, спокойно ответил:

– Был у своих друзей, иду домой.

– Знаю я, у каких друзей ты был! – крикнул с угрозой диамбег. – Возьмите его и свяжите! – приказал он стражникам.

Среди стражников был жених Нуну. Он первым подскочил к Иаго, но тот увернулся и схватился за кинжал.

– Вы отойдите в сторону, пусть он сам ко мне подойдет! – и Иаго указал на диамбега.

Диамбег, перепугавшийся не на шутку, попятился назад...

– Чего стоите! – прикрикнул он на казаков. – Вяжите его!

Иаго приготовился к прыжку, мускулы его напряглись, он глядел на диамбега гневными, горящими глазами. Есаулы не решались к нему подойти. Этим воспользовался брат жениха есаул Гиргола и украдкой зашел к нему за спину. И Иаго вдруг почувствовал, что цепкие руки обхватили его сзади. Он попытался вырваться, но Гиргола, высокий, широкоплечий силач, не выпускал его.

– Гиргола! Разве я твой должник? Пусти меня, отойди, а то кровь подступает к горлу! – скрежеща зубами, сказал ему Иаго.

Гиргола старался свалить его с ног, но не мог сдвинуть с места.

– Бейте, бейте его! – приказал диамбег.

– Зачем ты хочешь обагрить меня кровью соседей моих? Сам выходи на меня, если храбрости хватит!..

Не успел Иаго произнести эти слова, как кто-то ударил его сзади плашмя кинжалом по голове. В глазах у него потемнело.

– Эх вы, безбожники, предатели! – крикнул он и замахнулся кинжалом на Гирголу, но второй удар по голове оглушил его, и он опустился на колени.

Подбежали стражники и по приказу диамбега связали Иаго по рукам и ногам.

Иаго пришел в себя, снова вскочил и попытался защищаться, но веревки врезались в мускулы и парализовали их.

– Гиргола! За что ты меня так? Что ты таил против меня? Эх, и бабой же ты оказался!

– Замолчать! – стегнул его плетью диамбег.

У Иаго искры посыпались из глаз от гнева и сознания своего бессилия.

– Бесчестный, безжалостный! Прикажи лучше, чтобы зарубили меня, за что ты меня так?

– Завтра узнаешь, за что! – злобно ответил диамбег.

Связанного Иаго забрали и бросили в помещение, которое называлось тюрьмой. Летом там гнездились гады и насекомые, а зимой через выбитые окна и щели туда беспрепятственно врвалась зимняя стужа.

Иаго хоть и был крепостным, хоть и привык к труду и терпению, – любил свой чистый горный воздух и свои обычаи. Кровь отцов струилась в нем, и понятия чести и стыда еще не утратили для него своего истинного смысла; его еще не успели развратить новые порядки, исковеркавшие его жизнь. Вот почему его потрясли события сегодняшнего утра. Измена соседей, которые не враждовали с ним открыто, его заключение в эту зловонную тюрьму, предательские удары плетью – все это обжигало грудь, терзало его невыносимой болью. И он силился представить себе то счастливое время, когда дружба и вражда проявлялись прямо и открыто. До утра оставалось уже немного, но каждая минута пребывания в тюрьме казалась ему вечно-

стью. Барин его был из числа тех мелких сошек, которые вынуждены гнуть спину перед каждым начальником, так что он не мог рассчитывать на его поддержку.

За что меня арестовали, чего им нужно от меня? – в тысячный раз повторял про себя Иаго, и каждый раз все одни и те же слова неотступно сверлили мозг: Безбожники они, несправедливые!

Между тем солнце давно уже взошло и совершило большой путь по небу. Господин диамбег изволил проснуться и, открыв глаза, пожелал лицезреть своего верного есаула, ожидавшегося этой минуты за дверью.

– Гиргола! – позвал диамбег.

– Я здесь, господин! – и Гиргола приоткрыл дверь.

– Сапоги почистил?

– Да, господин!

– Подай!

Гиргола подал сапоги, помог диамбегу одеться и приготовил все для умывания.

Диамбег не спеша засучил рукава рубашки на жирных руках и принялся умываться.

Гиргола счел это время самым подходящим для беседы и, помогая своему хозяину даже в том, в чем его помощь вовсе и не требовалась, приступил к делу:

– Во-время захватили мы ночью того парня, господин!

– А что, он признался в чем-нибудь?

– Кто бы посмел с ним разговаривать без вас!

– Должно быть, это он ограбил погонщиков верблюдов, как ты думаешь, а?

– Кто же, как не он! – подтвердил Гиргола и, помолчав, добавил со льстивой улыбкой:

– Дай вам бог, и везет же вам!

Диамбег с удовольствием выслушал такую похвалу своей деятельности.

– С одного взгляда умеете вы распознать злодея, – вкрадчиво добавил Гиргола. – Недаром во всем Хеви нынче говорят, что от вас ничего невозможно скрыть.

Диамбег расчванился.

– Ты у меня молодец, Гиргола, прямо молодец! За вчерашнюю храбрость я обязательно представлю тебя к кресту.

– Да не лишит меня господь ваших милостей, господин!

– Не приходил ли хозяин Иаго? – спросил диамбег.

– Как же, за дверью стоит, дожидается!

Потом стали раздумывать, куда бы мог Иаго девать награбленную парчу. Гиргола старался убедить диамбега не только в том, что Иаго отнес краденую материю к своему хозяину, у которого кишки от голода сохнут, но что и сам хозяин, по всей вероятности, участвовал в краже.

Услужливый раб, старавшийся погубить Иаго, и справедливый господин, слепо веривший словам своего слуги, охотно продолжали беседовать, а на дворе с нетерпением ждали выхода диамбега пришедшие бог знает из какой дали просители и среди них незадачливый хозяин Иаго, который уже не раз подходил на цыпочках к дверям спальни диамбега, чтобы узнать у стоявших там есаулов, не проснулся ли их господин.

– Проснулись, но еще не изволили встать, – слышал он ответ и на цыпочках же возвращался обратно.

А во дворе тихо беседовали просители.

– Гогия, ты зачем пришел сюда в самую страду? – спросил один пожилой крестьянин у другого, который попыхивал трубкой, присев на камень.

– Я и сам, милый, не знаю! Вызвали меня, а то разве пошел бы в такую пору к этим кляузникам!

– То-то я удивляюсь, уж не жаловаться ли, думаю, явился?

– А зачем итти к ним жаловаться, если спор какой, разве мои соседи не под боком у меня? Соберемся и мигом рассудим, что к чему.

– А все же интересно, зачем он тебя вызвал? – не унимался первый.

– Сам не знаю, – вздохнул другой, потом продолжал:– на Джварваке есть пастбища, они испокон веков считались нашими. Ну, понятно, отправили мы туда и в этом году свои отары. Моего старшего сына пастухом выбрали. И что же, являются туда казаки, хватают баранов, хотят их резать...

– Нет безбожнее их никого на свете! – заметил кто-то из слушавших.

– А мой малый не стерпел, избил казака...

– Дай ему бог здоровья! – воскликнули все.

– И теперь с нас требуют уплаты за лечение казака, а место определили другое, за караулом начальника...

– А что это значит караул начальника?

– Да всему свету известно, что это место тоже наше, а с нас теперь требуют в уплату за лето шестьдесят голов баранов. Откуда нам столько взять, и, главное, за что? Земля-то ведь наша!

– Неверные они, неверные... Нет у них закона!

В эту минуту на балконе показался диамбег. Все вскочили и обнажили головы.

Мелкий феодал, хозяин Иаго, подошел поближе, снял шапку, низко поклонился диамбегу. Тот сделал вид, что не заметил старика, повернулся к нему спиной. Помещик изменился в лице, надменность диамбега оскорбила его, он вспомнил былую свою независимость. Он надел на голову шапку и отошел в сторону, гордо распрямив стан. И когда диамбег снова повернулся к нему, ожидая поклонов и униженных просьб, он увидел гордо стоящего в стороне старца, глядящего на него помутившимися от гнева глазами. У диамбега готов был сорваться с губ злобный окрик, но, взглянув на грозное лицо помещика, он испуганно отступил на несколько шагов и вкрадчиво обратился к нему:

– А, это, оказывается, вы изволили пожаловать?

– Да, это я. И, я полагаю, вам давно уже следовало меня заметить!

– Простите, я не видел вас.

Помещик взглянул на диамбега, улыбка пробежала по его лицу.

– Зачем меня вызвали? Что вам было угодно? – спросил он.

– Извините, что побеспокоил вас, – начал тот. – Но я – человек службы, и вы сами понимаете...

– Говорите покороче!.. – прервал его помещик.

– Мне вчера доложили, что ограблен караван, я сам выехал в погоню, встретил вашего человека и задержал его.

– А нашли у него награбленное?

– Нет, но бесспорно, он и есть вор!

– Для чего же вы меня побеспокоили, если уверены, что он и есть вор?

– Я хотел вас расспросить, хотел сообщ... Да, так я говорил, что... – диамбег запутался, смутился и уже не рад был, что ввязался в эту историю.

– Зачем меня спрашивать? Расследуйте дело, и если докажете, что мой человек – вор, взыщите с него по закону! – С этими словами помещик повернулся и ушел. Диамбег застыл на месте, совершенно обескураженный таким неожиданным оборотом дела.

Опомнившись, он накинулся на крестьян, которые покорно дожидались во дворе его суда и расправы.

– Вы здесь зачем, чего вам надо? – прикрикнул на них диамбег.

– А мы по вашему вызову явились, сударь! – низко кланяясь, ответили крестьяне.

– По вызову, по вызову! – передразнил он их, прохаживаясь по двору. – Что из того, что по вызову? Мне теперь некогда заниматься вами.

Крестьяне неуверенно переглянулись. Они не могли понять, – шутит с ними диамбег или говорит серьезно.

– Чего стали?... Ступайте по домам! – снова крикнул диамбег, грозно вытаращив глаза.

– Выслушайте нас, дорогой наш! – начал было один пожилой крестьянин.

– Только у меня и дела, что тебя выслушивать! – с насмешкой перебил его диамбег. – Ступайте, ступайте, мне нынче некогда. Я в Квешети еду, если хотите, туда можете притти.

– Да что ты, господин! В этакую страдную пору нам и сюда недосуг было итти, а ты еще в Квешети нас приглашаешь. Куда это годится? Мы, жители гор, только и работаем по хозяйству что в сенокос, а в другое время нам невозможно...

– Молчать! – топнул ногой диамбег.

– Не сердись на нас, господин, богом молим тебя! – продолжал старик. – От этих дней вся наша жизнь зависит и...

– Ну и что из этого! Хоть все перемерите в один день, – мне горя мало!

– Господин!..

– Казаки! – крикнул диамбег. – Плетью, нагайками их хорошенько!

Однако этот приказ ужаснул даже таких продажных есаулов, каким был Гиргола, и никто не двинулся с места. Тогда выбежали казаки и принялись избивать крестьян нагайками.

– Беспощадные, безжалостные! Уж лучше убейте нас, напейтесь нашей крови! – кричали избиваемые крестьяне. У многих кровь струилась по лицу, капала из носа, из ушей.

Казаки разогнали народ. Диамбег с наслаждением любовался этой расправой, время от времени подбадривая своих казаков.

– Так, так их! Молодцы, ребята!

Вдоволь насытившись этим безобразным зрелищем, диамбег обратился к Иаго, которого решил примерно наказать.

– Ну, а теперь приведите ко мне того молодца! – приказал он.

Казаки с ружьями наготове ввели Иаго, как опасного преступника.

– Куда свою долю девал? – набросился на него диамбег.

– Какую долю? – удивился Иаго.

– Нет, посмотрите-ка на него!.. Будто и вовсе ни при чем!.. Ту самую, что вчера отбил, у караванщиков украл.

– Я ничего не крал, – спокойно и решительно ответил Иаго.

– Меня не обманешь! Я твердо знаю, что ты – вор...

– Нет, я не вор! Клянусь богом!

– Нет? Значит, сам не хочешь сознаться? Так я заставлю тебя сказать правду! Где ты был перед тем, как мы тебя задержали?

– Для чего вам это надо знать?

– Не признаешься? – крикнул диамбег.

– Зачем? Зачем? Все знают, что я не вор, какое вам дело-до остального?

– Я тебя заставлю признаться! Я искалечу тебя! – кричал диамбег.

– Что ж, сила и меч в ваших руках! Жаль, что вырвал у меня оружие. Но я все-таки не скажу, где я был.

– Это мы посмотрит.

– Живого меня не заставите, а мертвым...

– Сейчас же замолчать! – неистовствовал диамбег.

– Почему меня арестовали?

– Я приказываю тебе молчать!

Иаго решил больше не отвечать на вопросы.

– Не буду молчать.

Диамбег, размахнувшись, ударил его по щеке.

– Как ты смеешь мне дерзить!

– За что же ты меня бьешь? – не унимался Иаго.

Вместо ответа диамбег еще раз ударил Иаго.

– Ох, и удалец же ты, – избиваешь связанного по рукам человека! – сжав зубы, сказал Иаго.

– Вон! – взревел диамбег в бессильной злобе. – Уберите его, уберите от меня, а то убью!

Казачи вытащили Иаго из кабинета и, надев на него кандалы, отправили в Квешети.

Диамбег стал готовиться к отъезду.

Гиргола, постоянно при нем находившийся и прислуживавший ему, вдруг выглянул за дверь и, снова плотно ее притворив, заговорил полусшепотом.

– Пришли кистины гвелетские.]Гвелети – село в Хеви, сплошь заселенное кистинами, переселившимися сюда. (Прим. автора).[

– Ну, и что? – нетерпеливо спросил диамбег.

– У них награбленное добро – серебро и парча!

– Дальше что?

– Все это они несли в подарок начальнику, но я их не выпустил, прямо к вам привел.

Лицо диамбега просияло.

– Молодец! – воскликнул он. – Я отплачу тебе за службу, мой Гиргола!

– Недостойн милости вашей! – низко поклонился Гиргола. – А как же с ними-то быть?

– Ко мне их не пускай, еще увидит кто-нибудь, нехорошо будет.

Диамбег призадумался.

– Знаешь что? – продолжал он, – я сегодня в Коби заночую, пусть они туда подымутся и принесут мне все это.

– Слушаюсь, господин!

Переливчато зазвенели бубенцы, и у дома диамбега остановился возок, запряженный тремя конями черкесской породы; прекрасные кони, порывисто крутя головами, ударили копытами в плотно убитую землю.

Диамбег сошел с крыльца, удобно раскинулся в возке, ямщик подобрал вожжи, и резвые кони, весело сорвавшись с места, быстрей ласточки полетели по дороге в Коби.

В деревне узнали об аресте Иаго, узнали о том, что его переслали в Квешети, и все решили: не вернется он обратно и не доведется ему больше глядеть на облака своей родины.

Ответы Иаго на допросе были у всех на устах, и крестьяне хвалили его за такую смелость.

– Что и говорить, жалко парня! – говорил один.

– А как же, очень даже жалко! – подтверждал другой, и все снова принимались обсуждать событие.

– Был бы он вор или злой человек, а то ведь зря все это! За что нам такая напасть?... Службу несем больше всех, самые тяжкие работы на нашу долю выпадают, а покоя нам все равно нет!

– Эх-хе-хе! – подхватил другой. – Где добьемся правды, кто о нас подумает? Что хотят, то и творят... Появится какой-нибудь начальник и делает все, что ему вздумается...

– Да, раньше, когда у нас турки были, сами мы держали оружие в руках, и кто шел на нас силой, того и отражали силой, не щадя жизни своей, но несправедливости не терпели...

На крепостную башню поднялся глашатай, и оттуда раздался его призыв:

– Эй, слушайте все! К нам прислали солдат на постой, надо везти оброк, выводите по арбе с каждого двора.

Народ нехотя разошелся. Кто побрел к старшине просить отсрочить оброк, кто домой – справлять арбу.

Вскоре и до Нуну дошла весть об аресте Иаго. Узнала она и о том, что его отправили в Квешети.

Она взяла кувшин и пошла за водой, в пути к ней присоединились другие женщины села, – кто с кувшином, кто с кадкой. Все весело окликали друг друга, каждой хотелось в откровенной беседе поделиться с подругой накопившимися за день новостями, услышать сердечный отклик на свои думы и чувства.

Только одна Нуну шла к своей подруге с грустным лицом. Та ждала ее с ласковой улыбкой, но, заглянув в ее печальные глаза, сразу сама омрачилась и спросила озабоченно.

– Что с тобой, Нуну?

– Погибла я, Марине, пропала! – прошептала Нуну, и глаза ее наполнились слезами.

Они переждали, пока прошли мимо них другие женщины, и немного отстали, чтобы поговорить на свободе.

– Говори же скорее, что с тобой?

– Иаго... – начала Нуну. Голос ее оборвался...

– Что с ним, говори скорее! – встревожилась подруга.

– Арестовали его!

– Как? Кто?

– Диамбег!

– За что? Когда?

– Вчера ночью, в воровстве обвиняют! Некоторое время обе молчали, подавленные горем.

– Ну, и что же? – попробовала утешить подругу Марине. – Выпустят опять.

– Выпустят, как же! – с отчаянием воскликнула Нуну. – Гибели моей захотели, потому и арестовали его. Кто ж его отпустит! Они хотят выдать меня замуж за другого, – продолжала она. – Не выйду я, нет... А будут насильно заставлять, – река-то ведь здесь, рядом!

Марине утешала Нуну, хотя у самой сердце сжималось от жалости к милому душе – побратиму Иаго. Ей приходилось слышать немало рассказов о том, какой чинили произвол, как возводили напраслину на людей, как изгоняли их из родной страны жестокие диамбеги, которым в те времена была предоставлена безграничная власть.

Вдоволь наговорившись, подруги решили всеми силами противиться насильному замужеству Нуну и ждать возвращения Иаго, которого рано или поздно должны же освободить, чему обе горячо верили. Приняв такое решение и немного успокоившись, они разошлись по домам и взялись за свои повседневные дела.

Тем временем диамбег подъезжал к станции Коби. Его ожидал хозяин гостиницы, в которой он обычно останавливался и где для него была приготовлена отдельная, особо убранная комната. В средней стене был устроен большой камин из тесаного камня, вдоль других двух стен стояли длинные тахты. Отдельный ход вел в нее прямо из ворот, другая дверь выходила во двор, так что можно было входить и выходить в комнату, ни с кем не встретившись. Это место еще и потому было удобно для тайных свиданий, что духан стоял в конце села и по лужайке, куда выходила дверь из комнаты, никогда никто не ходил. Доски с тахт снимались, и под ними были глубокие ямы, служившие хозяину для разных тайных целей.

Чисто прибранная комната, ярко пылавший, несмотря на летнее время, камин и вооруженный до зубов армянин – хозяин духана – все ожидало приезда диамбега. Староста и его есаулы не жалели сил, заготавливая дрова к этому дню.

Один из есаулов обошел всех лавочников, оповещая их о приезде богоподобного диамбега, которого они должны были почтить богатым ужином.

Другой есаул созвал крестьян, приказав каждому доставить по молочному ягненку, и все они ждали диамбега у ворот духана. Обреченные на заклание ягнята высовывались из хурджи-

нов, склоняли головы набок и, закрыв глаза, ждали своей участи. Время от времени какой-нибудь из них жалобно блеял, словно горько тоскуя по своей навсегда оставленной родине.

Диамбег прямо проследовал в приготовленную для него комнату. Здесь ждал его староста.

– Здравствуй! – приветствовал его диамбег.

– Да не лишусь я милости вашей! – низко поклонился тот.

– Это кто такие стоят у ворот?

– Это так, ваша милость, убоину вам доставили.

– А много ли?

– Не меньше пятнадцати будет.

Диамбег самодовольно усмехнулся. Он прошелся по комнате.

– Молодец, молодец... – сказал он, похлопав старосту по плечу. – Не забуду о твоей верности.

– Не достоин я, ваша милость!

– Нет, нет, ты достоин, мой Яков!.. Отчего же не достоин?

– Служим вашей милости, а как же!

– Молодец!.. А скажи-ка мне, не сердит ли тебя кто, не обижает ли?

– Нет, ваша милость! Так, лавочник один малость бесчинствует, но с помощью вашей милости я ему живо голову сверну.

– Лавочник! Какой лавочник? – нахмурился диамбег.

– О сыне Сосики я говорю.

– Хорошо, завтра приведешь его ко мне, и я ему покажу... Иаго здесь проводили? – спросил диамбег.

– Да, ваша милость, казаки его вели. Теперь, верно, до Гудаур дошли...

Разговор на этом оборвался; вошел хозяин постоялого двора, люди внесли вещи диамбега. Тот многозначительно переглянулся с хозяином и кашлянул.

– Что? Придет? – спросил он его.

– А как же? – улыбнулся хозяин.

Вошли торговцы, неся на подносах разные яства: вареных кур, головки сыра, разные вина в кувшинчиках и запечатанных бутылках. Диамбег принял все это, с каждым перекинулся двумя-тремя словами и отпустил лавочников.

С ним остались только хозяин, Гиргола и несколько казаков.

Когда шаги затихли, Гиргола впустил с черного хода трех кистинов, которые преподнесли начальнику награбленные вещи – серебряные ножи, вилки, ложки, чаши и другое.

Почтенный правитель поблагодарил подданных за верность и обещал им свое милостивое покровительство.

Проводили и этих гостей. Тогда снова открылась дверь с черного хода, вошел хозяин духана и следом за ним богато разряженная женщина с опущенным на лицо покрывалом.

Пока диамбег пребывал в таком благоденствии, Иаго, звеня кандалами, шагал под конвоем по дороге в Квешети. Остановились отдохнуть, и Иаго присел у дороги. Несмотря на лето, в горах было довольно прохладно. Но Иаго, разгоряченный ходьбой и тревожными мыслями, не чувствовал холода. Застежки с его одежды были сорваны, и его широкая, могучая грудь бурно подымалась и опускалась.

Обо всем он позабыл – о своих кандалах, о своем несчастье, одна только мысль владела всем его существом: он думал о Нуну.

Перед его мысленным взором вставал образ прекрасной девушки с колеблющимся, как тополь, станом, с улыбкой на чуть приоткрытых губах, словно готовых заговорить; ее черные, подернутые влагой глаза весело манили к себе. Он чувствовал ее близость, слышал ее дыхание, вот-вот он обнимет ее и прижмет к своей груди.

Удар нагайки вывел его из забытья.

– Заснул, что ли, лентяй! Вставай! – крикнул над его ухом казак.

– Зачем бьешь? Что я тебе сделал? – грустно взглянул на него Иаго.

– Шагай, поменьше разговаривай! – и конвойный снова стегнул его плетью.

– Ох, горе мне! – заскрежетал зубами Иаго. – Где же бог, где правда?

В Квешети конвойные сдали Иаго этапным караульным, а те втолкнули его в тюрьму и заперли за ним дверь.

Здесь ему стало легче, можно было свободно отдаться своим мыслям. Уставший не столько от ходьбы, сколько от волнений и печали, он свалился на пол и закрыл глаза. Сон не шел к нему. Тысячи мыслей роились в голове – одна мрачнее другой. За что так несправедливы к нему, почему он в такой беде? Он не вор, а обвиняют его в воровстве, не грабитель, не разбойник, а винят в разбое. Он только в том виновен, что любит девушку, а его разлучили с ней, избивают, оскорбляют и не позволяют даже оправдываться!

За что? Почему? Кого радуют его мучения? Отчего так происходит? Безотрадные, беспробудные мысли роились в голове, и не было им конца.

На другое утро, когда солнце уже совершило довольно большой путь по небу, диамбег вышел на балкон в сопровождении своего верного старосты.

Люди, ожидавшие его с вечера для подачи жалоб, почтительно сняли шапки и продолжали молча стоять в отдалении. Никто не решался заговорить первым, все ждали, когда господин всего Хеви обратит на них свой милостивый взор и соблаговолит выслушать их просьбы.

А диамбег, самодовольно красуясь, стоял у входа в духан. Он принялся прохаживаться взад и вперед, делая вид, что не замечает никого вокруг. Староста без шапки бегал за ним на цыпочках, чтобы шумом шагов не нарушать течения его мыслей.

– Староста! – окликнул его диамбег.

– Слушаю, ваша милость! – и староста вытянулся в струнку перед диамбегом.

– Ты вчера сказал, что мне преподнесли убоину? – тихо, чтобы другие не слышали, спросил диамбег – Где она?

– Да, ваша милость, молочные ягнята. Я приказал загнать их в хлев, чтобы не замерзли.

– Молочные ягнята? – переспросил диамбег и нахмурился. Он несколько раз прошелся взад и вперед. – А для чего мне ягнята? – он пристально взглянул на старосту.

Староста, рассчитывавший на благодарность за свое старание, растерялся, не сразу нашелся, что ответить.

– Право, не знаю, ваша милость! – смущенно пробормотал он.

– Нет, ты только подумай, шестнадцать ягнят! Ведь не духанщик же я, не могу их зарезать и торговать ими по порциям?... Отвечай мне! – все больше горячился диамбег.

Староста сделал попытку успокоить начальника.

– Продадим, ваша милость, все-таки деньги будут!

– Что ты сказал?... – диамбег нахмурился, как туча. – Я буду продавать ягнят? Да в уме ли ты, глупый моховец! – кричал он. – Я не шинкар какой-нибудь! Знаешь ли ты, что за такие слова я могу тебя погубить, в Сибирь сослать.

Несчастный староста дрожал от страха. Он знал, что диамбег и в самом деле может, если захочет, его погубить. Побледнев и весь дрожа, он бессвязно бормотал:

– Не губи меня, ваша милость, крестьяне мы несознательные, по неведению своему тебя обидели, прости!..

– Мужики! – ревел диамбег. – Все вы такие, не одни только крестьяне. Знаю я вас! Сейчас же ступай и прикажи гнать ко мне матерей этих ягнят. Пусть гонят их прямо в Джварваке к моему пастуху, не то голову снесу!

– Извольте, ваша милость! – низко кланяясь, обрадовано подхватил староста. – Вы только гневаться не извольте, а я заставлю хоть целую отару к вам пригнать.

– Нет, вы посмотрите на него, на зверя этакого! Ведь молочных ягнят от груди оторвал, нет в ваших краях простой человечности, бессердечные вы все! Как же могут жить молочные ягнята без матери?

– Не разумеет, ваша...

– Довольно болтать! – оборвал его диамбег. – Летом они пососут грудь, а осенью вернем маток их владельцам. Понял? Ступай!

Староста исчез в толпе, бормоча про себя: «Разве хватит этому грешнику одних только ягнят?»

Подошел Гиргола и доложил начальству, что лошади поданы.

– Хорошо! Можешь не сопровождать меня в Квешети. Возвращайся, займись своими делами! – милостиво распорядился диамбег.

– Спасибо вашей милости!

– Да смотри, будь настороже, если где что появится...

– Понимаю, ваша милость. Мимо вас ничего не пройдет.

– Ну-ну! Надеюсь на тебя.

Из ворот выехала тройка, уже груженная вещами. Диамбег попрощался с хозяином и спокойно уселся в экипаж.

Видя, что диамбег уезжает, так и не заметив их, люди нерешительно двинулись к тройке.

– Мы к тебе, ваша милость, – робко заговорил один из крестьян.

– Чего?... – прорычал диамбег. – Трогай! – сказал он ямщику.

Ямщик не расслышал приказа седока.

– Жалоба у нас, ваша милость! Выслушай нас! – продолжал крестьянин.

– Ты что, не слышишь? Трогай, говорят! – и диамбег ударил ямщика по затылку. Тот испуганно дернул вожжи, и тройка в одно мгновение скрылась за выступом скалы.

Крестьяне так и остались стоять на месте, застыв от неожиданности и удивления. Потом один из них наклонился, поднял с земли камень и кинул его вдогонку уехавшему диамбегу.

– Чтобы тебе назад не вернуться! – с сердцем сказал он, словно и в самом деле от этого камня зависела судьба диамбега.

Крестьяне еще немного пошумели, поговорили о своих бедах, почесали затылки и разошлись.

– Нет у них ни чести, ни справедливости! До каких пор нам так мыкаться? – говорили они.

В Квешети начальник собирался обедать, когда к нему почтительно вошел диамбег и вытянулся перед ним в струнку. Он держал в руках бумажный сверток.

– А-а! – протянул начальник. – Это ты?

– Я, ваше сиятельство!

– Видел, каких мне прислали имеретинских легавых?

– Нет, еще не успел, ваше сиятельство!

– Ну, ну, ну! Это невозможно, красавцы, прямо как нарисованные! Постой, я сейчас тебе их покажу!.. Человек! Эй, человек! Ступай приведи сюда псов, что из Имеретии мне прислали! – приказал начальник вошедшему на его зов слуге.

– Уж, наверно, хорошие! Иначе кто бы посмел прислать их вашему сиятельству?

– Не нахвалишься! Вчера ходил с ними на охоту, и за один только час они семь зайцев подняли, понимаешь, семь зайцев!

– Удивительно!

– И как они ищут, и... раз уж напали на след, так будьте уверены, не упустят... Прямо подведут к зайцу! Семь зайцев подняли, и я всех семерых подстрелил!

– Ну, ваши собственные псы тоже не упустят, особенно Ласточка!

– Не Ласточка, а Нежная! – поправил начальник.

– Да, да, Нежная! – подхватил диамбег и несколько раз кашлянул. Он шагнул к начальнику и протянул ему сверток.

– Что это? – спросил начальник.

– Вот, ваше сиятельство, достал и преподношу вам. Начальник взял сверток и не спеша развернул. Глаза его загорелись от удовольствия.

– Ах, какая прелесть! – воскликнул он, держа в руках довольно большой ковш старинной работы. – Где ты достал такой?

– По дороге встретился с золотых дел мастером, ваше сиятельство, мне понравилась эта вещь, и я купил ее для княгини.

– Ах, спасибо, спасибо большое!.. Постараюсь не остаться в долгу...

– Ваша доброта для меня превыше всякой награды! Начальник снова принялся разглядывать ковш. Наступила тишина.

– Ваше сиятельство! – начал диамбег вкрадчивым, тихим голосом. – Я задержал одного человека и доставил его сюда.

– А кто такой?

– Зовут его Иаго Гогобаидзе.

– Ну и что?

– Задержан за кражу.

– За кражу надо наказать примерно.

– Да, ваше сиятельство, об этом я и прошу. В Хеви нет злейшего разбойника, чем этот человек!

– Ну, что ж? Мы с него взыщем!

– Лучше сослать, ваше сиятельство!

– Сошлем, сошлем! – успокоительно заверил начальник, снова взявшись за ковш.

В эту минуту в комнату ввалилась свора собак, и начальник позабыл обо всем. Он оставил ковш и принялся ласкать собак, потом взял щетку и стал их чистить и скрести. Диамбег восторгался псами, хвалил их, находил в них какие-то приметы, подтверждающие их необыкновенное обоняние. Наконец начальник передал ему щетку, и он тоже принялся скрести и чистить собак.

– Я пойду к жене, покажу ей твой подарок.

– Кланяйтесь низко княгине от меня, ваше сиятельство!

– Хорошо, хорошо! – обернулся в дверях начальник. – А ты пока хорошенько почишь собак. Что касается Иаго, то составь бумаги, мы передадим дело в суд...

Как только диамбег остался один, он сердито швырнул щетку и пихнул ногой легавую, которая отошла оскалась.

– Собакам, что ли, молятся эти проклятые! – злобно проворчал диамбег.

Он направился в канцелярию составлять бумаги об Иаго. По этим бумагам выходило, что Иаго – человек опасный, что его обязательно надо удалить, выслать в Сибирь. Бумаги эти составил, подписал и направил следователю, прокурору и судье один человек. Через несколько дней начальник наложил на них резолюцию, и они вместе с обвиняемым были отправлены в уездный суд.

Жизнь Нуну текла по привычному руслу. Она работала с утра до вечера, ложилась спать с курами, закрывала глаза, но часто не могла заснуть до рассвета, и образ Иаго неотступно стоял перед ней, иногда – прежний, светлый и радостный, чаще – теперешний, омраченный страданиями и горем. Но, думая о нем, Нуну сама страдала, сердце ее не знало покоя, и она слабела от постоянных тревог.

Страдания ее были тем тяжелей, что не с кем ей было поделиться ими, не было рядом с ней человека, которому могла бы она доверить свои думы, свои душевные невзгоды, и она хоронила их в себе. Подруга ее Марине в это время уехала к своей тетке в другую деревню.

Махия, которая давно перестала ссориться с Нуну и только изредка взглядывала на нее со злобной усмешкой, более едкой, чем грубые слова, втайне приняла непоколебимое решение – рано или поздно сыграть эту свадьбу, выдать Нуну, хотя бы силой, за брата Гирголы.

А вестей об Иаго не было, словно земля поглотила его. Никто его не видел. Никто не слышал о нем.

Вернувшись домой, Гиргола зачастил к Махии, и всегда у них находилось, о чем пошептаться, пошутиться. Онисе как будто вовсе не замечал его, всегда норовил при нем уйти на работу, всячески его избегал.

Как-то раз Гиргола пришел в такое время, когда вся семья Онисе была в сборе. В доме к тому же гостил еще один приезжий старец. Нуну, которая не могла глядеть на Гирголу без отвращения, услышала издали его голос и, вскочив с места, кинулась к двери. Но гость заметил ее у порога и прегради ей путь.

– Куда убегаешь, девушка, зачем от меня уходишь? – воскликнул он.

– Пусти меня, чтоб тебе ослепнуть! – хмуро пробормотала Нуну.

– За что ты меня ненавидишь? Разве я сделал тебе что-нибудь плохое? – обиженно опросил Гиргола.

– Прочь, прочь! – сурово сказала Нуну и выскользнула из его рук.

Гиргола проводил девушку грустным взглядом.

– Измучила меня, – тихо проговорил он. – Но, богом клянусь, не уйдешь от меня, чего бы мне это ни стоило!

Подшел Онисе вместе со своим гостем-старцем. Они поздоровались с Гирголой, и хозяин пригласил гостей войти в дом.

– Пожалуйста! Махия будет тебя угощать, Гиргола, а нам нужно по делу! – обратился Онисе к гостю.

– Нет, Онисе, сделай милость, не уходи, – попросил Гиргола. – Да вот и дедушка здесь, – добавил он, – старый человек, его совет дорог.

Онисе угрюмо взглянул на гостя – довольно, мол, всяких разговоров, все дела поручены жене. Гиргола понял, но настаивал на своем.

– У меня дело как раз к тебе, Онисе! – оказал он.

Старец собрался уходить.

– Нет, нет, – удержал его Гиргола. – Совет старшего – божье благословение всякому делу, останься с нами!

Они вошли в дом. Махия встретила их с приветливой улыбкой.

Долго сидели все молча, ожидая важного разговора.

– Что же ты хотел сказать нам, Гиргола? – нарушил молчание старец.

– Какое у тебя дело? – добавил Онисе.

– Дело важное, дорогие мои, – сказал Гиргола, – на весь мир я опозорен!

– Что ты, что ты? Почему же так? – спросил Онисе.

– А потому, что отказываете нам, девушку к нам не отпускаете!.. Если мы были вам не угодны, не следовало брать выкупа, а уж когда взяли, почему задерживаете девушку?

Наступило тягостное молчание.

– Что же вы молчите? – воскликнул Гиргола.

– Что нам говорить? Что можем мы сказать тебе? – упавшим голосом отозвался Онисе.

– Все-таки, скажите что-нибудь... Род ли наш вам не ко двору, выкуп ли мал? За что пожелали вы опозорить меня на всю общину? Ведь правда, дедушка? – обратился Гиргола к старцу.

– Правда, правда, они должны ответить, должны сказать что-нибудь! Онисе, почему молчишь?

– Что я могу поделать? Девушка грозитя покончить с собой, не хочет за его брата замуж итти, не принуждать же ее?

– Да-а! – вздохнул старец. – Раз девушка не хочет, тогда разговор другой...

– Зачем взяли выкуп, зачем обнадежили нас? – снова заговорил Гиргола. – Нас двое братьев, и оба мы ляжем костями, но от девушки этой теперь не отступимся...

– Что за речи, Гиргола, что за речи? Любовь принуждения не терпит! – начал было старец, надеясь убедить Гирголу.

– Зачем выкуп взяли, если не было согласия девушки? – упрямо твердил Гиргола.

– Ну, взяли выкуп, ну и что же? Разве не бывало такого в Хеви? Случалось, что община разводила даже после женитьбы, если не было любви и согласия между молодыми. Какая же это семья, если нет в ней мира?

– Это прежде так бывало, в давние годы была у общины такая власть. А теперь у нас не то. Теперь все по закону делается... Разве не так, дедушка? Раз взяли выкуп, должны отдать девушку; при чем тут теми или кто бы там ни был? Я не стану считаться со старыми обычаями, пойду прямо к мдиванбегу, к начальнику и девушку заберу, и Онисе погублю, если захочу! Ей-богу, погублю его вместе со всей семьей!

– Нет, Гиргола, постой, так не годится! Разве христианский это поступок – венчать девушку с нелюбимым человеком? Разве это справедливо? Зачем тебе жаловаться чужим? Если обидели тебя твои соседи, соседи же и разберут, рассудят вас; собери старейших, попроси у них совета!

– Нет, дед, не хочу я слушаться теми, я – человек закона и хорошо знаю законные пути! – с угрозой сказал Гиргола и поднялся.

– Хорош же твой закон, если он велит обвенчать с твоим братом девушку, которая его не любит! – сердился старец.

– Я на царской службе и не позволю, чтобы меня делали посмешищем для людей! – горячился Гиргола.

– Не оскверняй чести теми! Глас народа – глас божий! – сказал дед.

– Дался вам наш теми! – воскликнул Гиргола. – Мне он нипочем. Я действую по закону... А впрочем, довольно разговоров! Отдаете вы нам девушку или нет? – грозно спросил он.

– А кто ее держит, кто? – жалобно сказал Онисе, который отлично знал цену угрозам Гирголы.

– Всегда вы так говорите, а конца делу не видно!

– Как же быть, если девушка не любит? – снова заговорил старец.

– Нет, дедушка, нельзя нам больше медлить с этим делом, – сказала молчавшая до сих пор Махин.

– Он на царской службе, – смелей заговорил Онисе. – Где уж нам с ним спорить! Пусть лучше забирает эту несчастную девушку!

– Что ты сказал? – вскипел старик. – Тьфу, нет у тебя чести, нет шапки на голове, баба ты, баба трусливая! Так перепугался, что гонишь девушку из своего дома к нелюбимому человеку!.. Трус ты, трус, лучше не жить на свете такому, как ты...

– Не сердитесь, дедушка! – сказала Махин. – Разве лучше будет, если всех нас сошлют в Сибирь из-за одной бедной девушки?

– А за что сошлют в Сибирь? Значит, нет правды на свете, нет справедливых людей? – горячился старик. – Этакие вот обезьяны могут вас запугать? Горе мое, что я не молод, а то показал бы ему, как шутки шутить!

– Богом клянусь, если не отдадут нам Нуну, удалю отсюда Онисе и вовек не видать ему здешних облаков! – воскликнул Гиргола.

– Кто? Ты удалишь?... Ах ты, корявый!.. Где мой нож? Ты у меня сейчас замолчишь... И старик кинулся в драку с Гирголой, но Онисе и Махия схватили его за руки.

Старик не унимался и все рвался к Гирголе, который стоял, держась за рукоятку кинжала. Онисе кое-как уgomонил старика, вывел его на двор и проводил.

– Ничего! – грозился Гиргола. – Я до него доберусь, душу вымотаю на барщине, на оброке...

Онисе вернулся, и все трое стали мирно беседовать.

– Нет, дорогой, мы тебе не препятствуем в этом. Приходите, когда вздумаете, и забирайте ее, – говорил Онисе.

– Ты только согласие дай, а там пусть кто-нибудь посмеет стать мне поперек пути! Увезу ее хоть сегодня же! – хвастался Гиргола.

– Только не от нас, Гиргола, – вмешалась Махия, – у нее родня еще есть, не отдадут ее по доброй воле.

– Откуда же? – удивился Гиргола.

– Мы пошлем ее либо в горы, либо на мельницу. Тебя заранее известим, а там поступай, как знаешь.

– И вам придется на первое время увезти ее из деревни, – добавил Онисе.

– Это уж я знаю! – весело воскликнул Гиргола. – Но когда же, когда? – с нетерпением добавил он. – Вот уже две недели брат мой дома сидит, пришлось взамен его взять пастуха. Надо Нинию поскорее туда отправить, а то без хозяйского глаза все стадо утечет, как вода.

– А как же, утечет, утечет! – подтвердил Онисе.

– Ты держи ухо востро, подготовься, и как только подвернется удобный случай, тут же тебя извещу! – сказала Махия.

Они еще немного побеседовали и разошлись в добром согласии.

Гиргола вызвал себе на подмогу нескольких головорезов, прославившихся бесчинствами и разбоями, и ждал от Махии вестей о Нуну.

Как-то раз собрались сельские девушки на гору Гергети за земляникой и черникой. Часто устраивали они летом такие прогулки, не столько ради ягод, сколько ради того, чтобы отдохнуть и развлечься.

Девушки сходились на площади села и поджидали там своих подруг.

– Махия, можно и мне пойти за ягодами? – спросила Нуну у своей тетки.

– Ступай, кто тебе мешает! – ответила тетка, как-то странно улыбнувшись. – Я сама давеча хотела тебе это предложить, надо рассеяться, развлечься, а то с каких пор не видно улыбки на твоём лице!

Нуну вздохнула и, взяв корзину, молча вышла из дома.

Как только Нуну переступила порог, Махия вся преобразилась. С озабоченным и тревожным лицом она осторожно приоткрыла дверь и стала следить за быстро удалявшейся девушкой. Нуну скрылась между домами, тогда Махия торопливо окликнула мальчика, игравшего в кости перед самым домом.

– Беги скорей к Гирголе, окажи, чтобы сейчас же шел ко мне, дело, мол, очень важное!

Мальчик побежал исполнять поручение, а Махия стала с нетерпением ждать Гирголу, чтобы сообщить ему о прогулке Нуну на Гергетскую гору, – наконец-то желание его исполнится!

Девушки шли с песнями, играли, шутили, перекидывались стихами.

Целые месяцы проводили они в тяжелом труде, были прикованы к своим домам, и теперь, почувствовав себя на свободе, искренне, всем сердцем отдавались веселью.

Нуну, всегда первая в играх и песнях, шла теперь печальная, озабоченная, задумчивая. Ее подруга Марине, недавно вернувшаяся из дальнего села, боялась проронить слово, не смела

заговорить с Нуну, чтобы грубо не коснуться ее сердца, не разбередить ее сердечную рану. Нуну могла бы расплакаться при девушках и вызвать насмешки.

С шумом и смехом вошли девушки в рощу святой Троицы, которая считалась святым заповедником и потому сохранила свою первозданную прелесть.

Все разбрелись собирать землянику, чернику, боярышник. Нуну и Марине незаметно отстали от подруг и спустились к реке Чхери. Они освежились холодной водой и уселись на берегу.

Долго сидели, не решаясь прервать молчание.

– Что случилось, Нуну, почему не расскажешь ничего мне? – заговорила наконец Марине.

– Что мне рассказать! – с тоской воскликнула Нуну. – Наши взяли выкуп сполна, шьют мне подвенечное покрывало, Гиргола готовится к свадьбе, а от Иаго все нет и нет никаких вестей, – и Нуну залилась слезами.

– Значит, все-таки решили отдать тебя замуж за Нинию.

– Решили! – горько улыбнулась Нуну. – Клянусь богом, свадебное покрывало станет моим саваном, но только Ниния не введет меня в свой дом!

– А что ты можешь сделать?

– Об этом узнает теми!

– Ах, горе мне! Если Иаго не вернется, ты не выйдешь замуж, так что ли?

– Нет, не выйду!

– Разве это можно?... А вдруг Иаго уже давно выпустили, разве ты знаешь, куда он пошел?

– Что ты говоришь, моя Марине? – удивилась Нуну.

– Правду говорю, бог свидетель!

– Не говори так, а то поссорюсь с тобой! – сурово сдвинув брови, сказала Нуну. – Иаго не может мне изменить, мы поклялись друг другу перед богом!

– Как знаешь!.. – Марине задумалась.

Сама Марине тоже любила, был и у нее возлюбленный, и она не променяла бы его ни на кого на свете, не изменила бы ему никогда. Но она видела безысходную печаль Нуну, мало было надежды на возвращение Иаго, и она попыталась набросить тень на любовь Иаго, помочь подруге разлюбить его. А Нуну дала ей такой суровый отпор, что теперь она жалела о своих словах.

– Значит, ты не сможешь забыть своего Иаго? – помолчав, спросила она.

– Нет, нет, моя Марине, скорее умру, чем с ним расстанусь. Его арестовали, погубили из-за меня... Могут ли я покинуть его?...

– Ты права, милая, изменить ему ты не можешь! – горячо согласилась Марине.

– Чем мне помочь ему, какое средство найти? Сгораю я, сохну, его ожидая, и ниоткуда нет мне утешения. Если б могла, продалась бы в рабство, лишь бы его спасти!

Вдруг позади них раздвинулись ветки и вооруженные люди выскочили из засады. Девушки вскочили и в страхе прижались друг к другу.

Среди напавших девушки узнали Гирголу, он подбежал к Нуну и оттащил ее в сторону.

– И теперь будешь упрямитесь? – спросил он с насмешкой.

Нуну, вся дрожа от страха, не могла вымолвить ни слова, и побледневшая Марине тоже застыла на месте.

– Пусть-ка придет Иаго, пусть поможет тебе! – издевался Гиргола над Нуну. – Идем! – приказал он ей, грозно тараша глаза.

– Куда? – растерянно спросила Нуну.

– Я знаю, куда! – усмехнулся Гиргола и потащил ее за руку. Только теперь опомнилась Нуну, она напрягла все свои силы и вырвалась из рук Гирголы.

– Не пойду с тобой, пока жива! – закричала она, и глаза ее загорелись, как угли. – Не выйду замуж за твоего брата, я ненавижу его, а тебя презираю, оба вы – бабы трусливые!.. – кричала Нуну.

– Иди, говорят тебе! – заревел Гиргола, снова схватив ее за руку.

– А-ах! Баба, баба трусливая! И зачем только шапка мужская на тебе, повязал бы голову моим платком, он тебе больше к лицу! – кричала Нуну, оскорбляя насильника, яростно сопротивляясь.

– Помогите мне! – окликнул Гиргола своих. Те, лихо подбоченившись, спокойно и равнодушно глядели на эту борьбу. Но на зов Гирголы они все, как один, кинулись к Нуну и подхватили ее.

Марине, оцепеневшая от испуга и неожиданности, вдруг пришла в себя и, сорвав с головы шелковый платок, бросила его к ногам мужчин.

– Окажите мне честь, оставьте ее в покое! – воскликнула она, надеясь, что этот обычай, священный для каждого горца, укротит озверевших насильников.

Если бы обезумевший от горя отец с оружием в руках настиг убийцу своего сына, даже и он не пограл бы просьбы женщины, остановился бы перед брошенным к его ногам женским головным платком, но можно ли было ожидать этого от Гирголы, развращенного царской службой, давно уже растоптавшего все обычаи гор! Что значили для него мольбы женщины, что значила лечака, так почитаемая некогда на его родине?

– О-о! – махнула рукой Марине. – Нет, вы не мужчины, нет у вас ни чести, ни совести, ни стыда...

– Болтай, болтай себе! Многого ты этим добьешься! – с насмешкой огрызнулся Гиргола.

– Я-то сама ничего не добьюсь, но у отца Нуну есть братья, они не простят тебе, Гиргола.

– Ты чего ко мне пристала, девка проклятая?

– Не бесчесть нас, Гиргола, – ведь ты мужчина, шапку носишь на голове.

– Да я здесь с согласия Онисе, он мне сам посоветовал ее похитить. Кого же ты защищаешь, чего требуешь от меня?... А теперь отойди подальше, не то, богом клянусь, на месте тебя уничтожу!

– Кого ты уничтожишь, баба ты подлая? – крикнул юноша, неожиданно выскочивший из чащи. Он схватил Гирголу за руки. – Отойди в сторону, если есть в тебе хоть капля мужества!

Это был Коба, возлюбленный Марине. Он шел на охоту в горы и, услышав шум и крики, свернул в лес.

Коба и Гиргола сошлись. Разгорелась борьба. Оба были сильные и ловко увертывались друг от друга.

Гиргола старался отеснить Кобу к пропасти и столкнуть его туда. Коба понял этот коварный замысел, напряг все силы и свалил Гирголу. Он выхватил кинжал и занес его над врагом. Тогда один из людей Гирголы, подскочив сзади, ударил прикладом ружья по занесенной руке и Коба выронил кинжал. Гиргола воспользовался этим и вскочил на ноги. Между тем Коба быстро схватил левой рукой упавший кинжал и двинулся на того, кто помешал ему в единоборстве с Гирголой. Тот отступил и нацелился из ружья. Коба ловко подскочил к нему и, отодвинув левой рукой дуло ружья, изо всех сил вонзил ему в грудь кинжал по самую рукоять.

Тотчас же извлекши из раны кинжал, Коба огляделся по сторонам. Гиргола и его сообщники уже успели похитить Нуну. Вскочив на коней, они спасались бегством со своей добычей. Коба увидел всадников, мчавшихся по гребню горы. Он рванулся вперед, хотел их преследовать, но они были уже далеко. Он заскрежетал зубами в бессильной злобе.

– Подожди ты у меня, Гиргола! – пригрозил Коба. – Доберусь я до тебя! Пусть не растут у меня над губой усы, если я спущу тебе это!

Он вернулся на место боя, где лежал с искаженным лицом поверженный убитый враг.

– Зачем ты напал на меня, зачем заставил пролить свою кровь, несчастный? – с презрением глянул на него Коба.

И только теперь вспомнил он о своей любимой. Марине лежала в глубоком обмороке. В жаркой схватке Коба этого не заметил.

Он кинулся к ней.

– И женщин стали убивать! – он думал, что она ранена. – Какое настало время! – горько воскликнул он. – Лучше смерть, чем такая позорная жизнь!

Марине пришла в себя. Близость друга, который спасся от опасности и вот теперь цел, невредим и рядом с нею, так ее потрясла, так переполнила благодарностью ее сердце, что слезы полились у нее из глаз.

Она крепко обняла его, и в эту минуту ей казалось, что все беды уже миновали и нет больше горя на земле. Она целовала его, ласкала, вся замирая от счастья.

Увы, скоро пришлось им стряхнуть с себя блаженное забытие и вернуться к горькой действительности. Коба убил человека, а этого было достаточно, чтобы разлучить его с родиной, иначе ему грозила тюрьма или смерть.

Они ужаснулись тому, что произошло. Им следовало тотчас же расстаться, и как тяжело было для них это расставание?

Девушка кинулась догонять своих подруг, а Коба подхватил ружье и ушел бог весть куда...

И в тот же вечер, не посчитавшись с тем, что Нуну отказывалась от брака, сопротивлялась, не хотела стоять в церкви рядом со своим женихом, поп сочетал ее с Нинией теми узами, которые могла расторгнуть одна только смерть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аршская крепость, прославленная своей неприступностью не только в истории Хеви, но и всей Грузии, как бы умышленно оградила себя высокими скалами, делавшими ее недоступной для человека, кроме как с одной стороны. Да и с этой одной стороны так трудно ее достигнуть, что один человек, преградив путь, может задержать на нем целое войско; тропинка, узким поясом обвивающая голую скалу, кое-где так узка, что даже одному путнику трудно пройти по ней.

Внутри ограды Аршского укрепления широко раскинулась прекрасная зеленая поляна, которая так щедро усеяна тысячами ароматных цветов и орошена такими студеными ключами, что кажется обителью бессмертных. Кругом в скалах вырыты пещеры, вполне пригодные для человеческого жилья. Укрепление это давно покинуто, никто в нем не живет, и только один раз в год сходятся туда люди, чтобы прославить знамя аршского святого Георгия, покоящегося в одной из пещер.

Несколько бурок сушилось на солнце, дым выбивался из расселин пещеры, – видимо, кто-то поселился в Аршской крепости.

Солнце уже клонилось к закату, когда из пещеры вышел мохевец с печальным и встревоженным лицом; он подошел к роднику, постоял там молча, потом, тяжело вздохнув, опустился на камень.

Его задумчивый, неподвижный взгляд выдавал душевную муку; лицо его непрестанно менялось, отражая быстро бегущие тревожные мысли. Он снова глубоко вздохнул, наклонился к роднику и стал пить, черпая воду ладонью.

– Что мне делать, ведь люблю ее, как же мне быть? – прошептал он и низко опустил голову.

Из жилья вышел другой человек и, почти бесшумно подойдя к первому, опустился рядом с ним.

– Ниния! – воскликнул он и положил ему руку на плечо.

– А! – вздрогнул Ниния: – Гиргола, ты?

– Да, я! – ответил Гиргола. Они помолчали.

– Что ж, не будешь больше смотреть за отарой? – спросил Гиргола и, не получив ответа, продолжал. – Убывает, брат, стадо, чем будем жить? Все наше состояние в этой отаре.

– Что я могу поделаться? Пропади все пропадом! – сказал Ниния.

– Разве так можно?

– А что?

– Не целый же век рядом с бабой сидеть! Стыдно это, засмеют тебя!

– А, пусть бы вода унесла и стадо, и весь мир!

– Опомнись! – воскликнул Гиргола. – Чего тебе не хватает?

– Как мне быть, Гиргола? Я и сам не знаю, чего мне надо. Сгораю я, таю, сохну, а она не любит меня!.. Зачем ты нас поженил, взял на душу грех?... Помоги же мне теперь, исцели меня...

– Что мне с тобой делать, чем тебя исцелить?... Будь она моей женой, уж я знал бы, как с нею быть, а ты... Если сам ничего не можешь поделаться, чем же я тебе помогу?... Сам ты баба!..

– А что мне делать! – ломая руки, воскликнул Ниния.

– Всыпал бы ей розог хороших, и, ей-богу, стала бы гибкой, как ясеневый прутик.

– Опять плеть, опять побой? – с невыразимой тоской произнес Ниния. – Разве я мало бил ее?... Не могу больше, сердце обмирает! Когда я ее бью, мне кажется, что бьют меня самого...

– Говорю же тебе, что ты баба... Раз ни на что не способен, так хоть за овцами бы смотрел... А я сам попробую, может, образумлю ее...

– Пойду, пойду, а что мне остается делать? Вот уж два месяца, как женился, а ни ласками, ни побоями ее не смягчил, даже близко не подпускает меня...

– Я же и говорю, что сам попробую, а ты уходи, ступай к стаду.

– Хорошо, хорошо.

– Когда пойдешь?

– Да вот прямо сейчас и пойду... К чему мне заходить в жилье?... – сказал Ниния и пошел к пещере. Он остановился у порога, взял мешок и палку, шагнул было к жилью, но махнул рукой и вернулся к брату.

– Гиргола, я ухожу и... как знаешь, только не очень приставай к ней... Понятно, что она меня не любит, она прекрасна, а я... я ведь урод, – сказал Ниния и, доковыляв к выходу из крепости, стал спускаться по тропинке.

Гиргола долго смотрел вслед своему уходящему брату. Трудно было разгадать, чего больше в его взгляде: презрения, жалости или, быть может, даже злорадства. Малорослый Ниния, горбатый и заика, за последнее время сильно исхудал и в самом деле был жалок. Его еще больше уродовали узенькие, безжизненные глазки на худом, истощенном лице.

Гиргола в последний раз посмотрел ему вслед.

– Разве это мой брат!.. – презрительно усмехнулся он и медленно повернул к пещере, где сидела взаперти Нуну.

После венчания Нуну и Ниния поселились в Аршском укреплении, чтобы, на всякий случай, быть подальше от родни Нуну. Здесь стали они дожидаться примирения с родственниками, посылая и принимая посредников. Больше всех горячились Махия и Онисе: им хотелось отвести глаза своим односельчанам.

Долго тянулись переговоры. Нуну была непреклонна. Ни побои, ни ласки, ни уговоры не могли ее укротить, не могли примирить ни со своей судьбой, ни со своим мужем.

От горя и побоев девушка похудела, высохла, но воля ее была тверда, и она не могла, не хотела сблизиться с Нинией. Отказ девушки и ее сопротивление с каждым днем все больше и больше покоряли Нинию, и он не только не сумел стать повелителем своей жены, но неожиданно превратился в исполнителя ее приказаний. Нуну так всецело подчинила его себе, что одним своим взглядом приводила в трепет все его хилое тело.

А когда Ниния еще и полюбил Нуну, он уже всецело подчинился ей, стал ее покорным рабом. Он давно дал бы ей свободу и отпустил домой, но сызмальства запуганный, поработенный своим старшим братом, не смел противиться его воле. Он был как бы между двух огней, трепетал между двумя своими повелителями, и всегда, мучительно страдая, исполнял волю того, кто в эту минуту был рядом с ним.

Гиргола был не похож на брата. Мощный, сильный и широкоплечий, он был упрям и смел. Обладая каменным сердцем, он, однажды чего-нибудь пожелав, достигал этого любой ценой. Ни мольбы, ни слезы, ни чужое горе не могли его удержать.

Гиргола подошел к дверям пещеры. Солнце было на закате, и последние его лучи золотили неровно вздыбленные вершины скал. Эти лучи как бы прощались с ними навсегда, и опечаленные скалы бледнели от горя. С севера, как передовой отряд, медленно крались с горы на гору разрозненные клочья тумана и немного поодаль катился следом за ними большой черный ком. Резкий ветер отражал туманные клочья, рассеивал их, обращал вспять, кружил на месте, но туман все прибывал; он постепенно нарастал и пока все еще незаметно, шаг за шагом подкрадывался ближе и ближе, а потом внезапно подул северный ветер и смело погнал его перед собой. Веселый день сразу померк, облекся в одежды скорби. Свинцовый свет залил небо и землю и тяжелым камнем лег на человеческое сердце.

Сразу стало душно, ветер затих, все замерло в природе; даже шум сбегających ключей долетал приглушенно, не слышалось даже привычных звуков вечера: кудахтанья куропаток и посвиста тетеревов.

Внезапно все небо загремело, ударил гром и пошел мелкий, но частый град, смешанный с дождем. Горы, луга, ущелья – все мгновенно превратилось в бурные потоки и с невообразимой силой устремилось вниз.

Гиргола застыл в дверях пещеры, словно силы природы обратили его в камень.

Нуну, скорбно согнувшись, сидела в пещере напротив двери и думала о своих горьких днях. Лицо ее словно было отлито из чистого воска, и кроткие, ласковые глаза глубоко провалились в орбиты.

От первого удара грома вздрогнули оба. Нуну перекрестилась, Гиргола шагнул внутрь жилища.

В пещере стоял полумрак, лишь смутно озаряемый частым сверканием молний. Гиргола медленно прошел в глубину жилища, опустил на стоявший поодаль стул и задумался. Нуну вся дрожала, то ли от своих горьких мыслей, то ли от предчувствия чего-то недоброго. Сердце щемило, слезы набегали на глаза. Долго сидели они, каждый на своем месте, сидели молча, как бы притаившись.

Наконец Гиргола прервал молчание.

– Девушка! – сказал он каким-то глухим, придушенным голосом.

Нуну вздрогнула и, словно она только и ждала этого возгласа, разразилась безудержными слезами.

– Твоего мужа я послал... – снова заговорил Гиргола, и голос его оборвался. – Что с тобой? – опросил он.

– Ну и хорошо, что послал! – ответила Нуну.

Гиргола посмотрел на нее долгим взглядом, потом спросил:

– Почему ты не любишь своего мужа? Не нравится он тебе?

– У меня нет мужа! – резко сказала Нуну.

– Правду же ты говоришь, бог свидетель! – и Гиргола расхохотался. – Что иметь такого мужа, что нет – все равно!.. Тебе не такой нужен муж... Что за мужчина мой брат?

– Тогда зачем же вы меня похитили, зачем погубили? – с горечью воскликнула Нуну.

– Зачем?... – переспросил Гиргола и усмехнулся. Нуну ждала ответа.

– Зачем? – повторил он, бледнея. – Затем, что я люблю тебя! – сказал он тихо, но твердо.

Нуну окаменела от неожиданности.

Гиргола встал и медленно прошелся по жилищу.

– Ты поняла теперь, зачем? – он вплотную подошел к девушке, хотел ее обнять.

– Прочь! – с презрением оттолкнула его Нуну. – Проклятый грешник, ты смеешь так говорить с женой своего брата?

– Нуну, я погибаю, измучился, глядя на тебя! Пожалей меня.

– Ты любил меня и потому обвенчал с братом? Довольно издеваться! – кричала Нуну.

– Да, я люблю тебя и, знай, никому тебя не уступлю!.. Если понадобится, брату своему вонжу вот этот кинжал в самое сердце ради тебя!

– Хочешь меня запугать! Ни бога ты не боишься, ни церкви!

– Чем доказать тебе, Нуну, что я не могу без тебя. Не мучай ты меня, не изводи, а то не поручусь за себя!

– Чего ты от меня хочешь?

– Твоей любви!

– Тебя полюбить?... Тебя, который погубил, заживо похоронил моего Иаго?... Тебя, из-за которого стали черными дни моей жизни?... Тебя, который навсегда лишил меня надежды на радость?... Как смеешь ты желать моей любви?

– Ради тебя потерял я брата, ради тебя навлек на себя ненависть всей общины...

– И ты из-за любви ко мне обвенчал меня с родным братом! – оборвала его Нуну.

– Да, да, только потому! Я женат, во второй раз не мог жениться. Ради тебя выгнал жену из дому. Только потому и обвенчал тебя с братом, что брат от меня никуда не уйдет, а ты, его жена, тоже не сможешь с ним расстаться... – продолжал Гиргола.

А Нуну словно в каком-то тумане слушала бред потерявшего совесть человека. Она не верила своим ушам, не верила, что мужчина может так низко пасть, все еще надеялась, что Гиргола испытывает ее или издевается над нею.

– Послушай меня! Ты должна стать моей, только моей, ты мне судьбой предназначена!

– Скорей умру, чем этого дождешься!

– Ты шутишь, а мне не до шуток! – покачал головой Гиргола. – Довольно я ждал! – Он снова подошел к девушке и обнял ее. Нуну рванулась в сторону, но он держал ее крепко.

– Стыдись, Гиргола! – закричала Нуну.

– А чего стыдиться? – и он, нагло улыбаясь, притянул ее к себе.

– Я – жена твоего брата... Я – под кровом у аршского святого Гиваргия, надо блюсти эту святыню! Отпусти меня, умоляю тебя! – Нуну просила, униженно молила о пощаде, но ей неоткуда было ждать спасения.

Обезумевший Гиргола крепко сжимал девушку в своих объятиях, из-под его сдвинутых бровей, как горящие уголья, сверкали налитые страстью глаза. Он крепко сжал зубы, ноздри его раздувались, тяжелое, сильное дыхание вырывалось из них, одна только похоть, животная страсть владели им всецело.

Взгляд Нуну скользнул по его лицу, и она поняла, что мольбы ей больше не помогут. Но, стиснутая железным кольцом его рук, она не в силах была шевельнуться.

Одной рукой Гиргола скользнул вдоль ее тела и с силой привлек ее к себе еще плотнее; дрожащими, влажными губами он искал ее губы. Но вдруг грянул гром, и в то же мгновение пещера наполнилась запахом серы; где-то поблизости ударила молния.

Гиргола вздрогнул, и руки его невольно разжались. Нуну почувствовала свободу, очнулась от ошеломления и, схватив валявшийся на земле топор, выбежала вон.

Гиргола бросился следом за ней и преградил ей дорогу.

– Ты шутишь, что ли? – с насмешкой крикнул он. – Не так-то легко тебе уйти от меня.

– Прочь с дороги, нечисть проклятая!.. – крикнула девушка и замахнулась топором.

Гиргола отскочил в сторону. С силой брошенный топор прожужжал в воздухе и вонзился глубоко в землю у самых ног Гирголы. Тот расхохотался и, когда Нуну кинулась вытаскивать топор, обхватил ее, поднял обеими руками и понес в жилище. Нуну потеряла сознание.

Он уложил ее бесчувственную на постель и стал ласкать бешено, зло, самозабвенно...

Когда Нуну открыла глаза, она встретила насмешливый взгляд своего врага, который растоптал ее девичью чистоту, ее честь.

Она с отвращением вскочила с постели, слезы лились из глаз, стыд душил ее, ужасал грех перед богом и людьми. Гиргола, беспечный, довольный собой, возлежал на боку и с улыбкой следил за нею.

– Подойди ко мне, Нуну!.. Теперь ты все равно моя, куда теперь денешься? – и он протянул к ней руки.

Первым движением Нуну было броситься к двери, но Гиргола предусмотрительно запер ее крепко на засов.

– Что?... Не откроешь?... – спросил он насмешливо. Нуну отошла от двери, постояла немного посредине жилища, низко опустив голову и о чем-то раздумывая, потом направилась в другую половину пещеры.

Оттуда не было выхода наружу, и потому Гиргола продолжал спокойно возлежать на постели. Он убеждал себя, что отныне всецело овладел Нуну, теперь она принадлежит ему, навсегда с ним останется, а если сейчас она молчит и проливает слезы, то только потому, что стыдится его, грустит и прощается со своим девичеством.

Должна плакать, а как же иначе, – думал он, – впервые познала любовь... Она женщина, стыдится, потому и молчит... Теперь не уйдет от меня, будет моею и больше ничьей.

Вдруг из того помещения, куда вышла Нуну, донесся грохот: что-то тяжелое упало на землю, и эхо отозвалось в пещере. Гиргола вскочил и в тревоге бросился на шум.

Он вбежал туда, и кровь у него застыла в жилах. Под потолком висела Нуну. Предсмертная судорога перекосила ее лицо. Она как будто стала длиннее. Безжизненные глаза сверкали, упорно устремившись на Гирголу, на людей, на весь мир. Она тихонько покачивалась на веревке, как лист, колеблемый слабым ветерком.

Гиргола подбежал, перерезал веревку и снял петлю с шеи Нуну.

Нуну была еще теплая. Гиргола сорвал с нее пояс, разодрал архалук, стал брызгать на нее водой из кувшина. Она не приходила в себя. Гиргола уже почти отчаялся спасти Нуну, когда женщина слабо вздохнула и пошевелинулась. Гиргола упал перед нею на колени и снова принялся приводить ее в чувство.

Несколько капель упало ей на грудь, и теперь она совсем очнулась, открыла глаза и медленно осмотрелась вокруг.

– Где я? – слабо простонала она.

– Несчастная, что с тобой, почему так убиваешься? – Гиргола поднес ей воды ко рту. – Выпей, выпей глоточек!

Женщина еще не совсем пришла в себя, еще не могла понять, что с ней, и потому безотчетно повиновалась Гирголе.

Она вздохнула и опустила веки: недавнее потрясение изнурило ее, лишило сил.

– Тебе нездоровится? – спросил Гиргола.

– Нет, – коротко ответила она, приподнялась, чтобы встать, но со стоном снова откинулась назад.

– Голова кружится, плечи болят, шея... Отчего это?... Кто здесь? – немного помолчав, заговорила она.

– Я здесь, с тобой!

– А кто ты?

– Я – Гиргола!

– Гиргола?!.. – задумчиво повторила Нуну и замолкла. Гиргола легко поднял ее на руки и вынес в первую, более светлую половину пещеры. Он уложил ее на разостланную поверх соломы чистую бурку и бережно укутал. Нуну подчинялась ему, как послушный ребенок. Гиргола зажег лучину и снова подошел к Нуну. Он пристально всматривался в нее: нельзя было прочесть на его лице, что им движет – боязнь ли потерять любимую женщину или страх перед правосудием, ответственность за загубленную им юную жизнь.

Женщина беспокойно заметалась, стала потягиваться и мелкая дрожь охватила все ее тело – ее лихорадило.

Гиргола накрыл ее сверху всем, чем только мог, но она все продолжала дрожать в ознобе. Гиргола начал терять терпение. Он пытался заговорить с Нуну, но не мог добиться ответа. Он несколько раз злобно сплюнул, встал и беспокойно заходил взад и вперед по жилью, упорно о чем-то размышляя. Может быть, угрызения совести заговорили в нем и он почувствовал раскаяние?

Нуну тяжело вздохнула и быстрым движением руки сбросила с себя одеяло. Лицо ее пылало, озноб сменился жаром. Она стала бредить.

– Убивают его, вешают! – вдруг пронзительно закричала сна. – Не отдам его, не позволю... Иаго, Иаго! Тебя хотят задушить!..

Гиргола напряженно прислушивался к ее бессвязному бреду. Он угрюмо нахмурился, заскрежетал зубами.

– Все о нем, даже во сне видит только его!..

– Подойди, подойди ко мне... Ты мой, только мой! Не уступай меня никому. Ты мой любимый, самый дорогой в жизни...

Гиргола рассвирепел.

– Все еще не понимаешь, что Иаго для тебя умер? – закричал он иступленно. – Убью тебя, изведу, но заставлю забыть про Иаго!

На дворе залаяла собака. Гиргола прислушался, схватился за ружье. Он вышел во двор и притаился у ворот крепости за защитной стеной. На узкой тропинке показались два человека. Они решительно шагали к Аршской крепости.

Гиргола выставил дуло ружья и взял их на прицел, насколько это было возможно в сумерках.

– Кто там, кто идет? – закричал он.

– Гиргола, это ты? – откликнулись идущие.

– Да, я, а вы кто такие?

– Петрай и Гахута. Диамбег прислал нас к тебе.

– Есаулы! – пробормотал Гиргола. – Зачем они ко мне в такую пору?

На приближающихся гостей набросилась собака. Они стали ее отгонять, но только еще больше раздражили, так как для горца унижительно бить камнями или палкой собаку, преданного друга человека.

– Гиргола! – крикнули они наконец. – Отгони собаку, она не пропускает нас.

– Сюда, Бролия, сюда! – позвал Гиргола собаку, и она послушно вернулась к хозяину и стала ласкаться к нему. Тот погладил ее по спине.

– Ты что, несчастная, своих не узнала?

Бролия лизнула руку хозяину и тотчас же, зарывчав, понеслась навстречу к входившим в ворота гостям.

– Да пошла ты, проклятая! – на этот раз не на шутку рассердился хозяин, и собака, пригнув голову, отошла в сторонку и улеглась на взгорье на своем посту.

– Да будет мирен ваш приход! – приветствовал гостей Гиргола.

– Мир да пошлет и тебе господь! – ответили пришедшие.

– С чем пришли? – спросил Гиргола.

– Нас диамбег послал.

– Зачем?

– Иаго убежал.

– Иаго убежал?! – и ошеломленный Гиргола опустился на землю. – Когда он убежал, откуда? – спросил он.

– Третьего дня, из Ананурокой крепости.

– Как же так?

– А теперь диамбег вызвал казаков, разместил их по деревням, чтобы перерезать ему все пути. А нас к тебе послал.

Гиргола глубоко задумался. Иаго на свободе, он опасен, он не оставит в покое своего врага. Надо спешить! Никто бы не стал преследовать Иаго с такой горячностью, с такой готовностью, как Гиргола. Но как же быть с больной Нуну, кому поручить присмотр за нею? Она не должна погибнуть; все это – ради нее! Ради нее преследует он Иаго, ради нее два рода сделались кровными врагами!

– Давно бежал? – спросил он.

– Сегодня третий день!

– Где же вы были до сих пор? Он, небось, перевалил уже через девять гор!

Гиргола сказал пришедшим, что дома у него лежит больная невестка, и даже воды ей некому будет подать, если он уйдет. Все вошли в дом, посоветовались и решили, что надо вызвать из Арши куму Гирголы с сыном, и те присмотрят за больной. Иаго сюда не посмеет

притти; диамбег обещал направить в Арши двух или трех казаков, чтобы те заставили жителей селения охранять вход в крепость.

Одного из прибывших послали к куме Гирголы. В ту же ночь она поднялась со своим сыном в крепость, а три верных служителя власти на рассвете отправились на поиски Иаго.

Как только они спустились в селение Арши, Гиргола созвал сход и объявил крестьянам, что по приказу господина диамбега, – хотя диамбега он еще не успел повидать, – каждый двор должен выставить одного человека для охраны подходов к Аршской крепости.

Однако аршские крестьяне пришли в большое смущение. За что, ради чьих интересов должны они преследовать Иаго?

– Мы не можем нести караул! – единодушно заявили они.

– Мы вас заставим! – резко ответил им Гиргола. – Иаго – вор, он сбежал из тюрьмы, Диамбег вам приказывает.

– Что из того, что диамбег приказывает! А вдруг он прикажет нам перерезать друг друга начисто, – разве обязаны мы ему подчиниться?

– То-то и есть, что обязаны подчиниться! – спокойно продолжал Гиргола.

– Нет, мы не можем выполнить этого приказа! – решительно заявил один из крестьян. – За что нам преследовать Иаго, он нам не сделал ничего худого. А если жизнь спасает, вырывается из рук своих мучителей, так пошли ему бог удачи!

– Ты сам, верно, его товарищ? – с угрозой спросил Гиргола, поглаживая усы.

– Нет, я не его товарищ, но и не враг ему... Вы возвели напраслину на лучшего юношу Хеви, мучили его, пытали... А теперь еще требуете, чтобы мы травили его. За что? Если кто-нибудь считает его врагом, – пусть сам с ним и справляется, а мы тут ни при чем! – закончил крестьянин.

– Хорошо, я так и доложу диамбегу. Скажу, что аршские жители не желают подчиниться его приказам. Пусть пришлет к вам «зекуцию»! – пригрозил Гиргола и, быстро покинув толпу, пошел со своими товарищами в Степанцминду, где пребывал диамбег.

Угроза Гирголы привела собравшихся горцев в большое смятение. Всяческие притеснения, оскорбления и обиды – вот что сулил им постой карательных казачьих отрядов, экзекуций в их деревнях. Это угрожало чести их женщин, это означало разорение. Поэтому более опытные и дальновидные советовали выйти по приказу диамбега на облаву, однако ни в каком случае не задерживать Иаго, если даже он попадет в руки; другие же, еще не утратившие былой правдивости и прямоты, отказывались наотрез.

– Лучше всем сразу погибнуть, чем жить в таком позоре! – говорили они.

Между тем Гиргола предстал перед начальством в Степанцминде.

– Доброго здоровья моему господину! – низко поклонился он диамбегу.

– А-а, Гиргола! – приветствовал его диамбег. Как живешь?

– Вашими милостями, мой господин!

– Ты уже, конечно, слышал, что Иаго сбежал? Как нам теперь быть?

– Велика ваша сила, куда он от нас денется? – бодро ответил Гиргола.

– Нет, уйти-то он не уйдет! – спесиво усмехнулся диамбег. – Да только я хотел бы поскорее его задержать.

– Уж мы постараемся, ваша милость!

– А как это сделать?

– Мы перережем ему все пути, всюду поставим наших людей, а в самые подозрительные деревни, где у Иаго есть родственники и друзья, пошлем казаков...

– Да, это было бы хорошо, – ответил диамбег. Сообразительный ты человек, – подумал он про Гирголу.

– В какие деревни надо казаков послать? – спросил диамбег.

– В Паншети, Каркуча, Горис-Цихе и Арши, ваша милость!

– По десять человек достаточно будет?

– В Арши надо бы человек двадцать направить, а в остальные можно и по пять.

– А почему туда так много, там и всего-то, кажется, семь дворов.

– Девять, ваша милость, да только все это – родственники Иаго.

– Вот как! Ну, тогда дело другое, – согласился диамбег.

– Я даже полагаю, ваша милость, что и побег Иаго тоже они устроили, – вкрадчиво вставил Гиргола.

– О-о, тогда и двадцать пять человек можно к ним поставить! – победоносно воскликнул диамбег. Он вдруг уверился в своей административной проницательности, и ему стало казаться, что не так уж трудно напасть на след Иаго.

– Где бы они могли его спрятать? – спросил он глубокомысленно.

– Наверняка перехватим его по пути к Аршской крепости.

– Сегодня же послать казаков в Арши, и чтобы сами жители охраняли дороги. Они под их присмотром! – распорядился диамбег.

– Будет исполнено, ваша светлость! – Гиргола низко поклонился и вышел.

В тот же день есаулы в сопровождении казаков направились в Арши.

Аршские крестьяне пошумели, поговорили о горькой своей доле, но в конце концов все-таки выставили по одному человеку от каждого двора для охраны подступов к Аршской крепости.

А Гиргола опустил в Степанцминду и поступил в распоряжение диамбега для дальнейших поисков Иаго.

А теперь мы немного отступим от нашего рассказа, чтобы поведать читателям, куда девался Иаго, где он находился все это время, как жил, как бежал из Анамурской тюрьмы.

Иаго томился в Анамурской тюрьме, где в прошлом веке сотнями гибли ни в чем не повинные люди, по большей части жертвы клеветы и напраслины. Ему казалось, что о нем позабыли даже его враги.

Сперва он был уверен, что скоро будет оправдан и выпущен на свободу, но время шло, а все оставалось без изменения. Иаго стал терять терпение.

Как, – думал он, – неужели я должен окончить жизнь в этой могиле, должен, всеми забытый, без допроса, без суда, бесславно испустить дух в темнице? Нет, это невозможно!

Иаго – человек гор, он не в силах мириться с такой несправедливостью, он предпочтет умереть, но как умереть? Не кинуться же самому на штык? Он хочет умереть храбро, мужественно, чтобы слава о нем долго жила в горах, чтобы хевские девушки вспоминали о нем в своих плачах и песнях, восхваляя его бесстрашие и отвагу.

Как-то в полдень лежал он на полусгнившей соломе в сыром углу, тоскливо вперив взгляд в унылые, сумрачные стены тюрьмы. Рядом с ним, на такой же соломе, валялся второй узник, старик с деревянными колодками на ногах.

– Не могу я больше! – с отчаянием воскликнул Иаго.

– Что же нам делать, Иаго? Сила в их руках! – попытался успокоить его старик.

– Сила! – с насмешкой повторил Иаго. – Дело не в силе, а в том, что сами мы стали хуже баб трусливых. Вот что! Уж лучше бы нас затопило, потоком унесло, чем жить так, как живем мы!

– Не всегда будет так, сын мой, – утешал его старик. – Мы божьи создания, и бог нам поможет.

– Бог? Да где же он, наш бог?... – кричал Иаго.

– Что делать, что делать! – горько сетовал старик. – Есть у меня жена, сыновья, дочери... Разлучили со всеми... Кто теперь будет им заступником?

Наступило молчание, каждый из узников думал свою думу. Вдруг Иаго вскочил.

– Нет! – заревел он как зверь. – Нет, не могу я так, не могу, не выдержу! – Глаза его горели лихорадочным огнем, он метался по камере, бился головой о стены.

– Остановись, несчастный! – закричал старик. – Разве этим горю поможешь, пожалей себя!

– Убей хоть ты меня! Сделай доброе дело! – кричал в исступлении Иаго.

Старик следил за ним с испугом, он решил, что юноша, так долго лишенный свободы и чистого воздуха гор, в конце концов сошел с ума. Все старания успокоить Иаго были напрасны.

На шум и крики прибежал караульный, неистовствование узника ужаснуло его, и он принялся громко звать на помощь. Явился смотритель тюрьмы. Тот затопал ногами, надеясь криком запугать Иаго. Но никакие угрозы не могли укротить человека, впавшего в полное отчаяние.

Тогда смотритель вызвал солдат и вместе с ними сам вошел в камеру. Он спросил Иаго, отчего тот буйствует.

– Я не хочу умирать медленной смертью, – заявил Иаго. – Лучше прикончите меня сразу, одним ударом!..

– Надеть ему на руки колодки, – распорядился смотритель, – чтобы вовсе не двигался!

Солдаты шагнули было к узнику, но замерли на месте. Иаго схватил скамейку и приготовился защищаться.

– Не подходите, – закричал он. – Я раскрою голову каждому, кто посмеет подойти ко мне! – он весь дрожал от гнева.

Старый узник, затаив дыхание, смотрел на своего товарища, в которого отчаяние вдохнуло неистово-самоотверженную смелость.

– Ружья! – скомандовал смотритель, и в дверях появилась стража с ружьями.

– Оставь скамейку! – крикнул старший.

Иаго расхохотался ему в лицо.

– Брось, а то застрелю, как собаку!

– А на что вы еще способны, собаки, если не стрелять в безоружного!

– Нет, так просто мы тебя не уьем! Взять его! – скомандовал старший.

Стража бросилась на Иаго. Первый же охранник свалился к его ногам с разбитым черепом. Иаго снова замахнулся скамейкой, но на этот раз сила ему изменила: занесенная скамейка ударилась о потолок и выпала у него из рук. Тут на него набросились все и стали беспощадно избивать, как и чем попало. Когда он распух от побоев, его, бесчувственного, швырнули в темную, низкую, смрадную комнату и заперли там.

Не скоро Иаго пришел в себя. Когда он открыл глаза, слабый лунный луч, падавший через маленькое оконце, заставил его зажмуриться. Что с ним, где он, почему все тело так болит, что трудно шевельнуться?

Ему постепенно припомнились события сегодняшнего дня. Он скрипнул зубами. Вдруг в камере сделалось темнее. Иаго с трудом поднял голову, взглянул на окно, – его словно кто-то заслонил. От слабости темнеет в глазах, – подумал он. Опустил веки и снова их поднял, – луна по-прежнему посылала ему свое кроткое сияние.

Да, это у меня, верно, в глазах потемнело. Кто бы мог сейчас подойти к моей камере? – и он снова погрузился в полузабытье.

Удивительное создание человек! Всецело упоенный счастьем, под гнетом непоправимой беды, в радости или в печали, неотступно думает он о любимом существе, неизменно ласкает милый образ. Ликует или скорбит его сердце, всегда оно томится по ласке, жаждет сочувствия!

Даже и сейчас Иаго неустанно думал о своей Нуну: ни горе, ни страдания, ничто не могло вытравить из его памяти, изгнать из сердца образ любимой.

Его никогда не покидал этот образ. Он страдал, душа его не знала покоя, но страдание это было так сладостно, что он не променял бы его ни на что в целом мире.

Из этого томительного забытья вывел его какой-то странный скрежет у стены под окном.

Иаго приподнялся, насторожился, – ненарушимая тишина царила вокруг.

Немного погодя шум повторился, и он услышал приглушенный шепот.

– Тише, тише ты, слышать могут! Иаго весь обратился в слух.

Кто бы это мог быть... в такой час? Что они там делают? – сердце бурно стучало в груди от какого-то неясного предчувствия.

А приглушенная возня у стены под окном все продолжалась. Он впился глазами в окно. Вдруг из стены бесшумно вынули большой камень и отогнули решетку от окна. Иаго приподнялся на колени. Он ясно различил двоих мужчин, медленно опускавших камень на землю. Они выпрямились и заглянули внутрь камеры.

– Кто там, православные? Помогите! – громким шепотом взмолился Иаго.

Неизвестные вздрогнули от неожиданности и переглянулись.

– Тс-с! Это мы! – тихо ответил один из них, подойдя ближе к окошку.

– Наши, православные! – едва сдерживаясь, шептал Иаго.

– Иаго, ты? – спросил снаружи неизвестный.

– Это – я, я! Но ты-то кто же?

– Слава твоей воле, святой Гиваргий! – произнес один из неизвестных, снял шапку и перекрестился.

– Ты не узнал нас, Иаго! – обратился он к узнику. – Я – Коба, твой побратим!

– Коба! – изумленно воскликнул Иаго! – Откуда ты, брат, как сюда попал?

– Потом все расскажу, а теперь собирайся, бежим отсюда! А ну, давай! – обратился Коба к товарищу. – Поскорей разберем стену!

– Развяжите мне руки, я помогу вам отсюда! – попросил Иаго.

– Да что ж это я? Ты ведь связан, – спохватился Коба. – Повернись к окну, я перережу веревки кинжалом.

Иаго с трудом поднялся на ноги, Коба просунул в окно кинжал и перерезал веревку на руках у узника.

– А теперь сам возьми кинжал, освободи и ноги!

Иаго потянулся за кинжалом, но онемевшие, затекшие от веревок руки не повиновались ему.

– Что с тобой, отчего не берешь? – нетерпеливо спросил Коба.

– Не могу, руки не действуют! – печально ответил Иаго.

– Отдохни, отдохни немного, руки окрепнут и сила к ним вернется. А ты что мешкаешь? – обратился он к товарищу.

Оба усердно принялись за работу с ловкостью, доказывающей, что не первый раз занимаются они таким делом.

Через несколько минут щель была настолько расширена, что они сумели через нее вытащить узника, и тут же, под стеной, принялись распиливать железные кандалы на его ногах.

Только успели они с этим покончить, как послышались шаги идущих в обход караульных.

– Идут! – прошептал Торгва, и все трое стали напряженно всматриваться в темноту.

Они ясно различили приближавшихся солдат. Штыки поблескивали при свете луны. Солдаты шли медленно, вразвалку, беспечно перешучивались и смеялись. Здесь они ниоткуда не ожидали опасности; ведь скала с этой стороны была, по их мнению, неприступной.

– Караульные! – прошептал Коба и достал из чехла ружье.

– Дайте и мне ружье, уложу хотя бы одного из них, а там будь что будет! – попросил Иаго. Он едва стоял на ногах, но зов свободы, ненависть к несправедливости и страх перед нечеловеческими муками удесятерили его силы.

– Не надо! – шепнул Торга а. – Зря погибнем. Лучше подадимся за угол и оттуда на них налетим. От неожиданности они собьются в кучу, передние сомнут задних... Убегут – хорошо, а нет... Их всего лишь пять человек. Что нам?!

– За скалу, за скалу! – послышался тихий, как дуновение ветерка, шопот Кобы, и все трое мгновенно исчезли за выступом скалы.

Отряд тяжело ступал подкованными железом сапогами. Все ближе подходили они к трем товарищам, которые поджидали их, сжимая кинжалы в руках и сурово сдвинув брови.

Стена скрывала их от солдат, но и без укрытия невозможно было разглядеть как бы сросшихся со скалой самоотверженных друзей.

Ночь была восхитительная – спокойная, светлая, даже ветер не шелестел, казалось, будто природа ласково убаюкивала своих детей, а луна выглянула только ради того, чтобы вдоволь налюбоваться этой безмятежной красотой. Вдалеке стонал бессонный соловей, время от времени повторяя свои ласково-тоскующие призывы.

Солдаты подошли к скале, за которой сидели Иаго и его друзья.

– Давай закурим! – предложил один из солдат.

– Не мешало бы! – охотно согласились остальные, отложили в сторону ружья, усевшись в кружок.

– Вчера командир в деревню меня послал, – начал один, набивая трубку.

– За курами, – подхватил другой.

– Ну вот, пошел я, стал по деревне бродить, – продолжал первый, – спрашивая кур у одного, у другого. Никто не продает...

– Решили, значит, не продавать нашим, – пояснил другой. – Проклятые!

– Одно слово, басурманы! – добавил длинноусый ефрейтор.

– Думаю про себя, – продолжал рассказчик, – я вам покажу... Да и свернул в один двор. Смотрю, разгуливают по двору индюки. Я зацепил одного палкой. На лай собачий вышла баба, бросилась ко мне, лопочет что-то на своем языке. Я схватил индюка, она ко мне, и давай мы тащить птицу каждый в свою сторону, чуть пополам не разорвали, и смех а грех, ей-богу... Рассвирепела баба ихватила меня палкой. Ох ты, чортово отродье. – Думаю: – Ну, смотри теперь, что будет, и шлеп на землю, растянулся, будто дух вон... Сбежался народ, окружили меня, а я лежу, не дышу. Думают, убила меня баба, сердятся на нее, бранятся, а на меня все водой брызгают, в чувство приводят. Страшно им, – за убийство ответ будут держать строгий. Вот открыл я глаза да и хватить одного мужика, который поближе стоял. Ах ты, – говорю ему, – такой-сякой, ты царского слугу искалечил, кто ты есть такой?... Мужичонка простой, и только. Пойдем к начальнику ответ держать! А он побледнел весь, упрашивает меня отпустить его. Долго упрашивал, а потом дали мне трех индеек да семь кур, и тут только оставил я их в покое...

– Молодец! – одобрили остальные.

– А если бы они пожаловались на тебя начальнику, что бы ты тогда сказал?

– А я сам начальнику рассказал.

– И что он?

– Похвалил, поблагодарил и смеялся от души. Как же иначе, начальник купить поручил, а те не дают, что было делать?

Все с интересом слушали, одобряли рассказчика, видно было, что каждому хотелось бы быть на его месте. Все ждали с набитыми трубками, чтобы один из них зажег спичку, которая, видимо, отсырела у него в кармане. Он долго чиркал ею, наконец высек огонь, и пламя осветило всех, и не успело оно погаснуть, как у всех потемнело в глазах.

Трое из солдат приподнялись, но тут же свалились замертво на землю. Иаго и его друзья ждали удобной минуты для нападения. Они выскочили из засады как раз в то мгновение, когда

пламя от спички осветило сидевших. Они так точно рассчитали расстояние и удар кинжалами, что ни один из них не промахнулся.

Два оставшихся в живых солдата, отчаянно зовя на помощь, побежали к тюрьме.

Страстное желание Иаго сбылось – он отомстил врагу за свои муки, но это напряжение лишило его последних сил, ноги подкосились, голова закружилась от слабости, и он рухнул на землю.

Хоть одному я отомстил! – подумал он.

В суматохе и волнении друзья Иаго забыли, что он слаб и не может поспеть за ними. Они спохватились, когда были уже довольно далеко.

– Где Иаго? Что, если они убили его? – воскликнул Коба, и оба товарища кинулись обратно к месту происшествия.

– Вдруг ему стало плохо? – Коба вспомнил, как был слаб Иаго. – Что, если те двое захватили его, не надо было отпускать их живыми!

Они нашли Иаго в глубоком обмороке. Торгова взвалил его на спину, и они поспешили скрыться.

Между тем уцелевшие царские слуги шмыгнули в кусты и просидели там до рассвета.

Убедившись, что опасаться больше нечего, они бесшумно вылезли на дорогу и подошли к месту, где валялись их товарищи с отпечатком предсмертных мук на перекошенных ли пах.

Они осторожно подняли свои ружья и, не обращая никакого внимания на убитых, стали советоваться, как им быть. Начальник мог строжайше с них взыскать за то, что они так долго медлили с донесением.

– Накажут розгами, дух из нас вытряхнут! – сказал, весь дрожа, один из солдат.

После долгих споров и размышлений они порешили, что сделают так: выстрелом поднимут тревогу и побегут к крепости, а там скажут, что на них напал целый отряд, освободил арестанта; они отстреливались, убили двоих из напавших, но горцы забрали своих убитых и успели скрыться.

– Эге, да так нас еще и к награде представят! – заметил один из них.

Как решили, так и сделали: выстрелили из ружей и с криками побежали к крепости.

Поднялась тревога, забили в барабан, и начальник крепости, заспанный и босой, выбежал во двор.

Высыпали солдаты, на ходу натягивая на себя обмундирование и оружие.

Поднялся страшный шум. Никто не мог понять причины тревоги.

Тут прибежали два солдата, виновники всей этой сумятицы.

Они кинулись прямо к начальнику.

– Враг появился, ваше высокоблагородие! – кричали они.

– Где? Какой враг? – вздрогнул начальник.

– Напали на тюрьму, взломали двери, арестантов похитили.

У начальника перекопилось лицо.

– Трех наших убили. Мы тоже убили у них двоих, но они забрали убитых и бежали.

Слово бежали успокоило начальника; непосредственная опасность миновала.

– И все-таки отдадут меня под суд! – вскричал он, хватаясь за голову.

Он вернулся к себе, быстро оделся и в сопровождении нескольких солдат и одного из командиров направился к месту происшествия.

Побегом Иаго больше всех был встревожен смотритель тюрьмы.

Он поспешил отправить отряд солдат во главе с офицером в погоню за напавшими, число которых, по словам участников, дела, было не меньше ста пятидесяти. А сам вернулся в тюрьму, чтобы произвести строжайшее дознание.

Тем временем друзья Иаго добрались до одной уединенной горы и там, расстелив бурку на влажной траве, бережно уложили Иаго, потрясенного всеми событиями ночи, обессиленного долгими мучениями. Он крепко заснул. А товарищи его, в поисках пищи, ушли на охоту.

В камеру, где раньше сидел Иаго вдвоем со стариком, вихрем ворвался разгневанный тюремный смотритель.

Чтобы не видеть вошедших, старик отвернулся к стене.

– Эй, ты! – крикнул на него смотритель, – не слышишь, кто вошел?

– Слышу! – тихо ответил старик.

– Так-то ты встречаешь смотрителя? Встать сейчас же! Старик даже не пошевелился.

– Встать! – рассвирепев, заорал смотритель и толкнул его ногой.

– За что ты меня бьешь?

– Говорю, встать! – вытаращил глаза смотритель.

– Не могу встать: колени опухли, не держат.

– Поднять его! – приказал смотритель. Подбежали солдаты.

– Безбожные, да поглядите вы на мои ноги! – и старик с усилием выставил ногу. С нее соскользнули грязные лохмотья и обнажили нечто ужасное: истонченная до прозрачности кожа вздулась от водянки, а ножные кандалы перетерли ее у щиколотки до самой кости, которая покрылась коростой из гноя и крови. Нога местами посинела.

Это предвещало скорый конец несчастной жертвы. Солдаты рывком подняли старика, корчившегося от боли.

– Стой, стой на ногах! От хромоты собака не околевает! Смотритель долго смотрел на старика, как будто для него были наслаждением его муки. Он поглаживал усы, выставив ногу вперед, и, пошевеливая носком сапога, бормотал про себя что-то невнятное. Вдруг смотритель пришел в бешенство.

– Где Иаго? – крикнул он.

Старик глядел удивленно на него, не понимая, о чем его спрашивают.

– Иаго? – повторил старик. – Ведь вы же сами взяли его отсюда. Может, и убили его. Что еще могли вы с ним сделать?

– Не хитри, говори прямо, как он убежал, кто ему помог?

– Убежал? – разволновался старик. – Дай ему бог удачи, если убежал.

– Ты знал, что он собирается бежать?

– Нет, он мне об этом не говорил.

– Врешь, собака!

– Я – мтиул.

– Говори все, если хочешь спастись!

– Я смерти не боюсь и не скажу неправды.

– Заставлю, все заставлю сказать! – заревел смотритель, подбежал к нему, вцепился ему в бороду, схватил его за усы.

Старик весь дрожал от неслыханного оскорбления.

– Только одни неверные могут так унижать человека, так осквернять честь мужчины.

– Молчать, разбойник, а то убью!

Старика озарила надежда: смерть может избавить его от страданий.

– Не знаешь? Не скажешь? – продолжал издеваться над ним смотритель.

– Знаю! – прохрипел старик.

– Наконец-то! – смотритель отошел и посмотрел на него с усмешкой. – А не хотел говорить!

– Под кнутом и в гору пашут! Что мне было делать!

– Ну, то-то! Теперь рассказывай подробно все, что знаешь!

Мтиул горько улыбнулся.

– Рассказывать?... Чем же ты этого заслужил? Все знаю, но клянусь благодатью Ломиси, ничего тебе не расскажу!

– Что-о-о?! – взревел смотритель и подошел к нему.

– Да, я знал обо всем, знал, что Иаго готовится к бегству, знал, кто помогает ему, знал обо всем, но тебе ничего не скажу.

– Я убью тебя, задущу!

– Делай, что хочешь, – не скажу!

Офицер прошелся по тесной камере.

– Советую тебе все рассказать!

– Это вы боитесь смерти, бабы вы трусливые. А мне-то зачем говорить? Ничего не скажу, да поможет мне Пиримзе!

Все старания смотрителя не привели ни к чему. Ни ласковые обещания, ни угрозы не заставили старика вымолвить хоть единое слово о побеге Иаго. Да и что мог он сказать, когда сам ничего не знал, ему хотелось только еще больше озлобить смотрителя.

– Не будешь говорить?

– Нет!

– А ну-ка! – он дал знак солдатам принести розги.

– Разложите его! – приказал смотритель.

Солдаты выполнили приказ, обнажили старика, положили его ничком, двое солдат уселись у него на ногах и на груди, а двое стали с двух сторон и принялись нещадно хлестать его розгами по голому телу. Кожа полопалась, кровь потекла ручьями. Розги ломались, но принесли новые пучки, сменялись и экзекуторы. Но старик кричал все одно и то же:

– Знаю все, но собакам не выдам, не скажу!

Мясо ключьями разлеталось по камере, старик корчился в предсмертных муках, но ни единого слова о пощаде не слетело с его уст. С последними проклятиями своим палачам он потерял сознание. Еще некоторое время его продолжали бить.

– Ваше высокоблагородие, он уже не шевелится, – сказал наконец тот, который сидел на груди несчастного.

– Притворяется, всыпьте ему еще, да погорячей, тогда посмотрим! – равнодушно сказал начальник.

Только убедившись, что старик впал в бесчувствие, да и сами вдоволь насладившись этим занятием, прекратили мучители свое грязное дело.

Истерзанного, изуродованного старика они оставили в камере, где он вскоре испустил дух в тяжких мучениях. Перед кончиной он пришел в себя как будто только для того, чтобы почувствовать свою заброшенность. Ни жена, ни родня, ни друзья – никто не будет оплакивать его, никто не пожалеет о его утрате, не как об утрате рабочей скотины, а как о части собственного сердца, оторвавшейся раз и навсегда. Он судорожно приподнялся, хрипло произнес имена своих сыновей, послал проклятие палачам и скончался.

Между тем Торгва и Коба устроили засаду на тропах, ведущих к водопою, и стали ждать. Время шло, но олени не появлялись. Охотники все еще не теряли надежды – олени целыми стадами спускались сюда лизать горную соль и утолять жажду.

Наконец послышался шорох сухих листьев и треск хвороста.

– Кажется, бог посылает нам добычу! – шепнул Торгва. Они насторожились.

Шум ломаемых веток все приближался, и вскоре показался гордо шествующий олень-самец. Навострив уши, высоко закинув голову, словно умышленно подставляя выстрелу свою белую грудь, он шел медленно, иногда останавливаясь, спокойно поводя черными, как смола, глазами. Каждое его движение свидетельствовало о том, что он давно уже победил всех своих соперников и теперь смело и единовластно повелевает самками, бесспорно предпочитающими его всем остальным оленям. Он грозно выступал, словно вызывая на бой всех, кто посмеет

преградить ему дорогу. Поступь его была так величава, что нацеленное ружье застыло в руках у Кобы. Он молча наслаждался прекрасным зрелищем. Олень остановился, фыркнул и мотнул головой; он как будто досадовал, что ему не встретился никто, с кем он мог бы померяться силой. Постояв, он напряжился, подпрыгнул и, описав в воздухе несколько дуг, ударился рогами в ствол дуба. Долго он бодался с ним, утоляя жажду борьбы. Наконец Торгва вывел Кобу из забытья.

– Если олень обречен, зачем медлить? – шепнул он. – Стреляй, а то Иаго там один дожидается нас...

– Да, правда... Зачем медлить с обреченным! – сказал Коба и прицелился.

В эту минуту олень отошел от дуба и, разозлившись на то, что его сила встретила долгое сопротивление, снова яростно ринулся к дереву, но не достиг его... грянул выстрел, олень упал на передние ноги и после слабой попытки встать свалился на землю.

– Победа твоей деснице! – крикнул Торгва, подбежал к оленю и перерезал ему горло ножом.

Олень скосил на него свои умные глаза, жалобно взревел, несколько раз судорожно вздрогнул и испустил дух.

Коба слыл хорошим охотником, и немало оленей пало от его мажары, но не было случая, чтобы он не жалел убитого зверя или убил бы его просто ради скуки. И теперь он угрюмо чистил свое ружье, в то время как его товарищ, весело напевая, свеживал оленя.

Бывало и так, что Коба целыми часами сидел с нацеленным ружьем и, забывшись, любовался резвящимся перед ним зверем.

– Помоги мне, не могу одолеть тушу! – окликнул его Торгва, исполосовав ножом шкуру оленя.

Коба отложил ружье, медленно подошел и опустил руку на убитого оленя.

– Ты посмотри, Торгва, какие у него большие рога! – воскликнул он.

Они быстро освеживали оленя, вырезали внутренности, вынули сердце и легкие и отделили шашлычное мясо. Тушу разрезали на куски, завернули в шкуру. Вьюк окурили порохом, чтобы отпугнуть хищных зверей, и пошли обратно к своей стоянке.

Вдруг Торгва остановился и с досадой хлопнул себя по колену.

– Что с тобой? – спросил Коба.

– Эх, ну и сглупил же я! Забыл взять требуху!

– А на что она тебе?

– Сварить бы ее для Иаго, навар хороший, полезный, силы придает больному.

Торгва вернулся, распотрошил требуху, хорошенько промыл ее в родниковой воде и вскоре догнал товарища.

Иаго все еще спал глубоким сном. Друзья бесшумно набрали хворосту, развели огонь, соорудили треножник, подвесили к нему котел, в который опустили требуху пополам с мясом, и стали варить суп для Иаго.

Потом они нарезали густых веток и устроили из них навес над Иаго, которого так пригрело солнце, что все его лицо было покрыто жемчужинками пота.

Сами они улеглись поодаль и, устав от стольких трудов, сладко заснули.

Солнце склонилось к западу, мягко подул вечерний ветерок и разбудил Иаго. Впервые после ареста ощутил он живительную силу сна под открытым небом. Он чувствовал себя свободным, бодрым и жадно глотал душистый вольный воздух.

Каждая травинка, каждый цветок, вся природа манила его взор и радовала сердце.

Надышавшись свежим воздухом, он почувствовал приступ сильнейшего голода. Его ослабевшее тело требовало подкрепления.

Но голод отступил на задний план, когда он ощутил в полной мере свою свободу, когда понял, что не сегодня-завтра он будет со своей возлюбленной Нуну. Он не мог усидеть на месте, вскочил и сбежал под гору к роднику, освежил лицо и голову чистой водой.

К нему спустились проснувшиеся товарищи. Все трое обнимали друг друга, целовались, поздравляли со счастливым исходом дела.

Успокоившись, вернулись к костру, уселись вокруг него. Запах шашлыков пробудил голод, и они ели так, как только могут есть голодные люди – молча, без слов. Только время от времени предупреждали Иаго, чтобы он был умереннее, так как его желудок отвык от мясной пищи.

Утолили голод.

Иаго стал тревожиться, ему поскорее хотелось узнать про свою Нуну, которая, как он думал, все глаза проглядела, ожидая его

Но Коба как назло молчал и сам не начинал беседы.

Зачем он молчит, зачем мучает меня? – думал Иаго.

С чего начать? Как рассказать ему, что Нуну похитили? – думал Коба.

Оба были смущены. В конце концов Иаго не выдержал, спросил:

– Коба, почему не расскажешь о себе?

– Что рассказывать?... Убил человека, кровь за мною, пришлось бежать.

– Кого же ты убил, когда? – встревожился Иаго.

– Разбойника одного.

Если бы Иаго был сыном другой страны, он принялся бы наставлять друга на путь истинный, упрекать его за неосмотрительность, но он был мохевцем и хорошо знал, что наставлениями и упреками делу не поможешь, и это было бы пустословием. Поэтому первая его мысль была – как помочь побратиму, как продлить его жизнь и уберечь его от кровной мести? Ему захотелось узнать, как случилась беда: убил ли он разбойника из-за угла, трусливо, или это произошло в храбрый, схватке, как подобает мужчине, сыну отважного народа?

Все это было очень важно, и потому Иаго спросил с дрожью в голосе:

– За что убил? Как это случилось? – и весь обратился в слух.

– Шел на охоту. Услышал в лесу женский крик. Свернул туда. Вижу, – несколько мужчин набросились на женщину. Я кинулся на помощь, ну, и прикончил одного.

– Мужчине всегда подобает поступать по-мужски! – радостно воскликнул Иаго.

Торгва, желая оставить побратимов одних, забрал посуду и пошел мыть ее к роднику.

– По нынешним порядкам, сам знаешь, нельзя мне оставаться дома, я и ушел! – сказал Коба, когда они остались одни.

– Что ж, будем жить вместе! – воскликнул Иаго.

– Твой арест не давал мне покоя. Торгва – тоже мтиул, тоже человека убил. Вот мы и сошлись, побратались и порешили тебя спасти. Торгва знал кое-что о тюремных порядках, да и святой Гиваргий нам помог.

– Разве вы знали, в какой камере я сижу? – спросил Иаго

– Нет! Через ту камеру мы хотели пробраться в тюрьму, а там уж надеялись как-нибудь управиться.

– Я всегда знал, что ты храбрый мужчина, – сказал Иаго.

Они помолчали.

– Почему ни о чем больше не рассказываешь? – спросил Иаго.

– О чем тебе рассказать? – Коба опустил голову.

– Расскажи о чем-нибудь, прощу тебя!

– О чем могу я рассказать тебе, кроме как о злосчастной судьбе нашей... Душат нас, душу вытягивают заживо, а мы все молчим.

– Да, просто не знаешь, что и думать! В баб, что ли, все обратились?...

– Не знаю, нет... Только жить нам больше нечем.

Опять наступило молчание.

– Расскажи еще! – снова нарушил молчание Иаго.

– О чем?

– О ней! – крикнул он.

– О ком? – Коба отвел глаза.

– Разве не догадываешься, о ком спрашиваю?... Почему ты скрытничаешь со мною? Человек должен уметь достойно встречать и горе, и радость. Не бойся, говори мне все, что знаешь!

– Да, ты прав! Незачем скрывать от тебя: Нуну похитили! – и Коба умолк.

Иаго долго не мог вымолвить ни слова.

– Кто похитил? – хрипло спросил он.

– Гиргола.

– Гиргола? – медленно повторил Иаго и заскрежетал зубами.

– Тогда же и убил я осетина! – сказал Коба.

– О-о! Попадись он мне когда-нибудь в руки, будет его рвать первым материнским молоком!

Долго еще неистовствовал Иаго. Коба его успокаивал.

– Не подобает мужчине горевать впустую.

– Да, да, я ему отомщу, так отомщу, что он и очнуться не успеет!

Иаго постепенно овладел собой. Он попросил Кобу рассказать ему все подробно.

И Коба ничего не утаил. Иаго узнал, что похитители Нуну в Аршской крепости. Услышал он и о любви самого Кобы, которого подлый поступок Гирголы вынудил стать человекоубийцей и разлучил с любимой.

Долго беседовали друзья и порешили действовать сообща: похитить своих возлюбленных и, поскольку оставаться в родных местах им больше невозможно, уйти к Шамилю.

Тем временем вернулся и Торгва.

– Торгва! Ты, оказывается, побратим Кобы, будь же отныне и моим побратимом, – обратился к нему Иаго.

– Если изменивший тебе вступит в битву с врагом, – пусть переломится у него меч! – ответил Торгва и, вынув пулю из газыря, протянул ее Иаго.

Тот, в свою очередь, дал ему пулю, и оба произнесли:

– Пусть десница моя служит твоей деснице, мои глаза – твоим глазам, мои ноги-твоим ногам, а изменника пусть покарает Ломиси!

– Аминь! – тихо произнесли все трое. Обменявшись пулями, Иаго и Торгва трижды поцеловались и обнялись.

Луна, плывшая по синему простору неба, была участливой свидетельницей братского союза.

Друзья решили не покидать этого удобного для них места до тех пор, пока окончательно не окрепнет Иаго; потом, похитив своих возлюбленных, они переправятся прямо в Галашку.

Так жили они, добывая себе пищу охотой, а ожесточенный Гиргола не давал покоя окрестным пастухам, ища след Иаго. Все его старания не приводили ни к чему, он бесновался и вымещал злобу на самих пастухах. Он успел уже задержать десятка два ни в чем не повинных людей.

Как-то раз в Нарозанских горах пастухи согнали овец и приступили к дойке, как вдруг послышался конский топот и двадцать казаков во главе с Гирголой подъехали к ним.

Пастухи повскакали с мест, приветствовали их и по горскому обычаю попросили быть гостями.

– Кто у вас главный пастух? – грозно спросил Гиргола, даже не поблагодарив пастухов за приветливую встречу.

– Я, – выступил из толпы статный, еще молодой мужчина в архалуке и тушинской шапке, ловко сдвинутой набок.

– Выходи!

– А что тебе нужно? – удивленно спросил пастух, он, как видно, не привык к приказаниям.

– Выходи сюда, тогда услышишь!

– Знаешь, что?... Если ты гостем явился, сходи с коня, мы зарежем барана и примем тебя за трапезой как гостя. А если нет, богом клянусь, приказаниями ничего не добьешься!

Гиргола взглянул на пастуха и понял, что тот обиделся не на шутку. Лицо его пылало гневом. Гиргола отнюдь не собирался обижать пастуха, но человек, привыкший чинить произвол, лишается разума и ставит ни во что чужое самолюбие. Он не только не хотел обидеть пастуха, наоборот, рассчитывал завоевать его расположение, и потому сперва попробовал было припугнуть его начальственной резкостью. Однако, увидев, что пастух не из трусливых, Гиргола сразу же изменил свою тактику.

– Я не хотел тебя обидеть. Почему сердиться? – спросил он.

– Вот так-то будет лучше, правда? – вопросом же ответил пастух.

– Я в гости к тебе прибыл, думал, пастухи умеют гостей принимать.

– О, тогда милости прошу, я – твой раб, а ты – господин! – Пастух снял шапку и бросил ее под ноги коню. – Слезай, и сам увидишь, умеем ли мы принимать гостей.

С этими словами он схватил коня Гирголы за узду, помог гостю спешиться, потом обернулся к стоявшим поодаль пастухам:

– Сбегай, приведи сюда ту черную годовалую овцу, зарежь ее и поставь варить, – сказал он одному из них. – А ты, – обратился он к другому, – разведи огонь, да побыстрей! А вы сюда, сюда пожалуйте, мои дорогие! – приглашал он соскакивавших с коней казаков.

Все уселись, разминая колени и давая отдых утомленным от долгой езды ногам, некоторые растянулись на зеленой траве и устало-равнодушными глазами следили, как пенился молочно-белый водопад, срываясь с высокой скалы, разбиваясь на тысячи брызг, играя тысячью красок в солнечных лучах и расстилаясь по траве росистым ковром. Быстро была сварена убоина и приготовлен вкусный обед, какой умеют готовить только пастухи. Все ели молча и быстро, пока не утолили голода. Подкрепившись, начали беседу.

– Гиргола!.. – первым заговорил хозяин. – Ты понапрасну не стал бы себя беспокоить! Вот мы поели, теперь расскажи, с чем ты приехал? Если надумал просить об очхари¹, – скажи, я соберу остальных пастухов.

– Нет, я хотел только познакомиться с тобой. На что мне очхари?

– Познакомиться со мной? К чему бы тебе это, не такой уж я известный человек!

– А вот к чему. Выслушай меня! – сказал Гиргола и обвел взглядом пастухов, давая понять, что не хочет говорить при них.

Главный пастух угадал, что означает его взгляд, и сказал:

– Говори при них. Я ничего от них не скрываю.

– У меня дело такое, что не могу говорить при других.

– Хорошо, тогда пойдем! – Они отошли в сторону и уселись на траве.

– Шиола, – начал Гиргола, – ты ведь знаешь, что эти пастбища оспаривает у тебя государство?

– Эх, знаю, знаю!

¹ В горах есть такой обычай: желающий завести свое дело приходит к пастухам и просит помочь. Пастухи дают ему по несколько голов овец из своего стада. Такое сколачивание отары называется очхари. (Прим. автора).

- Знаешь, верно, и о том, что собираются их у тебя отобрать?
- Да, собираются, да только мы так решили, ляжем костями все до одного, но мест этих никому не уступим!
- Ну, что ты? Зачем вам погибать? – поспешно перебил его Гиргола.
- А затем, что горы эти занимали наши деды и прадеды, – откуда им быть государственными?
- Кто в этом теперь разбирается? Захотят – отнимут.
- Пока мы живы... Нет, не думаю, чтобы это им удалось!
- А кому какой толк от вашей смерти?
- Какой бы ни был толк, – хоть покой обретаем, от никудышной жизни избавимся. Если не будет у нас этой горы, то и жить нам не к чему, ей-богу!
- А если я так устрою, что гора за вами останется? – немного помолчав, тихо спросил Гиргола и испытующе взглянул на Шиолу.
- Ты?
- Да, я!
- Если ты на самом деле сумеешь избавить нас от их козней, – говорю тебе, как перед богом, – мы в долгу перед тобой не останемся.
- Ладно, запомни хорошенько эти слова. Я ваше дело устрою, только и ты должен сослужить мне службу.
- Вот все мое имущество – отара моя, готов отдать тебе половину!..
- Мне не надо стада, я еще давеча тебе сказал.
- А чем же тогда тебе угодить?
- Дружбой, преданностью.
- Пастух спокойно взглянул на гостя и ничего не ответил. Он знал, как ненасытен в своей жадности Гиргола. И вот ему предлагают половину имущества, а он отказывается! Чего же еще ему надо, этому предателю и изменнику? Почему понадобился ему безвестный пастух, которого он прежде не удостоивал даже поклоном при встрече? А теперь вдруг он просит дружбы и преданности!
- Сомнения овладели пастухом, он молчал.
- Шиола! – снова заговорил Гиргола. – Тебя уважают в горах, в теми ты всем известен... Почему не хочешь дать мне ответ?
- Времена другие настали, Гиргола, совсем другие времена! – начал Шиола. – Случись это раньше, мы собрали бы сход теми, попросили бы совета и подчинились бы решению теми... А теперь – где справедливость, где верность? Брат на брата положиться не может.
- А чем лучше было раньше? Теперь у нас все по закону, да будет благословен государь наш император! – сказал Тиргола.
- Опять наступило молчание, которое пришлось нарушить Гирголе, так как Шиола глубоко задумался.
- Ну, так как же? Согласен или нет? – спросил Гиргола
- Послушай, Гиргола, скажи прямо, чего тебе от нас нужно?
- Ну, ладно... Скажу прямо: я устрою вам дело с пастбищами, а вы помогите мне поймать Иаго.
- Помочь тебе? – Шиола помолчал. – А как же я тебе помогу? – спросил он.
- Ты сам пораздумай, если захочешь, сумеешь. Куда уйти Иаго, как не к пастухам?... В низины он спуститься не посмеет. И если он придет к тебе в гости, ты сообщи мне, – я налечу с казаками и поймаю его.
- Что? – переспросил Шиола.
- Если он придет к тебе в гости...
- Как? Предать гостя, обесчестить хлеб-соль?... Ты о чем говоришь со мною, Гиргола?

- Ты боишься?
- Тише... Лучше не повторяй, – нахмурился Шиола. – Ты обещал наладить наше дело. Пожалуйста, налаживай и требуй награду – стадо, деньги. Но предать гостя я не могу.
- Как знаешь! А мне одного только надо – снова заполучить в свои руки Иаго.
- Тогда не стану тебе лгать: если придет ко мне Иаго, примет хлеб-соль из моих рук, – я ему не изменю.
- Тогда скажи мне, где он теперь?
- Как перед богом, – не знаю, но не сказал бы, если бы даже и знал.
- Почему?
- Потому, что все мы знаем и любим Иаго, а ты хочешь его предать на пытку. Если бы он самого тебя обидел, я постарался бы помирить вас, как соседей, но ведь он не сделал тебе ничего худого, а вот ты служишь дьяволу и гоняешься за своим же соседом.
- Шиола, а ведь начальнику известно, что Иаго приходит к тебе, бывает здесь.
- А если бы даже и приходил, что в том плохого? Он – мой сосед, оклеветали его, мучают понапрасну, – разве не обязан я ему помогать.
- Нет, Шиола, не говори так, а то погубят тебя, уничтожат...
- Пускай, все равно гостя не выдам.
- Берегись, Шиола.
- А чего мне бояться? Ничего у меня не оставили, а теперь хотят еще предателем сделать...
- Ты, значит, не хочешь нам помочь?
- Нет!
- Тогда пойдешь со мной к диамбегу.
- Зачем?
- Так мне велено... Сам с ним поговоришь.
- Я не пойду! – резко сказал Шиола и, встав, повернул к стоянке.
- Гиргола решил во что бы то ни стало сломить этого гордого пастуха и двинулся следом за ним. Когда подошли к стоянке, он тронул его за плечо и громко сказал:
- Шиола, тебя вызывает диамбег, придется тебе поехать с нами.
- Вон сколько отар и людей мне поручено, разве могу я их оставить?
- Это не мое дело, ты должен поехать.
- Нет, не могу.
- Ну, еще как поедешь!
- Богом клянусь, – не поеду. Гиргола пристально посмотрел на него.
- Задержите его! – обернулся он к казакам. Те повскакали с мест.
- Шиола отскочил назад и выхватил кинжал.
- Подходите, кому жизнь не дорога! – закричал он. Казаки остановились. Тем временем подбежали пастухи с дубинами и стали рядом со своим главарем.
- Уходи, Гиргола! – крикнул Шиола, – ты пришел к нам, как гость, мы оказали тебе почет, а теперь уходи своей дорогой!
- Говорят вам, – арестуйте его! – кричал Гиргола. Казаки двинулись было на Шиолу, но на них градом обрушились длинные дубины. Казаки обнажили сабли, но пастухи не подпускали их к себе, отражая дубинами. На крики сбежались с гор другие пастухи и целой толпой погнали казаков, избивая их.
- Гиргола, зачинщик драки, увидев, как сильно напирают пастухи, вскочил на коня и исчез раньше всех.
- Вскоре все затихло, так как брошенные своим есаулом казаки тотчас же запросили о пощаде и ускакали избитые до крови. А пастухи решили отныне всеми силами защищать Иаго от врагов...

Между тем Нуну все еще продолжала томиться в Аршской крепости. Она поправлялась медленно, все тело ныло от глухой боли.

Приставленная к ней женщина, кума Гирголы, не отходила от нее ни на шаг. Сперва она относилась к Нуну, как к женщине, изменившей мужу и семье, и, значит, по обычаю гор, достойной всяческого наказания. Но вскоре, ни о чем не расспрашивая, руководствуясь одним лишь женским чутьем, она поняла, как нестерпимо страдает Нуну, и прониклась к ней глубочайшим состраданием. Из врага она превратилась в ее искреннего друга, и была готова на все, только бы облегчить боль ее сердца. Но, не зная, как помочь Нуну, она ограничивалась пока одним лишь сочувствием.

Даже мужчин порабощали в ту пору жестокая несправедливость и грубая сила, – что же оставалось делать женщинам? Могла ли беззащитная вдова заступиться за Нуну перед Гирголой? Для того, чтобы облегчить печаль Нуну, она прибегала к одному лишь средству, доступному каждой женщине, – к слезам сострадания; и она плакала вместе с Нуну.

В каждом ее слове, во всем ее обращении было столько доброты и сочувствия, что невольно думалось: Как может под такой суровой внешностью таиться столько доброты и чистоты?

Как-то вечером Нуну лежала в постели. Лицо ее пылало от жара, и она поминутно просила воды.

– Не пей много, вредно тебе, – говорила ей женщина, подавая напиток.

– И слава богу, и пусть будет вредно! – тихо проговорила Нуну.

– Что ты? Отчего так? Потерпи немного!

– А к чему терпеть? Зачем мне жить обесчещенной, никому не нужной?

Наступила тишина. Жгучая жалость залила сердце старухи. Ей уже было известно, из-за чего страдает Нуну: оторвали девушку от любимого человека, насильно выдали замуж, а теперь вот держат взаперти, как преступницу!

Однажды старуха пошла к роднику стирать белье. Вдруг из-за валунов вышел вооруженный с ног до головы юноша и, осматриваясь по сторонам, подошел к ней.

– Удачи тебе в работе, Дареджан! – приветствовал он ее.

Женщина подняла голову и замерла от удивления.

– Что? Не узнала меня? – спросил неизвестный.

– Узнать-то узнала! Да только откуда ты появился в этих местах?

– А вот появился, и все тут! – улыбнулся юноша.

– А у нас уже слух прошел, будто злые недруги убили тебя... Слава богу, жив остался.

Радуюсь за тебя...

– Долгих дней тебе за это! – поблагодарил юноша.

– Где же ты скитался, Коба, почему не показывался?

– Постой, все тебе расскажу... Только сперва скажи, что ты тут делаешь?

– Я здесь у Гирголы живу... Женщина больна у них в доме. Самого Гирголы нет, вот я и смотрю за ней.

– Смотришь или караулить приставлена? – тихо спросил Коба, пристально смотря на старуху.

Та поймала его взгляд, покраснела и опустила голову.

– Что ж молчишь? – продолжал Коба. – Девушку похитили, насильно обвенчали, держат под замком, а тебя приставили стеречь... Стыдно это, Дареджан, стыдно!..

– Нет, Коба, это не так!

– А как же?

– Я же сказала тебе, что только смотрю за больной!

– Пропади пропадом наше время! Прежде ни одна женщина не пошла бы на это. Тогда Гирголу изгнали бы все из теми, а теперь ты ему помогаешь! Где твоя честь?

– Не говори о чести, Коба! Не виновата я. Сперва думала, что Нуно и вправду провинилась, изменила мужу, семье. А теперь, когда поняла, что мучают ее, безвинную, одного только хочу – помочь ей.

Коба пристально смотрел на женщину, стараясь постигнуть, можно ли ей доверять.

– Бог ведает, правду ты говоришь или прикидываешься?

– Ох! – воскликнула женщина. – Никто еще не сорвал платка с моей головы, никто не отнял у меня совести! Зачем мне лгать?

– Кто знает?... Времена изменились. Брат предает брата, сестра – сестру! Так ты правду сказала, что хочешь ей помочь?

– Богом тебе клянусь, да только как это сделать?

– Хорошо... Если ты говоришь правду, – проводи меня сейчас же к Нуно! – сказал Коба.

– Иди за мной! – сказала женщина и решительно двинулась к дому.

Был тот час вечера, когда солнце уже опустилось за вершины гор, а лунный серп не успел еще подняться и, налившись светом, озарить мир.

Нуно, томимая тоской и одиночеством, осторожно встала с постели и подошла к двери. Она опустилась у порога и грустно осмотрелась. Свежий воздух слегка кружил ей голову.

Перед нею высилась башня Аршской крепости, в которой она подверглась такому безжалостному насилию. Позади зеленели горы, по балкам которых кое-где опалили широкие потеки щебня и гальки – осыпи высоких скалистых вершин.

Взгляд ее задержался на одной из таких скал, которую ливни и ураганы разрушали, видимо, с особенной жестокостью; она была воя изъедена, выщерблена, насквозь пропитана сыростью и медленно, но непрерывно распадалась на валуны и мелкие камешки, сползавшие вниз, в ущелье. Долго глядела она на эту скалу.

– Так же и меня разъедает горе, и я распадаюсь так же! – тихо произнесла она.

И она все глядела на скалу, глядела так долго, что устали глаза. Тогда она перевела взгляд на родник, где стирала Дареджан. Как раз в эту минуту к старухе подошел какой-то мужчина и стал с нею разговаривать. Из-за расстояния Нуно не могла различить лица этого человека и потому не узнала его.

Давно уже Нуно не видала никого, кроме приставленной к ней женщины, и потому ей неудержимо захотелось узнать, кто бы мог быть неизвестный. Вдруг одна мысль молнией сверкнула в голове у Нуно, сердце ее бешено забилося, она вскочила на ноги, возглас радости готов был сорваться с губ. Но лицо ее тотчас же побледнело, она провела рукой по лбу, пошатнулась и снова опустилась на свое место.

– Разве могла бы я, несчастная, удостоиться такого счастья, – с тоской проговорила она. – Иаго попал в руки врагов; от них не спастись никому. Но кто бы это мог быть?... Гиргола!.. – воскликнула она с ужасом. Один только Гиргола мог так спокойно и открыто беседовать с Дареджан!.. Воспоминания, как раскаленные уголья, опалили сердце Нуно.

Ей вдруг представилось искаженное страстью, жестокое лицо деверя, так бесчеловечно втоптавшего ее в грязь, так грубо высмеявшего ее подлинную страсть... Сама природа гневалась на бесчинства, творимые людьми...

Гиргола навещал ее несколько раз, но обычно он появлялся днем, ненадолго заходил в пещеру, осведомлялся о здоровье невестки и тотчас же уходил, торопясь а свою службу. А теперь он пришел под вечер, видимо, собираясь остаться ночевать. Зачем? Неужели он думает, что раз навсегда сломил сердце Нуно и теперь может спокойно наслаждаться ее красотой? Нет, никому больше не удастся спасти ее от смерти, она найдет дорогу к гибели!..

Нуно вскочила и убежала в пещеру. Через потайную щель она выбралась на открытое место. Отсюда, не боясь быть увиденной, она могла следить за неизвестным и Дареджан.

Когда Коба и Дареджан двинулись к жилью, Нуно покинула свою засаду, обогнула горку, скрытую от глаз идущих, и поспешно вышла из ворот крепости. Очутившись на воле, она свер-

нула с тропинки и пошла через Гергетскую гору в сторону Мкинварцвери. Безмерно утомившись, она вскоре свалилась, как подкошенная, и заснула.

Дареджан ввела Кобу в пещеру.

– Нуну! – тихо позвала она.

Никто не откликнулся.

– Нуну, где ты? – возвысила она голос, входя во вторую половину пещеры.

Но и там никого не было.

– Горе мне! Помогите! – закричала женщина, кинувшись обратно к Кобе, который с нетерпением ждал у входа.

– Что случилось?

– Нуну исчезла! – и Дареджан снова вбежала внутрь пещеры.

Коба вошел следом за нею. Они принялись искать Нуну, обшарили все углы.

– Да где же она, куда могла деться? – огорченно повторял Коба.

Дареджан предположила, – не покончила ли она с собой. Старуха плакала и причитала. Коба встревожился, так как Дареджан рассказала ему, что Нуну уже однажды покушалась на самоубийство.

Оба вышли во двор, исходили всю окрестность, долго звали Нуну, но она бесследно исчезла.

– Хоть бы ее труп найти!.. Не поглотила же ее земля?... И внова бродили они по Аршской крепости, заглядывали за каждый валун. Но все было напрасно. Выбившись из сил, они сошлись на поляне перед пещерой.

– Что я скажу Иаго? – грустно говорил Коба.

Дареджан была в ужасе, боялась за свою жизнь, за свой двор и дом. Ей уже представлялось, как есаулы под командой Гирголы грабят, расхищают ее добро. Что ждет ее детей? Нищета, голод, скитания по чужим дворам... Они не смогут жениться, обзавестись семьями, весь род будет уничтожен безжалостным извергом Гирголой.

Если бы Нуну убежала к Иаго, хотя бы тот ее защитил. А теперь некому за нее заступиться. Она ни Иаго не сумела услужить, ни сберечь Нуну для Гирголы.

Иные полагают, что простой народ неспособен на глубокие рассуждения, доступные людям высших сословий, что его удел – только труд. Однако народная мудрость гласит: Сердце человека подобно морю, – чего только не способно оно совершить! Да, напрасно думают иные, что у простых крестьян нет разума!

– Что случилось, тому не поможешь! – прервал тягостное молчание Коба. – Она или ушла домой, или покончит с собой, где ей вздумается.

– Как же мне быть, горемычной?... – горестно запричитала Дареджан. – Вернется Гиргола, сживет меня со света.

– Он – твой кум, пощадит, – утешал ее Коба. – Да и народ не допустит, чтобы он с тобой жестоко расправился.

– Что может сделать народ?... Гиргола – человек сильный, он на царской службе... А родство, кумовство?... Да разве для Гирголы есть что-либо святое?

Коба махнул рукой. Оба молчали, каждый думал о своем. Перед Кобой была старая женщина, вся трепещущая, изнывающая от страха, ни в чем не повинная, незаслуженно обреченная на страдания. Быть может, разорение и гибель ожидают всю ее семью, и от чьей же руки? От руки равного ей человека, которому только его развращенный нрав обеспечил любовь и расположение господина начальника, тогда как он скорее заслуживал смерти.

И Коба в эту минуту страстно желал быть свободным человеком, быть даже родственником Дареджан, чтобы открыто выступить на ее защиту, примерно проучить негодяя Гирголу.

– Дареджан! – заговорил он снова, – вот что я тебе скажу. Укройся на время в доме своего отца. Оставайся там до тех пор, пока не получишь вестей о судьбе Гирголы.

– Да он и там не даст мне покоя, знаю я его! – плакала Дареджан.

– Не бойся, если буду жив... – Коба замолчал.

– На вас вся надежда, родные мои. А не то, завязала бы глаза, да и кинулась в воду.

Странно! При организованном управлении, когда начальники, диамбеги, судьи, приставы и всякие другие чиновники наводняли страну, как муравьи, и делали вид, что чинят правосудие, простая, ни в чем не повинная женщина умоляла человека, совершившего убийство, защитить ее от несправедливости!..

– Спускайся к своим и жди от меня вестей о Гирголе. А я пойду искать Нуну, – сказал Коба.

Они расстались. Женщина поспешила к себе в деревню, а он устремился в горы, куда, как он думал, должна была уйти Нуну, если она надумала бежать.

А Нуну тем временем миновала Аршские высоты и вышла на Гергетскую гору, на склоны которой в дни своей юности она так часто ходила по ягоды.

Утром она пошла к Медвежьей роще, надеясь до наступления темноты спуститься в свою деревню. Она вовремя достигла намеченного места и опустилась на траву около ручья у опушки леса, который так смягчает суровость окрестной природы. Кругом свисали огромные голые скалы и ледники.

Нуно, горько задумавшись, сидела у ручья, вытекавшего прямо из скалы. Вдруг до ее слуха донесся устрашающий рев. Она вскочила и застыла на месте. Огромный медведь, рыча, медленно шел из леса, он остановился, осмотрелся по сторонам, ступил еще несколько шагов вперед, снова остановился и в удивлении уставился на Нуно, которая вся дрожала от ужаса. Медведь поднял голову, понюхал воздух, как бы желая убедиться, что перед ним человек, а не призрак. Он раскрыл свою пасть. Низко пригнув голову, принялся с урчанием и ревом загребать землю когтями, как будто проверяя, хорошо ли они отточены.

Нуно некуда было бежать. Медведь заступил ей тропинку, ведущую прочь от ручья.

Не было никакой надежды на спасение. Медведь яростно зарычал, принялся еще свирепее загребать землю и наконец поднялся на задние лапы; со страшным ревом стал он приближаться к женщине. Она уже чувствовала на своем лице его горячее дыхание. Нуно вся сжалась в комочек, вплотную прикинула к скале, почти перестала дышать. Медведь занес свою лапу... и вдруг грянул выстрел. Медведь взревел, отскочил в сторону, перекувырнулся и свалился прямо к ногам женщины. Чья-то рука всадила пулю прямо в глаз разъяренному зверю и убила его наповал.

Нуно повернула голову туда, откуда раздался выстрел. Поблизости от нее стоял юноша и, улыбаясь, спокойно чистил ружье.

– Можно ли женщине ходить одной? – ласково спросил он.

– Пусть славятся десница твоя! Если б не ты, не было бы меня теперь в живых! – сказала Нуно и вдруг замолкла, смотря на юношу широко раскрытыми глазами. Юноша, тоже оцепенев, с изумлением глядел на нее.

– Иаго! – медленно, еле слышно произнесла Нуно.

– Нуно! Жизнь моя! – воскликнул Наго и обнял почти потерявшую сознание женщину.

Иаго, так во-время очутившийся в этих местах, скрывался вместе с Кобой в Медвежьей роще, где оба друга нашли надежное убежище. Эта роща была удобна еще и тем, что неподалеку расположились пастухи, которые подкармливали изгнанников; к тому же она находилась поблизости от Аршской крепости и от селения Степанцминда, – легко было добывать сведения о Нуно и вообще разузнавать обо всем.

Когда Коба был в Аршской крепости, Иаго охотился. Он убил тура, отнес его к жилью и возвращался к ручейку смыть кровь и пыль с лица и рук. По пути он услышал рев медведя и пошел на него. Подкравшись совсем близко, он увидел, что медведь готовился напасть на какую-то женщину. Он не мог разглядеть лица женщины и потому действовал спокойно.

Но, узнав друг друга, влюбленные позабыли обо всем на свете, беззвучно приникли друг к другу, слились в одном долгом поцелуе. Говорить они не могли. Каждый трепет, каждый вздох значил для них больше, чем все ласковые слова всех языков мира.

Не скоро бы они очнулись, если бы Кобе не наскучило глядеть на их нескончаемые ласки. В поисках Нуну он набрел прямо на влюбленных и теперь терпеливо ждал, когда его заметят.

– Не довольно ли вам обниматься! – громко сказал он. – Надо и губам дать передышку!

Они смущенно розняли руки и разошлись. Коба приблизился к ним.

– Нуну, а ты, оказывается, дьявольски хитрая!.. Уморился вконец, тебя искавши, а ты вон куда пришла.

Он рассказал, как искал Нуну, в какую беду попала Дареджан.

– Подождала бы еще немножко, раньше времени убежала! – пошутил Коба, обращаясь к Нуну.

– Разве могла я думать, что ты придешь ко мне, дорогой Коба!

– Сердце, что ли, тебе подсказало, что сразу же Иаго встретила?

Нуну смущенно потупилась.

– Видно, сама судьба моя привела меня сюда...

Весело беседуя, Коба и Иаго сняли шкуру с медведя, потом повели Нуну к своему жилью. Вскоре в воздухе вкусно запахло турьими шашлыками.

Они пообедали. Вдоволь наговорившись, стали обдумывать побег в Чечню.

– Двинемся нынче же ночью, а то узнают о бегстве Нуну и усилят караулы на дорогах, – предложил Иаго.

– Куда мы двинемся нынче ночью, ведь все пути перерезаны! – сказал Коба.

– Поднимемся по леднику к Самебе, а оттуда выйдем на Джариах.

– На Самебе тоже ненадежно...

– Как же быть?

– Лучше подождем дня два, узнаем, кто стоит в карауле под Хде. Если наши, – сами нам помогут, а если чужие, – все равно пройдем, им не угнаться за нами в горах, никто лучше нас не знает наших дорог...

– Да, задерживаться нам не к чему, а так – тебе лучше знать.

– Не будь с нами женщины, я бы знал, куда итти. А с нею как же быть иначе?

– Достаньте мне оружие, и я вместе с вами умру, а врагу не дамся! – воскликнула Нуну.

Глаза ее засверкали, румянец вспыхнул на похудевшем и побледневшем лице. Глядя на дышавшее беспредельной отвагой лицо этой женщины, думалось, что для нее не существует никаких препятствий, что она способна выдержать все испытания.

Порассудив и пораздумав, они решили сегодня же ночью итти на Хде, там переждать, пока удастся выяснить, из кого состоит караул, и, уже сговорившись с ним, двинуться дальше.

Они дождались заката солнца и тронулись в путь, когда на вершине Мкинварцвери зажглась золотая корона.

Однако они не захотели воспользоваться всем известной дорогой вверх по ущелью реки Хде и потому пошли напрямик вдоль скалистых откосов горы Куро, по одной из тех тропинок, которые протаптываются турами, сбегаящими на водопой к соленым источникам. Тропинка эта была узка и опасна. Она то извилисто жалась к голому каменистому склону, то шла по выступам и обломкам скал над глубокой, в несколько сажений, пропастью, через которую приходилось перепрыгивать. Дно таких расселин обычно усеяно острыми, зазубренными каменными плитами и щебнем, постоянно осыпающимся со скалистых гор. Но угрожавшие на каждом шагу опасности страшили путников меньше, чем встреча с человеком.

С Медвежьей горы они стали спускаться вдоль маленькой речки Чхери, своевольно-изменчивой и быстрой. За день она несколько раз меняет свою окраску: то смоли-

сто-черная, то соломенно-желтая, то красноватая или совершенно чистая, сине-прозрачная, бежит она и пенится с шумным и веселым рокотом.

Подшли к Тереку, прошли мост – брус, перекинутый через поток. Горцы вскачь пускают по нему коня. Дальше двинулись вдоль Терека на Куро и стали подниматься к Зеда-Ниши, куда по праздникам стекаются жители со всего Хеви. Сюда ведут бесчисленные тропинки. Человеческому они показались бы трудными, но горцы легко ходят по ним. Начали подниматься в гору и к рассвету подошли к подножию голых зубцов горы Куро. Здесь устроили привал под огромным четырехугольным, как сундук – кидобани, камнем, обрушившимся или сползшим с вершины на самую середину зеленой поляны, где он могуче высился, давая защиту и убежище прохожим от непрестанно катящихся сверху обломков скал.

Весь день провели они под защитой этого камня, так как днем не решались двигаться дальше. Из своего безопасного убежища путники видели, как непрерывно разрушаются скалы. Изъеденные ветром и непогодой, они с грохотом низвергались, и камни, подпрыгивая, насккивали друг на друга, высекали молнии огня, неслись вниз, в ущелье Куро, и там возводили новые нагромождения. А в одном месте медленно полз сверху мягкий, черный песок, весь пропитанный водой и сыростью. Он заносил, как бы пронизывал скатившиеся обломки и скреплял, цементировал естественно возникшую стену, позади которой накапливалась вода. Зубцы вершин Куро расслаивались на мягкие, черные, плоские плиты, и плиты эти, оползая влажным песком, причудливо бороздили всю местность. Немного пониже сочлились прозрачно-чистые родники, до того студены, что воду из них можно было пить только маленькими глотками.

Наши путники с нетерпением ожидали вечера, а между тем солнце еще только поравнялось с тем склоном, на котором они приютились, и стало припекать так сильно, что местами зной за клубился маревом, песок и щебень задвигались, и вдруг оглушительный треск широко отдался в горах: из скалы с шумным клокотанием вырвалась вода и с невообразимой быстротой ринулась вниз в ущелье.

Вода неслась с такой неудержимой силой, что ни камни, ни скалы не могли преградить ее бега. Огромные валуны, щебень и песок сплошным месивом устремились вниз, прямо на стену, давно уже образовавшуюся из песчаных и каменистых наносов. Эта затвердевшая стена продержалась с минуту, потом, опрокинутая вновь и вновь прибывающей силой, с оглушительным ревом обрушилась в поток, сталкивая и дробя камни, и все это вторгалось в Терек, вскидывало его на свой хребет. Терек бился с яростным потоком обвала, бешено насккивал, переклестывая через него. Неповторимое зрелище: низвергнувшиеся оползни Куро, пробираясь под волнами, устремлялись к западу, а Терек, перекатываясь через них, весь в пене, грозно катился к северу.

Невозможно описать достойно эту величественную картину! Надо видеть собственными глазами, как бьются две столкнувшиеся силы, как они пенятся, хрипят, шумно взлетают и дробятся в воздухе на тысячи вихрей на многосажженной высоте. И сила, и слезы, и стоны, и угрозы, и рев – все это перемешивается между собой, и у вас начинает сильнее биться сердце и хочется броситься самому в эту необыкновенную битву.

Уже давно зашло солнце и луна облила нежным светом вершины гор. Но неугомонные, упрямые Куро и Терек все еще боролись друг с другом, не помышляя об отдыхе, словно этим двум силам невозможно было жить в мирном соседстве.

Наши друзья двинулись в путь, поднялись на самую вершину Куро, откуда в последний раз взглянули на свою родину, в последний раз прислушались к шуму своей реки, как бы, призывающей их: «Боритесь, неутомимо боритесь за правду и честь!»

Еще один шаг, и гребень горы остался за спиной: отсюда уже не видно Хеви, остается пройти только ущелье Хде, перевалить вершину Гвиргала и... другие люди, другая страна!

Тяжесть налегла на сердце, сковала уста. Каждый ушел в свои горькие мысли.

Они вступили в лес Хде, где собирались устроить привал. Они были по-прежнему молчаливы; расположились, развели костер, зажарили шашлыки. После ужина Нуну закуталась в бурку и легла. Коба и Иаго, сидя у огня, закурили трубки.

– Завтра на рассвете я подымусь к пастухам на вершину Гвиргала, узнаю от них, кто стоит в карауле, – заговорил Коба.

– Скорей всего хевсуры, кому же еще быть? – отозвался Иаго.

– Это было бы совсем хорошо. Они нас не задержат.

– Ты только постарайся поскорее все разузнать.

– Конечно, постараюсь. Гиргола хитер, если прослышит, что мы сюда подались, все пути нам закроет. Надо торопиться.

– То-то и есть, что надо!

Вдруг за горой раздался выстрел, ему ответило несколько выстрелов с другой стороны. На поляне появились люди. При лунном свете можно было наблюдать завязавшуюся стычку.

Товарищи вскочили и стали настороженно следить за происходящим. То там, то здесь вспыхивал огонек, похожий на пламя свечи, и за ним следовал гул выстрела. Чью жизнь похищал этот звук, в чей дом вносил он слезы и стоны?

Перестрелка длилась недолго. Несколько человек отступило к лесу и вскоре скрылось в нем. Остальные кинулись было их преследовать, но тотчас же остановились: преследование в лесу ночью – слишком трудное и опасное дело.

– Это скорее всего джариахские кистины из Арции, что за Гвиргалой, – сказал Коба.

– На пастухов, что ли, набег делали? – предположил Иаго.

– Должно быть...

– Скоро же они показали спины!

– Не захотели даром жизнью рисковать. Они собирались угнать овец. А раз уже пастухи проведали, – ничего им не удастся.

– Давай пристанем к ним, – предложил Иаго.

– Давай! – согласился Коба.

– Пойду, разыщу их!

– Зачем тебе? Разве я не могу пойти? – перебил его Коба.

– А я что же? И со мной ничего плохого не случится. Пойду! – поднялся Иаго.

– Нет, ты оставайся тут, за Нуну присмотри!

– Ну, ладно. Только будь осторожен, Коба, сразу не подходи.

– Не беспокойся, знаю.

– Побратайся с ними. Скажи, что мы абреки, к ним в гости идем.

– Хорошо.

– Ну, с богом, не стоит медлить!

Коба взял ружье, перекрестился и пустился в путь. Вскоре он скрылся в лесу.

Иаго проводил его взглядом, постоял в глубокой задумчивости, потом повернулся к Нуну. Она крепко спала, утомившись от долгой дороги. Мохевец подошел к ней, остановился поодаль и стал смотреть на нее с любовью. Выбившиеся из-под платка мягкие пряди волос в беспорядке рассыпались по ее милому лицу, щедро залитому лунным светом. Они чуть заметно шевелились от легкого, свободного дыхания и нежно щекотали, ласкали ее. Она не могла проснуться от этого, но слабая улыбка блуждала по ее лицу. Или, быть может, после долгих испытаний она и во сне чувствовала близость любимого и улыбалась своему счастью. Вот губы ее раскрылись, дрогнули и произнесли имя Иаго, так сладко, с таким страстным волнением позвали его, что он не выдержал и, опустившись на колени перед Нуну, стал осторожно, тихо ее целовать. От прикосновения горячих губ Нуну слегка вздрогнула, лениво, утомленно потянулась, и руки ее обвили вокруг шеи Иаго.

Он весь затрепетал от этой властно пьянящей близости.

Сладкое забвение захлестнуло их с неудержимой силой, и они погрузились в него, не в силах сопротивляться. Сердца их трепетно бились, разум молчал, и ласки их могли бы длиться целый век, но и того им было бы мало. Они целовали друг друга и пьянели от любви. Они прерывали ласки только для того, чтобы посмотреть друг другу в глаза, извлечь из них новые силы, новую неутомимую страсть и снова слить уста в поцелуе.

Такова юность, такова чистая, беспорочная любовь! Боже! Какое блаженство испытывали они в эти минуты!..

Между тем Коба добрался до того места, где, как он думал, укрывались те, кого он искал. Это была небольшая лужайка, окруженная непроходимым лесом. Здесь можно было расположиться свободно, не боясь преследования.

Коба подошел к самому краю лужайки и осторожно раздвинул ветки деревьев.

Посредине лужайки был разведен маленький костер, – сильный огонь и высокое пламя могли бы привлечь внимание преследователей, – вокруг которого сидели мужчины, человек десять, и чистили ружья в ожидании ужина. На нескольких вертелах жарились с шипением туры шашлыки.

Коба тотчас же убедился, что люди эти – джариахцы, и среди них он признал одного своего знакомого, известного мастера по изготовлению топориков, человека, силе и смелости которого все дивились в горах.

Наделенный от природы умом и отвагой, он был необыкновенно ловок и смел. Не раз наводил он страх на казаков, не раз угонял их стада и табуны.

Но что ему понадобилось в Хеви, где у него было так много друзей и где во многих домах его встречали хлебом-солью? Неужели он пришел сюда за добычей, забыв обычаи гор, так свято хранимые всеми? Нет, Парчо – горец, он слишком доблестен, чтобы нарушить эти обычаи! Как видно, не ради добычи явился он сюда!

Коба еще был погружен в свои размышления, когда Парчо вдруг вскочил с места, схватился за ружье.

– Кто здесь? – крикнул он.

– Гость! – ответил Коба и смело вышел на поляну.

– Гость от бога, зачем же ты прячешься? – сказал Парчо, пытливо осматривая его с головы до ног. – Но если ты лжешь, ей-богу, дорого за это заплатишься!

– Ложь не пристала мохевцу! – гордо вскинул голову Коба. – У людей моей страны не раздвоены ни сердце, ни язык.

– Да благословит тебя бог за такие слова! – воскликнул Парчо. – Будь нашим гостем!

Остальные тоже поднялись навстречу Кобе, в знак почтения приняли от него ружье, поздоровались, подвели к стоянке.

Парчо узнал Кобу, начались расспросы друг о друге, о домашних, о стадах, потом все уселись за еду.

Кобе и Парчо подали отдельно, а остальные уселись в кружок.

Разговор продолжался, но вежливость не позволяла Парчо спрашивать гостя, зачем пришел он сюда, а Коба, по обычаю этих мест, не торопился сам приступать к рассказу, дожидаясь, когда его спросит старший.

Отужинав за общим столом, что так тесно связывает людей гор, закурили трубки, и тогда Парчо задал первым вопрос:

– Гость, ты – пастух и не покинул бы своего стада зря... Так говори, если хочешь говорить, рассказывай, наш слух обращен к тебе!

– Я убил человека, от кровной мести ушел, я нуждаюсь в вашем гостеприимстве.

– Не грех убить человека, если он недруг твой, но нужно ответ за это держать. Ты один?

– Нет.

– А кто с тобой?

– Мой побратим и его жена.

– Идите к нам... – пораздумав, сказал Парчо. – Гость от бога, и хозяин не может закрыть перед ним двери дома своего. Отныне мой дом будет вашим домом.

– Хлебосольство ваше всем известно.

– Гость от бога, и хлеб тоже от бога.

Тогда Коба рассказал о себе и об Иаго, рассказал о насильственном венчании Нуну, о нападении на тюрьму и о побеге Иаго. Парчо и его товарищи слушали, затаив дыхание, эту повесть о беззаветной отваге.

Когда рассказ был окончен, Парчо вынул пулю из газыря и протянул ее Кобе.

– Дай и ты мне свою пулю, хочу побрататься с тобой! – сказал он.

Коба протянул ему свою пулю, и они трижды обняли и поцеловали друг друга. С этой минуты они стали кровными братьями, и все горячо их поздравляли.

А Нуну и Иаго все еще продолжали дарить друг другу нескончаемые ласки, все еще журчали тихие любовные слова. И вдруг, когда Иаго привлек к себе лицо Нуну, чтобы еще раз запечатлеть поцелуй на ее губах, где-то совсем близко послышался шум, и несколько человек во главе с Гирголой выбежало из леса с шашками наголо.

Иаго вскочил на ноги и первым же выстрелом уложил, на месте одного из нападавших, а потом выхватил кинжал и вступил в жестокую неравную борьбу. Человек тридцать кружилось вокруг одного, как стая собак.

Многие из шайки Гирголы были ранены. У самого Иаго кровь лилась ручьями из ран. Но ни одна его рана не была настолько тяжела, чтобы помешать ему продолжать борьбу, многочисленность врага как бы хранила его: каждый тянулся вперед, чтобы ударить его, и все мешали друг другу, а мохевец отбивался от них, как лев. Но теряя кровь, он терял и силы.

У него темнело в глазах, он не мог больше держаться на ногах. Но вдруг раздался залп, и семь человек из отряда Гирголы свалились на землю. Остальные, до смерти перепуганные, спаслись в лесную чащу.

Это были Коба, Парчо и его друзья. Услышав выстрел Иаго, они бросились на помощь пока еще не знакомому другу. Они подхватили на руки раненого Иаго и укрылись в безопасное убежище. Только Нуну нигде не было видно. Думая, что Иаго окружен его людьми и ему живым не уйти, Гиргола подхватил Нуну и с несколькими своими надежными товарищам поспешил увезти ее отсюда.

Теперь мы снова немного отступим от нашего повествования, чтобы рассказать читателю, каким образом появился в этих местах Гиргола со своими казаками.

Диамбег отдыхал на станции Степанцминда, валяясь на тахте. Он еще не успел заснуть, и Гиргола подробно рассказывал ему о том, что он предпринял для задержки Иаго и других ненадежных людей, против которых придется принять меры. Вдруг дверь осторожно приоткрылась, в комнату проскользнул какой-то человек и вытянулся в струнку.

– Это кто? – спросил диамбег.

– Туга явился к вам, ваша милость! – ответил Гиргола. – Что нового? – спросил он вошедшего.

– Я напал на след Иаго, – ответил тот.

– Где он? – спросили в один голос диамбег и Гиргола.

– Я охотился на горе Куро, там его видел.

– Он был один?

– Нет, с ним Коба и еще какая-то молодая женщина.

– Женщина? – встревожился Гиргола.

– Да, женщина.

– Кто же это может быть? – раздумчиво проговорил диамбег.

– Не могу знать! – взволнованно ответил Гиргола.

– Ты не узнал ее?

– Как же, узнал, ваша милость! Это была невестка Гирголы.

Гиргола задрожал и побледнел. Он быстро встал и направился к выходу.

– Ты куда? – спросил диамбег.

– Я погибну или поймаю ее, ваша, милость!

– Бери с собой людей.

– Прикажите лучше взять казаков.

– А почему не здешних людей?

– Они будут заодно с Иаго. Наш народ – собачий народ.

– Тогда бери казаков да торопись, постарайся взять его живым.

– Слушаюсь! – ответил Гиргола и вышел.

Про себя же он решил убить Иаго, – так верней и легче, враг будет уничтожен сразу.

Он собрал казаков, взял с собой доносчика и направился к лесу Хде, чтобы перехватить беглецов. Он выследил собственными глазами Иаго, Кобу и Нуну, а потом приказал Туге следить за ними. Когда преследуемые сделали привал, он застиг их на месте.

Уверенный, что казаки добьют Иаго, он забрал с собой Нуну и бежал.

– Не сумела ценить почет и ласку, а теперь увидишь, каково тебе будет! – сказал он Нуну и стегнул ее плетью.

– Собака, собака! – простонала Нуну. – Все равно ничего не добьешься.

– До смерти тебя не забуду, но и жизни не дам! – и Гиргола снова ударил ее плетью.

Обтянутое платье лопнуло под ударом, и кровь хлынула из раны. Нуну подставила горсть и плеснула кровью в лицо Гирголе.

– Безбожник, пей мою кровь!..

Гиргола кинулся на нее с кинжалом, но догнавшие их казаки вырвали женщину из его рук.

И Гиргола узнал, что какие-то люди выскочили из леса на помощь Иаго и вырвали его, раненого, из рук казаков. Он рвал на себе волосы от отчаяния, но было уже поздно.

Стольких трудов стоило ему напасть на след Иаго, и вот он упустил его! Но неужели он ранен не смертельно, когда на него напали тридцать казаков?

Его уверили, что Иаго изрублен, как котлета, и никак не может выжить.

Вечером они прибыли в селение Степанцминда и доложили диамбегу, что у Иаго было гораздо больше людей, чем они рассчитывали, что они их перебили, хотя несколько казаков пало жертвой этого побоища, и что женщину, похищенную Иаго, им удалось отбить.

Диамбег составил бумагу, в которой отметил также и свои заслуги, как мудрого распорядителя, и направил ее начальнику. Тот присоединил свое имя к этому донесению и отослал губернатору. Губернатор, со своей стороны, дал блестящий отзыв о своих подданных, отметив беззаветную храбрость, проявленную ими в этом деле, и переслал все бумаги высшему начальству, которое сочло возможным наградить всех участников.

Что могла значить смерть нескольких казаков, когда были уничтожены такие бандиты, как Иаго, Коба и их единомышленники? Казаков заменят другие; казаки, – в них нет недостатка на станциях.

Гиргола забрал к себе Нуну, как члена семьи, и отвез ее в свой дом, где никто не жил с тех пор, как они переселились в Аршскую крепость. Он втолкнул ее в темную комнату и запер на ключ.

– Валяйся здесь, как собака, до моего возвращения. Он собрал соседей, пристававших к нему с расспросами.

– Что вам рассказать? Перебили всех, как собак, и бросили в пропасть.

– Несчастный Иаго! – жалел народ. – Не прискорбно ли, что ты так бесславно погиб?

Несколько юношей тут же порешили пойти тайком в горы и предать земле трупы погибших Иаго и его друзей.

А Гиргола вернулся к торжествующему диамбегу, который просто не знал, как и благодарить верного слугу за примерную службу своему царю. Он отпустил его пораньше, чтобы дать ему отдохнуть после тяжких трудов.

– Ступай домой, отдохни, верный мой Гиргола. Завтра спустишься ко мне... И не я буду, если сабли твоей темляком не украшу.

– Да не лишит меня господь милости вашей! – низко кланяясь, ответил Гиргола и вышел за дверь.

Коба и его товарищи спустились к подножию горы и там, в неглубокой теснине, защищенной с одного края голой скалой, а с другого – грудой камней, они развели костер, омыли раны Иаго, посыпали их порошком из целебной травы с солью, перевязали раненого и уложили его на бурку. Коба дежурил при нем, остальные завернулись в свои шерстяные одежды и прилегли отдохнуть. Спустилась тишина, нарушаемая лишь отдаленным, как бы убаюкивающим рокотом реки.

На рассвете снова развели потухший за ночь костер, отогрелись, – утро было прохладное, – закурили трубки, и только тогда Парчо заговорил со своими:

– Эти мохевцы доверились нам, мы должны вывести их отсюда в безопасное место.

– Да, конечно, так следует сделать! – согласились остальные.

Тогда Парчо позвал к себе Кобу, а юноша-горец сел у изголовья Иаго.

– Погрейся у огня! – теснясь, предлагали ему хозяева.

– Не беспокойтесь, я не озяб! – ответил Коба, опускаясь рядом с Парчо.

– Коба, пора вам отсюда уходить, – заговорил Парчо.

– Конечно, пора, да как быть с раненым? – грустно отозвался Коба.

– Надо и его взять с собой.

– Мы его понесем. Только придется нести его через Гвиргалу, а там стоят ваши караулы.

Пропустят ли они нас? – сомневался Парчо.

– Конечно, пропустят! Не все же у нас неверные!

– Кто вас знает, Гиргола – тоже из ваших!

– Да, он из наших! – горько и злобно сказал Коба, – но не все такие.

– Чего нужно вашим, почему они своих же предают? – горько сетовал Парчо.

– Испортились нравы!.. Все, кто посильней, действуют против нас, что же мы-то можем сделать?

– Ну, оставим это! – помолчав, сказал Парчо. – Не сумеешь ли ты договориться с вашим караулом, чтобы нас пропустили!

– Отчего же, пойду!

– А вдруг они тебя задержат? Будь осторожен!

– Нет, не задержат! – гордо вскинул голову мохевец.

– Если сомневаешься, лучше переждем, пока поправится Иаго, – не унимался Парчо. –

Мы и тут защититься сумеем!

– Нет, нет! Я сейчас же схожу и вернусь!

Коба загнул полы чохи и почти бегом устремился к вершине Гвиргалы.

Ему так сильно хотелось убедить Парчо в единодушии своих соплеменников, что он напрямик направился к месту, где стоял караул. Стражники сверху глядели на приближающегося юношу и гадали, кто бы это мог быть.

Когда он подошел ближе, все узнали его и удивились, что он так смело идет к караулу, когда голова его так дорого оценена властями, что жадный человек мог бы польститься на мзду. Беспечная отвага этого юноши внушала им невольное к нему сочувствие.

– Добрый путь, Коба, добрый путь тебе! – приветствовали его караульные.

– Мир вам, мир! – ответил юноша.

– Куда путь держишь? Что скажешь нам? – нетерпеливо расспрашивали его мохевцы, зная, что судьба его тесно связана с судьбою Иаго.

Коба удовлетворил их любопытство, рассказал, зачем он к ним пришел, сказал также, что теперь он предался им в руки; если совесть им позволит, они могут не пропустить его и его друзей.

Ни один мохевец из караула не посягнул на свободу Кобы. Некоторое время все они молчали, а потом воскликнули все как один:

– Отчего же нет, отчего? Вот тебе дорога свободная, иди себе с богом...

– Дай вам бог долгой жизни!.. Слава богу, что пока еще брат не отрекся от брата!

– Не мешкай, Коба! Мало ли что может случиться... Надо вам пройти поскорей! А ты не бойся, мы тебя не предадим!

– В долгу не останусь! – сказал Коба и, попрощавшись с караульными, быстро пошел обратно.

Коба сообщил своим товарищам ответ караульных. Тотчас же они уложили Иаго на шерстяное одеяло и двинулись в путь. Им навстречу вышли караульные-мохевцы и помогли нести Иаго в гору до своего поста. Здесь передохнули, поели и распрощались: путники пошли дальше, а караульные остались на посту, чтобы через несколько дней спуститься к себе домой, где их ожидали всяческие неприятности от диамбега, Гирголы и подобных им людей.

Вечером, часу в девятом, Гиргола подошел к своему дому. Он отомкнул замок и, чиркнув спичку, вошел в помещение. Зажег стеариновую свечку, потом вывел из клетки связанную по рукам Нуну. Вот уже три дня он держал ее взаперти, не давал ей ни есть, ни пить и всячески над ней издевался. Она вся высохла и побледнела. Он подвел ее к столбу, подпиравшему кровлю, и привязал к нему.

– Стой тут, собака, может, подохнешь скорее! – злобно сказал он ей.

Она даже не взглянула на него, чтобы не видеть ненавистного лица.

Гиргола сел в сторонке и закурил. Вдруг кто-то постучался в дверь.

– Кто там? – спросил Гиргола.

– Это я, Джгуна!

Гиргола отпер дверь. Вошел человек с кувшином и корзиной, прикрытой салфеткой.

Они уселись перед Нуну, достали из корзины пищу и принялись за еду. Жирная баранина, зажаренные в масле куры, яичница, – все это вкусно пахло и раздражало голодную Нуну. Нутро пылало, в глазах темнело, горло распухло от жажды.

– Уф, уф, уф! Какое жирное мясо! – поминутно приговаривал Гиргола.

– И вправду, вкусно! – причмокивая, подтверждал Джгуна.

Невыносимо страдая, Нуну все же заставляла себя отворачиваться от них. Но глаза ее невольно тянулись к пище. Проглотив несколько стаканов вина, Гиргола взял в руки кусок мяса и подошел к Нуну.

– Посмотри, какой жирный кусок! – сказал он и поднес мясо к ее губам.

Нуну не выдержала и с трудом приоткрыла сомкнутый рот.

Тогда Гиргола сам съел мясо и, расхотавшись, вернулся на свое место.

– Бесчеловечные! – еле слышно прошептала Нуну и упала на землю. – Воды! – просила она.

– Постой-ка, Гиргола, дадим ей глоток воды, как бы она не умерла! – сказал Джгуна.

– Не умрет... А впрочем, дай, если хочешь...

Джгуна подошел к Нуну с водой, поднес ей к губам кувшин, но ей свело челюсти, и она не могла сделать ни одного глотка, хотя и была в сознании. Тогда Джгуна концом кинжала

разомкнул ей зубы и влил в рот несколько капель. Она ожила от первой же капли и жадно приникла к сосуду, с каждым глотком чувствуя прилив сил.

– Довольно, хватит с нее! – крикнул Гиргола.

– Еще немножко, бога ради! – И Нуну потянулась губами за кувшином.

Джгуна наклонился над ней и шепнул: «Потерпи еще немного!» – потом резко отнял кувшин и сердито сказал:

– Хватит тебе!

Нуну, поняв намек Джгуны, покорно приникла к столбу. Гиргола и Джгуна продолжали пировать.

– Знаешь что, Гиргола, – сказал вдруг Джгуна. – Дадим-ка ей немножко мяса, а то еще умрет!..

– Какое там ей мясо? – сердито отозвался Гиргола.

– Нельзя допустить, чтобы она умерла. Ведь ты же хочешь подольше ее мучить?

– Да, я хочу ее мучить, она сама так меня измучила, эта чертова дочь! – заскрежетал зубами Гиргола.

– Так дать ей, что ли, мяса?

– Как знаешь!

Джгуна не стал спрашивать вторично. Он поднес пищу бедной женщине. Он накормил ее, а когда она немного подкрепилась, осторожно перерезал веревку у нее за спиной и шепнул:

– Буду ждать тебя за дверью. Выйди осторожно, когда заснет Гиргола.

Потом он вернулся к Гирголе, который настолько опьянел, что стал дремать.

– Ты что, спать, что ли, задумал? – весело воскликнул он и запел: «Налей полней, не томи меня».

– А?! Нет! Дай, налей еще! – и Гиргола протянул ему свой рог.

Джгуна наполнил рог. Гиргола поднес его к губам, но не смог опорожнить и отшвырнул в сторону.

– Нет, не могу больше! – пробормотал он заплетающимся языком. – Спать хочу, ступай теперь домой.

Джгуна простился с ним и ушел. Гиргола с трудом накиннул засов на дверь и, опираясь на стену, повернулся к Нуну.

– Как я быстро напился!.. Что это со мной?... Ну вот, Нуну, теперь ты моя... Подойди, поцелуй меня... Не хочешь?... Тогда я сам тебя поцелую.

И он, шатаясь, подошел к Нуну, которая глядела на него с омерзением. Она ловко увернулась от него, и он со всего размаху ударился лбом о столб с такой силой, что свалился на месте и, что-то пробормотав, тотчас же захрипел.

Нуну дрожащими руками подняла засов и выскочила вон.

– Заснул? – спросил Джгуна, который ждал ее за углом.

– Да! – шепнула женщина.

– Иди за мной, тебя ждет твоя крестная мать.

Нуну спокойно пошла за Джгуной, зная, что его жена сумеет надежно спрятать ее от Гирголы. А может быть, Гиргола и сам оставит ее в покое. Во всяком случае она будет на свободе.

Они подошли к небольшому дому, где их встретила с распростертыми объятиями крестная Нуну.

Родственники всячески успокаивали Нуну и уверяли, что Иаго только ранен и, разумеется, снова ее разыщет, хотя сами они верили этому с трудом.

Утром Гиргола обнаружил, что Нуну снова ускользнула из его рук. Он поднял тревогу, сообщил об этом диамбегу, перевернул в деревне все вверх дном, но никаких следов не нашел, никто не видел Нуну. И все решили, что она утопилась в реке.

А Нуну жила в тишине и покое, и не было у нее теперь иных забот, кроме тревожных размышлений об Иаго, от которого пока еще не было никаких вестей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В деревне Арциа семья Парчо приняла Иаго и его побратима Кобу, как родных сыновей. Все старались исполнять каждое их желание.

Лекарь, пользовавший Иаго, надеялся в несколько дней поднять его на ноги. Иаго с нетерпением ждал выздоровления, чтобы жестоко отомстить Гирголе за все свои беды. Столько злодеяний было на совести у Гирголы, что не только горец, для которого священны слова: «Лучше умереть со славой, чем жить в позоре», но и человек самого мирного нрава мог бы проникнуться жаждой мести.

Коба ни на минуту не отходил от Иаго. Друзья часто беседовали о своей беспокойной жизни, вспоминали Хеви и мечтали о возвращении в родные края.

Вечера обычно заканчивались щемящими звуками пандури. Коба играл на нем с большим искусством, напевая вполголоса песни о мужестве.

Велика сила этих звуков; они как будто тревожат, но в то же время успокаивают, смягчают недуги и навевают на душу целительный сон. Кто не испытывал, будучи больным, благодетельной сладости этих звуков, пронизывающих все существо человека?

Время шло. Иаго стал поправляться, мог уже сам выходить на балкон, хотя все еще был очень слаб.

– Иаго, – сказал ему однажды Коба, – мне хочется пойти на охоту в горы.

– Тебе, верно, наскучило сидеть со мною! – печально отозвался Иаго.

– Что ты! Нет, я думаю там встретить кого-нибудь из наших охотников, про своих разузнать!

– Как хочешь! – Иаго отвел глаза, чтобы не выдать своего волнения. – Конечно, иди!

Воспоминание о Нуну обожгло ему щеки. Ему давно уже хотелось попросить Кобу сходить за вестями.

– Не будешь скучать тут один без меня? Ведь тебе теперь лучше!

– Нет, нет, что ты! – Иаго не на шутку испугался, как бы Коба не передумал. – Ступай, может, и вправду встретишь кого-нибудь.

Коба собрался, попрощался со всеми и отправился в Хде не столько ради охоты, сколько ради того, чтобы узнать что-нибудь про Нуну.

Последние лучи золотились на гребнях гор, когда он дошел до Хдейского водопада. Вода, молочно пенясь, падала с огромной высоты, ревела, рассыпалась брызгами, многоцветно отражавшими солнце.

Ниже раскинулось изумрудное кольцо леса, позади него с остроконечной скалы непрерывно стекал мелкий черный гравий, а по ту сторону высилась небольшая гора, на которой приветливо зеленела круглая поляна, сплошь усеянная пестрыми ароматными цветами. В траве пряталось множество вкусных и крупных ягод. А за лесом вздымались крутые, голые скалы с изломанными зубчатыми вершинами, терявшимися в небе.

Коба стоял над Хдейским ущельем и любовался раскинувшейся перед ним родной природой, где нежные краски так гармонически сочетались с природной суровостью местности.

Давно уже не видел он этой красоты, такой родной и привычной для его глаз, такой сладостной для его сердца!

По ту сторону обрыва, на самой верхушке скалы, появился тур. Гордо закинув огромные рога, он выступил вперед, почти повис над скалой и подставил разгоряченный лоб дуновению вечернего ветерка. Он стоял горделиво, бесстрашно, чувствуя, что находится в собственных своих владениях. Он казался сам высеченным из камня и сливался со скалой; его позолоченные солнцем рога четко вычерчивались на синеве неба. Коба боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть прекрасного зверя и не нарушить его блаженного покоя.

Вдруг послышалось фыркание, подобное отдаленному свисту, и тур резко повернул голову на свист. Оглянулся и Коба. Второй тур, такой же могучий и свободный в движениях, шагнул по гребню скалы, медленно направляясь к первому. Он покачивал головой и как бы угрожал противнику, уверенный в своем превосходстве. Следом за ним появилось несколько косуль. Они остановились и стали глядеть на соперников, которые, видимо, хотели показать свое мужество перед нежными созданиями – самками. Гордый тур, стоявший на скале, повернулся в сторону идущих, фыркнул, потом, так же медленно выступая и покачивая головой, двинулся им навстречу. На расстоянии нескольких шагов противники остановились, обменялись грозными взглядами, принялись бить копытами о землю, словно подавая знак к битве, потом понеслись друг к другу навстречу и столкнулись рогами. Они напирала один на другого с такой силой, что мускулы их готовы были лопнуть от напряжения. Ни один не мог одолеть другого, не мог заставить отступить ни на шаг.

Наконец они разошлись. Один из них в несколько прыжков приблизился к самому обрыву, повернулся, напряг ноги, укрепился и закинул голову; другой тур стал повыше, поднялся на задние ноги и, изо всех сил устремившись вперед, налетел рогами на рога стоящего над пропастью тура. Потом они поменялись местами, и схватка повторилась. Каждое их столкновение, каждый удар рогами отдавались в горах, как ружейные выстрелы. Не дай бог, если бы отражающий удары тур изменил нападающему, увернулся бы от удара, тогда ничто не могло бы спасти последнего: он со всего разбега рухнул бы в пропасть. Но, полагаясь на верность соперника, каждый шел смело, свободно, стараясь только нанести удар как можно сильнее.

Косули с лукавой игривостью прыгали вокруг, словно поощряя борющихся и любуясь ими.

Коба с увлечением следил за поединком и горько завидовал нравам и повадкам благородных зверей, выходявших один на один померяться силой.

И вдруг, когда один из туров укрепился над обрывом, а другой сверху ринулся на него, грянул выстрел и свалил принимающего удар. Нападающий не смог удержаться, и оба обрушились в пропасть. Незвестный, прервавший поединок, поднялся из засады и, сорвав с головы шапку, побежал к скале, откуда свалились звери.

Коба с неприязнью посмотрел на охотника, так безжалостно оборвавшего жизнь двух прекрасных зверей, не дав ни одному из них насладиться радостью победы.

По обычаю гор, охотникам, если они встречаются таким образом, надлежит делить добычу пополам.

Коба поспешил к тому месту, куда спустился охотник. Издалека крикнул ему приветствие, принятое между охотниками в горах:

– Впредь еще большей удачи тебе!

Тот оглянулся, поблагодарил, и вдруг радость вспыхнула в глазах у обоих.

– Джгуна, да это ты?! Откуда?

Коба подбежал к нему.

– Победы тебе, Коба!.. Ты сам почему в этих местах?

– Верно, судьба привела! – радостно воскликнул Коба, и первая мысль обоих была о Нуну и Иаго.

– Что ты знаешь про Иаго? – спросил Джгуна.

– Слава богу, поправляется, уже на балкон выходит.

– Ничего себе не повредил?

– Рукой еще не совсем свободно владеет, но скоро совсем поправится. А что ты знаешь про Нуну? Очень он по ней тоскует.

– Несчастливая, она у меня скрывается. Никто из родни за нее не заступился, – пропади они все пропадом! Да что им, завладели ее долей, и все тут.

Он подробно рассказал о Нуно, не утаил и того, как трудно ее прятать, не нынче-завтра могут напасть на ее след, и тогда Гиргола сживет их всех со свету.

– Сама-то она здорова, – закончил Джгуна, – да только думы об Иаго не дают ей покоя...

– Бедная! – вздохнул Коба.

– Хорошо бы тебе самому спуститься к нам, рассказать ей обо всем. Опасности нет никакой, я так тебя проведу туда и обратно, что ни один глаз человеческий не увидит.

– Как же, пойду обязательно. Я и сам так думал. Чего мне их бояться!

Так порешив, они обвязали веревкой одного тура, и Коба, как младший, взвалил его себе на спину. Другого зверя они выпотрошили, обкурили порохом, чтобы хищники его не тронули, и оставили на месте. На обратном пути Коба заберет его к Иаго, чтобы не терять времени на охоту.

Они тронулись в путь, перевалили гору Куро и под утро подошли к дому Джгуны.

Подкрались к оконцу, выходящему на открытую галлерею. Джгуна осторожно кинул туда камешек и прислушался.

– Мышь проклятая, на чердаке возится!

– Ты лучше слушай, что за дверью, о чердаке не заботься! – шепнул Джгуна.

За дверью послышался шорох, она открылась, оба вошли и крепко прикрыли ее за собой.

– Что у вас? – озабоченно спросил Джгуна.

– Все хорошо, – коротко ответила жена.

– Закрой окно и зажги светильник. Как Нуно?

– Спит.

Коба сбросил со спины тушу зверя и поздоровался с хозяйкой. Та глядела на него с удивлением, не веря своим глазам.

Муж рассказал ей обо всем и попросил, чтобы она подала им поесть.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась хозяйка. – Так, значит, Иаго здоров, милый ты наш! – радостно воскликнула она. – Такого вестника надо встретить, как подобает!

– Ты это оставь, дай хоть хлеба поесть, проголодались мы. Верно, Коба? – воскликнул Джгуна.

– Скоро, скоро, потерпи немножко! – и она пошла хлопотать.

– Хвалишься ты очень, посмотрим, чем попотчуеть!

– Пусть у недругов наших будет пусто, а у нас, милостью божьей, все есть.

– Водка есть?

– То-то и оно, что есть, да еще такая, что и слов нет, какая хорошая.

– Тогда разведи огонь, зажарим шашлык.

– Вот это дело! – сказала жена.

Она развела огонь, принесла вертелы, поставила на стол водку, положила хлеб, сыр, масло, жирные лепешки. Видно было, что она ждала мужа и приготовилась его встретить, как добрая хозяйка.

Нуно проснулась от шума, и ей представилось, что к ним зашел Гиргола и хозяева угощают его. Она сжалась в комочек, забилась в угол, плотно прикрылась одеялом. Ужас охватил ее при одной мысли, что ее могут найти.

Долго лежала она так в своей клетке, едва дыша и напряженно прислушиваясь. Но собеседники из осторожности разговаривали вполголоса, и она не могла разобрать их слов. Дольше терпеть стало невозможно, она накинула на себя платье и, бесшумно подойдя к дверям, приникла к щели. При слабом свете лучины она не могла различить лиц. Ей стало понятно только, что гость был желанен для хозяина, беседа шла дружеская.

Неужели и Джгуна предал меня? – подумалось ей, и эта мысль сжала клещами ее сердце.

Холодный пот выступил на лбу. Сейчас отдадут меня моему палачу. Опять ужас, опять побои, голод, холод, унижения! Иаго потерян для меня навеки! Зачем Джгуна спас мне жизнь, лучше бы я умерла и сразу наступил бы конец всему!

В эту минуту хозяин попросил жену подать соли. Та вышла в клеть, увидела Нуну, порывисто ее обняла и стала целовать.

– Родная моя! – радостно говорила она.

– Крестная, что случилось? Скажи мне! – спросила Нуну дрожащим голосом.

– Коба пришел от Иаго, любимая моя девочка! Теперь мы спасены!

Нуну потрясло неожиданное известие. Она не сразу пришла в себя. Дрожь охватила ее. Иаго жив, чего же ей еще надо! Опомившись, она выбежала из клетки, кинулась к Кобе, обняла его, приникла к нему и зарыдала.

Ее успокоили, дали выпить воды. Она тихонько уселась, держа в своих руках руку Кобы, и Коба рассказывал про Иаго.

Вскоре все повеселели, стали перекидываться шутками, улыбалась и Нуну.

– Шутки – дело хорошее, – сказал Джгуна. – Но пора подумать и о том, как нам быть?

– Ты посоветуй нам, как быть, – отозвался Коба. – Нам нужен твой совет.

– Гиргола уже знает, что Иаго спасся. В проходе через Хде поставили царских слуг, охотникам приходится пробираться, как попало. Женщину этим путем не переправишь.

– Что же тогда делать?

– Придется Нуну отправить в Дзауг, оттуда легче будет ее похитить.

– В Дзауг? – удивился Коба. – Да ведь это еще труднее, всюду полно караулов.

– Это я сумею устроить! – успокоил его Джгуна.

– Тогда дело другое. Один только ты способен на это отважиться!

– Там отец Нуну. Он ее сбережет, пока вы не увезете.

– Не опасно ли в пути? – колебался Коба.

– Послушай меня! – начал Джгуна. – Ты еще молод, кровь в тебе кипит, всюду хочешь силой одолеть, а время теперь такое, что одной силой не возьмешь... Иной раз не мешает прибегнуть и к хитрости, и нисколько это не стыдно... Когда со станции возвращаются тройки, никто их не останавливает, не проверяет... Окликнут: «Кто едет?», ответят: «Обратный!» и скажут себе дальше. Запрягу я тройку коней, усажу Нуну в повозку, засыплю ее сеном да и проеду в Дзауг так, что никто и не подумает меня остановить... А дальше – ваше дело!..

Кобу поразила сообразительность Джгуны, на эту хитроумную выдумку нечего было возразить. В те времена таможенный осмотр производился в Ларсе, и горцы постоянно провозили контрабандный табак.

– Нравится тебе моя затея? – спросил Джгуна.

– Ничего не скажешь, прекрасно ты надумал, – ответил Коба.

– А ты, жена, как смотришь?

– Да я-то что могу сказать? Буду бога молить, чтобы удачу вам даровал.

– Ты, женщина, что скажешь?

– Только от Гирголы увезите подальше, а там хоть в воду киньте!

– Значит, все согласны со мною?

– Все!

– Тогда выпьем еще по одной за пресвятую покровительницу нашего дома, да и разойдемся, пора отдохнуть.

Для Кобы расстелили постель в нижнем помещении, Джгуна прилег тут же у очага на длинной скамейке. А женщины принялись убирать и мыть посуду, готовиться к завтрашнему дню. Они усердно работали, и долго еще слышались их радостные возгласы и мольбы к всевышнему.

На следующее утро, в ранний час, подходил к деревне какой-то мтиулец и расспрашивал, как добраться до дома Джгуны. Мтиульца этого, видимо, никто не знал. Первый же встреченный им мохевец понял это и потому приветствовал его по обычаю:

- Мтиулец, привет тебе!
- Да пошлет тебе мир Ломиси! – ответил мтиулец.
- Если тебе не к кому пойти, иди к нам в дом.
- Спасибо тебе, я иду к Джгуне Толокаани.
- Он далеко живет... Иди к нам.
- Спасибо, но у меня к нему дело.
- У Джгуны семья хорошая, видит бог, но для гостя и у меня найдется хлеб-соль.

Как раз в эту минуту с ними поравнялся сам Джгуна, шедший на окраину села по своим делам.

- Доброе утро, гость! – приветствовал он мтиульца.
- Доброе утро и вам!
- Что нового, Махута? – обратился Джгуна к мохевцу.
- Вот зову к себе гостя, а он отказывается, – к тебе идет.
- Гость от бога! Идем! – повеселел Джгуна. – Ты зачем моего гостя к себе зазываешь? – улыбаясь, сказал он мохевцу.
- Не обижайся, Джгуна, думал, что ему некуда идти.
- Откуда ты, гость? – спросил Джгуна.
- Я из рода Джалабаури!
- Род Джалабаури прославлен в горах. Благодарю бога, что ты ко мне пожаловал, снизошел до моего бедного дома.

– Слушай-ка, Джгуна, пойдем ко мне, и гостя с собой возьмем, и помянем у меня господу, выпьем по чарке, – снова заговорил Махута.

- И у меня есть дом, Махута. Если пойдешь ко мне, бог свидетель, обрадуюсь!

Немного поспорив о том, кому уступить гостя, все пошли в дом Джгуны. Позорно было бы для Джгуны уступить другому своего гостя, но если гость сперва заходил к другому, мохевец в знак упрека закалывал для него козу.

В доме Джгуны уселись за трапезу. Джгуна понимал, что чужой человек, так упорно его разыскивавший, видимо, пришел по делу, но расспрашивать об этом не полагалось, пока сам гость не заговорит первым. А гость не торопился, возможно, стесняясь присутствия постороннего человека.

Когда кончили есть, Махута счел нужным уйти и оставить гостя и хозяина одних, чтобы им не мешать.

Джгуна и мтиулец остались вдвоем.

- Мы вместе вкусили хлеб-соль, а имени твоего не знаю! – сказал наконец Джгуна.

– Меня зовут Вепхия – барс.

– У молодца и имя молодецкое! – воскликнул Джгуна. – Из хорошего ты роду, и имя у тебя хорошее, бог свидетель!

– Не знаю, молодец ли я, но от врага не побегу, клянусь Ломиси! – гордо ответил мтиулец. – Джгуна, имя твое прославлено в нашей стороне... – продолжал он. – Твоя пуля никогда не знает промаха, твоего гостя никто не посмеет обидеть, быть предателем ты не можешь... Я пришел к тебе по делу. Если не можешь обещать мне верность, скажи прямо, и я уйду.

– Можно ли изменить соседу? Это все равно, что богу изменить... Говори про свое дело, и святым Гавриилом клянусь, – для гостя жизни не пожалею!

– Что с Иаго, убили его, ранили? Ты – охотник, вечно ходишь по горам, не можешь не знать, – сказал Вепхия, смотря прямо Джгуне в глаза.

- Ты знаком с Иаго? Зачем он тебе?

– Он и Коба – побратимы мои. Тянет меня к ним. Не могу без них. Если живы они, хочу их видеть, а нет – хочу мстить за них. Ты – родственник Иаго, должен мне помочь.

Мохевец задумался.

– Вепхия, ты – настоящий мужчина, из хорошего рода. Но времена теперь изменились, и не обижайся на меня, если я тебе не сразу отвечу. Стыдно мне сомневаться в честности твоей... Но теперь брат продает брата, друг изменяет другу... Не губи меня. Если ты ищешь Иаго из-за вражды, не спрашивай, уходи, ты делил со мною хлеб-соль!..

– Горе мне! Я – из рода Джалабаури, а у нас дело и слово – одно. Мой род пока еще честь свою хранит, он умеет ненавидеть врагов и чтить друзей... Рассказывай мне все, что знаешь.

Джгуна еще раз воззвал к совести Вепхия и потом рассказал ему подробно про Нуну и Иаго. Когда Вепхия узнал, что Коба спрятан в этом доме, его мужественное лицо осветилось детской радостью.

– Слава Ломиси, что все живы! – воскликнул он и перекрестился. – Где Коба, веди меня скорее к нему!..

– Он спит внизу, там его прячу... Давно уже спит, можно его разбудить. – И Джгуна позвал жену.

– Пойди, разбуди Кобу. Скажи ему, что Вепхия здесь, видеть его хочет. Только мы сами к нему спустимся.

Вскоре мужчины сошли вниз по внутренней лестнице. Нижнее помещение было без окон. В темноте Вепхия не сразу разглядел своего друга. А тот бросился ему навстречу.

– Вепхия, добро пожаловать! – И Коба обнял друга.

– Коба, дорогой мой!..

Они встретились, как родные братья.

После первых радостных восклицаний завязалась беседа. Вепхия высказал твердое желание присоединиться к изгнанникам.

– Кончится тем, что убью кого-нибудь! – говорил Вепхия. – Теперь тот в почете, кто предаст своего друга, доносит на соседа, эти выродки в силе, они господствуют! Что хотят, то и делают... Клянусь благодатью Ломиси, не могу я с ними жить.

– Нет, Вепхия, нет! Зачем тебе разрушать свой очаг, свой дом? Мы – люди обреченные, ты на нас не смотри. Останемся живы, все равно нам цена – овечья шкура, умрем – так и козьей за нас не дадут...

– Дом, да разве он уже не разрушен? Нет больше ни совести, ни правды! Молчи, Коба дорогой, ожесточилось мое сердце, трудно мне, все равно погибать!

После долгих обсуждений порешили так: Коба и Вепхия вечером отправятся в Арцию, к Иаго, а Джгуна наладит тройку и отвезет Нуну в Дзауг к отцу. Вепхия остался с Кобой, ему еще о многом хотелось поговорить с другом, а Джгуна пошел к лавке, перед которой обычно собирались сельчане, там и сейчас стояла толпа народа, окружив только что приехавших начальника и диамбега.

Джгуна подошел поближе и стал слушать. Оказалось, что составляется ополчение для войны против чеченцев, участникам сулились всяческие милости государя императора и неисчислимы награды на небесах за защиту веры.

Народ слушал молча. Многие бывали раньше в Чечне, знали тамошние нравы и обычаи, знали о трудных дорогах, о девственных, непроходимых лесах и понимали, на какое опасное дело их зовут.

Наконец выступил вперед пожилой мохевец, снял шапку и сказал:

– Мы знаем, ваша милость, что надо служить царю-государю... Мы не щадим наших сил. В стужу и снег, когда зимняя буря поминутно грозит нас поглотить, похоронить под обвалами, всем миром выходим мы чинить дороги, на спинах своих перетаскиваем сани, груженные провиантом, боевым снаряжением и вещами войсковых частей, раздобываем для вас дрова, сено,

припасы... И все это мы делаем с радостью, потому что верно служим государю императору; прежде у нас не было таких непосильных повинностей, но и то мы не ропщем... Теперь же мы просим вас: освободите нас от похода против соседей, ничего худого они нам не делают. Не надо натравливать нас друг на друга, иначе мы вырежем друг друга и не будет у вас верных людей в нашей стране...

– Враги царя – также и ваши враги, и вы должны, как приказывает наместник царя, итти против Чечни.

– Хорошо, мы пойдем, но это будет непосильно трудным делом для нас.

Горское ополчение было составлено, всем селам надлежало явиться со своими священными знаменами и под предводительством помещика Гошпарашвили выступить через несколько дней в Дарго, где собиралось большое войско, задачей которого было одним ударом сломить Шамиля. Весть о подготовке похода была принята с живейшей радостью почти всеми помещиками и дворянами.

У Гошпарашвили было много единомышленников. Князья и дворяне собирались в этот поход в надежде с легкостью заполучить чины и ордена, так высоко почитаемые во времена наместника Воронцова. Под давлением наместника наше дворянство переустраивало свою жизнь на европейский лад, а для этого требовался достаток. И дворяне не брезгали ничем, лишь бы обеспечить себе возможность посещать воронцовские балы, иметь нужные для этого средства. После указа об отмене крепостного права у них не осталось никаких иных путей к обогащению, кроме успешного продвижения по службе и чинов.

Гошпарашвили устроил пиршество. Неподдельное веселье царило среди юношей, отправлявшихся в поход против Чечни. Мало кто из них отдавал себе отчет в происходящем. Отличиться в походе, добиться почестей, чинов, богатства – единственно это занимало и одушевляло их. Так пировали они, далекие от дум и нужд народных, и сталкивались ковши – азарпешы, звенела застольная песня «Мравалжамиер», благоухали сочные турьи шашлыки – и так без конца длилось веселье.

Между тем Коба и мтиулец Вепхия распрощались с хозяевами и отправились в путь. Они поднялись на вершину, оттуда спустились в ущелье, где был оставлен убитый тур. Здесь друзья отдохнули, потом Вепхия взвалил на плечи тушу, и они двинулись дальше. Миновали Гвиргалу и пошли по тропинке вдоль реки Хде. Поднялись на Чхатистави, еще немного – и все опасности остались бы за спиной. Но вдруг раздался окрик заставы:

– Кто идет?

Казачья застава преградила им путь. Они отскочили за скалу. Окрик повторился.

– Мы идем и сейчас испытаем вашу храбрость! – гордо откликнулся Коба.

Загремели выстрелы, и несколько пуль ударились о скалу, за которой скрывались друзья.

– Теперь посмотрим, кто кого? – и Вепхия нацелился из-за скалы, но казаки притаились в своей засаде.

– Коба, – сказал Вепхия, – забирай тушу и ступай вон по той тропинке вверх, а я пока задержу здесь этих собак!

Коба быстро взвалил на плечи поклажу и пошел. Тропинка, по которой ему предстояло подняться, была почти нехоженная, она вилась вдоль пропасти по острым выступам скалы. Но, одолев ее, он оказывался наверху, над тем местом, где оставлял казаков и своего друга. Оттуда он мог помочь ему взобраться по этой чертовой тропе.

Коба поднялся наверх, выбрал удобное место и оттуда нацелился из ружья. Как раз один из казаков высунул голову, чтобы осмотреться, но прогремел выстрел. Казак подскочил на месте, отшвырнул ружье и кувыркком скатился в пропасть. В ту же минуту Вепхия выбежал из-за скалы и, ловко прыгая по скалистым выступам, кинулся к Кобе, который радостно, с замиранием сердца следил за ним сверху. Казаки не посмели выйти из своей засады, а Вепхия быстро присоединился к Кобе, они обнялись и поздравили друг друга с победой. Здесь они

были в безопасности. Казаки не могли их преследовать, по тропе можно было подниматься только поодиночке, а беглецы сверху взяли ее на прицел.

Поэтому казаки сочли за лучшее укрыться за выступом скалы и поскорее убраться вниз подальше от этих мест.

Коба и Вепхия отдохнули и к вечеру достигли Арции, где Иаго изнемогал от нетерпения, ожидая Кобу.

Он сидел на балконе, когда к нему подбежал мальчик.

– Иаго, Иаго! – крикнул он. – Идут! Коба идет и с ним еще кто-то чужой!

– Где, где ты их видишь? – вскочил Иаго.

– Там, в гору поднимаются, теперь уже, верно, до родника добрались... Несут тура с большими рогами!

– Султи, пойдем им навстречу.

– Идем, идем! – и мальчик радостно побежал вперед, поминутно оборачиваясь и окликая идущего следом за ним Иаго.

Вот на холме появились путники. Они приближались, и все сильнее билось сердце. Какие вести принесут они о Нуну, о его единственной? Он как будто только для того и находил ее, чтобы снова терять, чтобы еще острее чувствовать боль разлуки.

Ему казалось, что друзья нарочно замедляют свои шаги, нарочно терзают его ожиданием.

Наконец они пришли. Коба свалил поклажу на землю, и друзья обнялись. Иаго безмерно обрадовался приходу Вепхии. Парчо вышел навстречу и приветливо пригласил гостей в дом.

Когда уселись, Коба все рассказал про Нуну, сообщил, что решено ее отправить в Дзауг.

Лекарь, пришедший перевязать рану Иаго, заверил друзей, что через две недели Иаго будет вполне здоров и тогда все дороги откроются перед ними.

А побратимы ждали этого с нетерпением.

Однажды вечером в Куросхви, близ Степанцминды, стояла повозка, запряженная тройкой лошадей. Человек в одежде ямщика неторопливо похаживал перед повозкой и изредка поглядывал на небо.

– Опоздают, обязательно опоздают! – он с досадой сплюнул в сторону.

И как раз в эту минуту на каменистом спуске послышались осторожные шаги и две тени резко обозначились на вечернем небе.

– Наконец-то! – оказал он с облегчением. – Почему опоздали?

– Не могли выбраться, дорогой. Войско в село вступило, размещали солдат на постой!

– Поторапливайся, Нуну, усаживайся скорей! Женщина скинула бурку. Это была Нуну. Она поднялась на повозку и устроилась поудобней на самом дне. Джгуна-кучер прикрыл ее сеном, влез на облучок и хлестнул лошадей. Застучали колеса.

– Счастливо добраться! – крикнул остающийся, сняв шапку.

Тройка с грохотом летела к Владикавказу, и на окрики караулов: «Кто едет?» Джгуна спокойно отвечал: – Почтовая тройка. Начальство возил и в деревнях замешкался... Нет ли табачку?

Казаки, не спешиваясь, равнодушно взглядывали на повозку и отъезжали в сторону.

Квартал мохевцев во Владикавказе был в те времена до крайности убог и неустроен. В этом квартале, в стороне от других домов, стояла старая, полуразрушенная хижина. Ветер сорвал с крыши дрань, и непогода свободно проникала внутрь помещения. Разбитые окна и дверь поскрипывали на слабых петлях, покорно пропуская осеннюю стужу сквозь прикрывающие их грязные циновки. Одинокое деревья, скудные остатки некогда пышного сада, стояли во дворе. Все было запущено, все одичало.

В девятом часу вечера какой-то человек приблизился к этой хижине, обошел ее кругом, осторожно приподнял циновку и переступил порог.

Он разворошил в камине горячую еще золу с угольками, подкинул хворосту и раздул огонь. Слабый свет озарил хижину. Вошедший человек оказался старцем, совершенно седым, с давно нечесаной бородой и всклокоченными волосами. Его худое, хмурое лицо, сплошь истощенное, изборожденное морщинами, свидетельствовало о некогда пережитых глубоких страстях. Глаза, обведенные синими кругами, глубоко ввалились, тонкие, выцветшие и потрескавшиеся губы трепетали. Старик тяжело, часто дышал и непрестанно кашлял, руки его дрожали, и все его тело было истощено, истерзано горем, трудами и голодом. Старая шинель, испещренная нашитыми на нее лоскутками, едва прикрывала несчастного и уж, конечно, вовсе не грела его.

Он подошел к очагу, протянул к огню озябшие руки и потер их изо всех сил. Немного отогревшись, он вышел во двор, снова обошел вокруг хаты, убедился, что никого нет, и поспешно вернулся в помещение.

Дрожащими руками взял он палку с железным наконечником, отодвинул брошенные на пол лохмотья, служившие ему постелью, и копнул земляной пол. Старик извлек из ямы шкапулку и, прикрывая ее собой, поминутно с опаской оглядываясь и прислушиваясь к малейшему шороху, снял с нее обшивку из воловьей кожи, приподнял крышку и поставил на пол. Потом он вытащил из-за пазухи тряпку, в которую было завернуто несколько серебряных и медных монет. Тщательно пересчитав их на ладони, он всыпал их в шкапулку. Потом сделал насечку на своей палке, закрыл шкапулку, обтянул ее воловьей кожей и опустил в яму; засыпав яму землей, он снова расправил свою постель.

– Проживу как-нибудь, а умру – никому не будет хлопот, на мои же деньги и похоронят... – со вздохом произнес он, пересчитывая насечки на палке.

Потом он придвинул к огню низенький столик, выложил из своей сумы куски хлеба, мяса и всякой снеди – подаяние добрых людей – и принялся за еду. Вдруг цинковка на дверях зашестела, холодный ветер ворвался в хижину, и старик, повернув голову, вздрогнул: в полумраке стоял перед ним человек, плотно закутанный в бурку.

– Кто ты? – спросил старик. – Глаза ослабели, плохо вижу.

Вошедший шевельнулся, и старика поразил звук сдерживаемых рыданий.

– Да кто же ты? Подойди поближе.

– Отец! – воскликнул женский голос, и Нуну, откинув бурку, бросилась в объятья отца.

– Нуну! – старик притянул ее к себе дрожащей рукой. Сколько чувств нахлынуло на них! Старик целовал дочь, единственное свое утешение, долго обнимал ее, но вдруг лицо его исказилось, гнев сверкнул в глазах, как молния.

– Прочь! – воскликнул он и оттолкнул Нуну.

До старца дошли слухи, что его дочь оставила мужа, потеряла совесть и честь, и он мысленно отрекся от нее. В первое мгновение встречи он забыл обо всем и всецело отдался чувству отцовской любви.

Нуну, с детства запуганная окриками, сперва отшатнулась, но, опомнившись, тотчас же снова протянула руки к отцу:

– Отец, отец, ты разве не узнал меня?... Я – дочь твоя, Нуну!

– Прочь, говорю! – повторил старик глухим, надтреснутым голосом, отстраняя ее рукой.

Нуну, растерявшись и вся дрожа, отступила назад.

– У меня нет дочери! – с горечью продолжал старик. – Дочь моя, – та была ангелом непорочным, чистой голубицей... Разве ты похожа на нее? Ха-ха-ха! – горько засмеялся он. – Ты только посмотри на себя!..

– Горе мне, погибла я совсем! – простонала Нуну.

А стариком все сильнее и сильнее овладевал гнев.

– Ты – дочь моя, говоришь? В полночь, в Дзауге, одна?... Нет, как могла женщина до этого дойти? Зачем ты здесь?

Он подбежал к ней, принялся ее трясти дрожащей рукой.

– Отец, дорогой мой! Выслушай меня! – взывала к нему Нуно.

Но старик был глух к ее мольбам. Он все больше и больше проникался сознанием своего несчастья – опозоренная старость, отверженная, несчастная дочь!

Вслед за острыми вспышками горя и гнева обычно наступает притупление чувств, и старик вдруг обессилел, опустился на пол. Он стал причитать, бить себя кулаком по голове, словно старался отогнать от себя тяжкую беду, избавиться от непереносимого горя.

Нуно с тоской глядела на отца, сознавая свое бессилие ему помочь, успокоить его.

– Господи! – говорил старик, – за что ты так наказал меня, не дал мне покоя ни в молодости, ни в старости. Была у меня жена, и меня довели до того, что я убил ее собственной рукой, вот этой рукой!.. Оторвали меня от семьи, от очага... Одно у меня оставалось утешение в жизни, одна надежда... На тебя надеялся, думал – пощадишь имя отца, пожалеешь меня... Конец всему!.. А теперь, чего ты хочешь от меня, зачем тревожишь мое одиночество? Все забудут меня, никто за упокой души не помолится! Ну что, поглядела на своего несчастного отца, полюбовалась его отчаянием? А теперь уходи!

– Горе, горе мне! – закрыв лицо руками, зарыдала Нуно. – А я-то надеялась, что у меня есть отец, что он пожалеет меня, поймет...

Она тихо пошла к двери, остановилась, потом снова пошла, снова остановилась и повернулась к отцу:

– Прощай, отец!.. Бог свидетель, я не виновна ни в чем ни перед тобой, ни перед богом. Прощай! – и она решительно направилась к выходу.

Тогда отец приподнял голову и устремил воспаленный взгляд на уходящую дочь. С каждым своим шагом она притягивала его к себе все неодоливей.

Нуно подошла к двери, тронула циновку и в последний раз обернулась к отцу, чтобы покинуть его навсегда. И вдруг она замерла на месте. Старик глядел на нее с нежностью, она увидела, что руки его тянутся к ней, что он готов ее окликнуть, но не в силах произнести ни слова.

И тогда она стремительно кинулась к отцу, и тот с каким-то безумным воплем прижал ее к груди...

Когда они оба успокоились, Нуно рассказала отцу свою горестную повесть, и старик возблагодарил судьбу, пославшую ему последнюю радость – свидание с горячо любимой дочерью.

– Тебя, значит, выдали замуж насильно? – снова и снова спрашивал он.

– Да, отец, Наго был арестован, некому было за меня заступиться.

– Да, нет больше ни правды, ни общины! – восклицал старик. – Теперь власть в руках у людей, подобных Гирголе. Что же нам делать?

– Не знаю, отец! Но только, если узнает про меня Гиргола, пропала я тогда.

– Говорят, Иаго к чеченцам ушел.

– Да, он ушел туда. Жив ли он? – горько вздохнула Нуно.

– Бог милостив!

– Если Иаго жив, он меня найдет, – с уверенностью сказала Нуно.

– Да, да, он придет за нами, и мы уйдем в Чечню.

– И ты пойдешь с нами, отец? – и Нуно крепче прижалась к старику.

– Конечно, пойду с вами, дочка! – вздохнул старик. – В мои годы трудно переселяться на новые места. Но времена теперь такие, что правды у чужих приходится искать.

– Ничего, отец, и там есть люди, там будет у нас вольная жизнь.

– И там есть люди, и хорошие люди, да трудно человеку искать правды на чужбине... Кабы наша земля нам принадлежала, не искали бы мы правды у чужих. Но теперь мы от других зависим... Скорей бы пришел Иаго, здесь собираются билеты вводить, а кто нам их даст?...

И как бы в ответ на эти слова за окном вдруг послышался голос:

– Завтра в полночь Иаго будет здесь!

Нуну и старик вскочили, выбежали во двор, но там никого уже не было – вестника радости словно поглотила земля. Они вернулись домой, никого не найдя, но радость не покидала их. Иаго жив, он придет за нами! – восклицали они, обнимая друг друга.

Было далеко за полночь, когда отец и дочь, уставшие от волнений, заснули крепким сном.

Иаго и его друзья собирались напасть на станцию Ардони, чтобы угнать казенный скот.

Они ехали верхом. Впереди был Иаго, хорошо знакомый с этими местами. Он зорко осматривался по сторонам и прислушивался к каждому шороху. Вдруг он придержал лошадь и весь обратил в слух.

– Что случилось? – спросил Парчо.

– Тише. Всадники едут, не могу только разобрать, с какой стороны.

– Ничего не слышу, – сказал Парчо, – тебе показалось.

– Если я впереди, так и слушайте меня, а нет – поезжайте сами вперед, – обиделся Иаго.

– Да что ты? Делай, как знаешь! – сказал Парчо, и в ту же минуту ветерок донес слабый далекий стук копыт. Всадники, видимо, быстро приближались.

Иаго спрыгнул с коня и приник ухом к земле.

Он поднялся и снова вскочил на коня.

– Скорее все за мною! Едут к нам, и их много.

Иаго свернул в сторону с дороги. Вскоре все скрылись в кустарнике. Выбрали удобное место, засели и стали ждать.

Разместив товарищей, Иаго прокрался обратно и залег за камнем в траве у дороги. Вскоре послышался говор и показались казаки, десять человек, видимо, дорожная охрана.

– Стойте! – сказал ехавший впереди. – Буханцов, – обратился он к одному из казаков, – здесь подходящее место для привала, дров много и вода рядом. Сварим баранину, поужинаем.

– Очень уж близко от пастухов, не оставят они нас в покое, – заметил один из казаков.

– Тем хуже для них. Если посмеют сунуться, всех перебьем, как собак! – сказал старший.

Они свернули на поляну и спешились. Один пошел за дровами. Лошадей пустили пастись, а сами все разбрелись – кто за дровами, кто за водой. Начальник и Буханцов остались караулить коней.

Из их разговора Иаго понял, что казаки нанесли какую-то обиду пастухам, и теперь, если те вздумают напасть на обидчиков, казаки безжалостно с ними расправятся. Он бесшумно скользнул к своим товарищам и обо всем им рассказал.

– Милые вы мои, – взмолился мтиулец, услышав, что пастухам угрожает опасность, – не дадим наших пастухов в обиду!

– Ну, конечно, не дадим! – шепотом ответили остальные. Между тем, четыре казака, посланные за дровами, приближались к ним.

– Отправили нас дороги караулить, а мы вон где бродим! – с досадой сказал один из казаков.

– К черту бы все эти дороги! – отозвался другой. – Нет нам покоя от них!

– А баран-то какой жирный! – воскликнул третий. – Едва на лошадь втащили...

Он не договорил... Четыре горца выскочили из засады и, свалив казаков, приставили им кинжалы к груди.

– Ни звука! – грозно шепнул им Иаго.

Казаков связали и втащили в кусты. Вдруг на стоянке казаков поднялся шум, оттуда доносились громкие выкрики, слышались русские и черкесские слова. Друзья бросились в ту сторону, бесшумно подкрались. Два черкеса на ломаном русском языке, помогая себе жестами, объяснялись с казаками. Казаки поднимали их на смех.

– Чего же вам надо, чертовы дети? – спросил старший казак.

– Казаки твои утащили у нас барана... Прикажите вернуть его нам, – кое-как объяснил черкес.

– Который утащил, укажи! Черкес огляделся.

– Не разобрать мне, который. Все похожи друг на друга.

– На кого жалуешься?

– На твоих казаков.

– Как ты смеешь всех обвинять в воровстве? Ты знаешь, что тебе за это будет? – закричал казак. – Проваливай, пока шкуру не спустили.

– За что же? У меня украли скотину и на меня же кричат!.. Вон лежит мой баран зарезанный, – указал черкес на убоину.

Казаки немного смутились. Черкес спокойно продолжал:

– Не стыдно вам? Сказали бы, мы бы и сами дали. Для этого вас сюда поставили? Уви-жико! – окликнул он товарища, – поди сюда, возьмем нашего барана.

И они подняли баранью тушу.

– Не отдавать! – приказал старший.

Казаки подбежали и ухватились за тушу. Черкесы не уступали:

– Не отдадим! – кричали они.

– Нагайками их! – скомандовал старший.

Казаки занесли было нагайки над черкесами, но вдруг из-за кустов выскочили горцы и набросились на казаков. Разъяренные черкесы кинулись помогать горцам. Казаки растерялись и запросили о пощаде. Их обезоружили, связали. Черкесам возвратили барана, а Иаго и его друзья забрали коней и ускакали.

Они прибыли в осетинскую деревню Хумалгу и заехали отдохнуть к знакомому осетину, который встретил их с распростертыми объятиями.

Утром, когда хозяин хорошенько разглядел откормленных лоснящихся коней, ему стало жаль выпускать их из рук; поэтому он вызвался поместить их на время у себя во дворе, а сам предложил друзьям поехать с ними в Дзауг, якобы по делу.

К вечеру приехали в Дзауг и устроились все в одном трактире. Друзья вышли в город только к концу дня. Им хотелось поскорее разыскать отца Нуну и разузнать про нее.

Коба отбил от друзей и бродил один по базару. Его внимание привлек оборванный нищий, он остановился перед ним и вдруг непостижимым образом уверился, что этот старик непременно должен быть отцом Нуну. Он вступил с ним в беседу и с первых же слов понял, что старик неохотно о себе рассказывает. Он еще больше утвердился в своей догадке. Оставив расспросы, он отошел в сторону и решил последить за стариком. Он так и сделал. Когда старик добрался до своей хижины, Коба стал издали следить за домом. Он видел, что туда вошел какой-то человек в бурке. Подождав еще некоторое время, он подошел поближе и прислушался. Он услышал имя Нуну и заглянул в окно. Его глазам представились ласково беседующие отец и дочь. Это он обрадовал их вестью об Иаго, сам же стремглав кинулся к товарищу – поскорей его известить, что Нуну и ее отец найдены.

Он торопливо шагал по темным ночным улицам города, стараясь не попадаться на глаза патрулю. В те времена запрещено было ходить по городу после девяти часов вечера: всех, запоздавших прохожих задерживали. А попасть в руки тогдашних блюстителей порядка значило почти наверняка погибнуть. Послышались шаги идущих навстречу караульных. Повернуть обратно незамеченным было уже невозможно, и Коба решил пробиваться хотя бы ценой жизни. Он нащупал в кармане пистолет. Но вдруг заметил, что стоит на мостике, и сразу же сообразил, что под ним можно спрятаться от патруля. Если даже его и заметят, все равно оттуда ему будет легче защищаться; на крайний случай он оттуда может пробраться к Тереку и переплыть его. Караульные вошли на мостик как раз в то мгновение, когда Коба скользнул под него.

– Отдохнем здесь малость, – предложил один из караульных, и все уселись на перила.

Они завели долгую беседу о проклятых басурманах, закурили трубки и просидели так почти до рассвета. Было очевидно, что мохевца они не заметили.

Коба смог выйти из своего убежища лишь после ухода караульных. Друзья ждали его с тревожным нетерпением. Радости не было конца, когда они узнали, что Коба разыскал Нуну. Оставалось только дожидаться ночи, и тогда – конец томительной разлуке!

Предатель-хозяин не бездействовал. Он решил во что бы то ни стало завладеть приглянувшимися ему конями. Для этого ему надо было только сообщить властям о том, что абреки в Дзауге, навести на след. Абреков арестуют или перебьют, и в том и в другом случае он безнаказанно заполучит коней. И он пошел прямо к начальнику, но алчность его разгоралась с каждым шагом. Почему он должен предать в руки властей таких важных преступников безвозмездно? Он может еще заработать на этом!

Вскоре он уже стоял на балконе казенного дома и упрашивал есаула допустить его к начальнику.

– Хочу видеть начальника. Есть дело! – Есаул вынужден был доложить о нем.

– Зачем пришел? – спросил начальник, когда есаул ввел к нему неизвестного человека.

– Дело есть, ваша милость! – и он выразительно взглянул на есаула.

– Выйди! – сказал начальник есаулу. – Теперь мы одни, говори.

– Я напал на след абреков.

– Каких?

– Иаго, Парчо, Коба, Элберда и Вепхия.

– Что ты говоришь?! – воскликнул начальник, и радость сверкнула в его глазах.

Не проходило дня, чтобы слухи об отважных делах этих абреков не нарушали его покоя; к тому же их жизни были дорого оценены правительством, и сам начальник мог нажиться на их поимке, мог рассчитывать на благодарность, чины и славу.

– Где они? – с нетерпением спросил он.

– Их здесь нет, но я могу их найти.

– Не врешь?

– Ей-богу, говорю правду!

Начальник поглядел на него в упор и спросил:

– Что просишь за услугу?

– Тридцать туманов за голову и чин офицера.

– Многовато, не дадут. – сказал начальник, хотя абреки эти были оценены и повыше.

– Что ж, тогда я пойду!

– По десять туманов и крест святого Георгия, – не хватает?

– Нет, ваша милость! – и доносчик повернулся к выходу.

– Постой... Говори окончательно, – сколько? – остановил его начальник.

– Ты – хороший человек, полковник, прославленный человек... Только ради тебя – по двадцать туманов.

После долгой торговли они согласились на пятнадцати туманах с человека и на чине юнкера за донос.

– Когда же? – спросил начальник.

– Дайте мне два дня сроку, и я все сообщу.

Предатель вышел, радуясь сделке, а начальник, также очень довольный, вышел в соседнюю комнату, где его дожидался хевский диамбег, прибывший к нему с докладом. Правителя Хеви, как обычно, сопровождал Гиргола. Начальник был уверен, что беседует с доносчиком с глазу на глаз, а между тем за дверями стоял Гиргола и трепетно, напряженно следил за всем разговором. Он услышал имя Иаго, узнал, что на днях его убьют или арестуют, и острая радость пронзила его сердце. Время не умерило его ненависти к этому человеку. Он по-прежнему горел чувством мести. Но вдруг доносчик обманет, не вернется, передумает? Нет, на этот раз Гир-

гола не упустит Иаго, сам выследит своего лютого врага, в могилу сойдет вместе с ним! И он выбежал вслед за предателем.

Тот шагал, упоенный успехом, и не замечал идущего следом за ним Гирголу. Они вместе дошли до трактира и вошли в него.

Гиргола потребовал себе вина, разговорился с половым и узнал, что предатель остановился в этом трактире с товарищами. Он ловко выведал все, что ему было нужно, и совершенно уверился, что Иаго находится здесь.

Он тотчас же снял смежную комнату и долго подслушивал через тонкую перегородку. Он отчетливо слышал каждое слово. Утвердившись в своих догадках, он кинулся к диамбегу. Тот послал к губернатору за распоряжением об аресте абреков, а Гиргола вернулся в свою засаду.

Он вошел в трактир, когда никого из абреков не было дома, – все они ушли на базар, – и стал их ждать с нетерпением и тревогой. Те вернулись поздно и были, казалось, чем-то сильно взволнованы. Пока Гиргола разбирался в шуме голосов, ворота трактира заперли и выйти на улицу тайком от соседей было уже невозможно. Он остался на ночь в трактире, пододвинул тахту к перегородке и весь обратился в слух.

Наутро вернулся человек, отсутствие которого так беспокоило его друзей. Это оказался Коба. Он сообщил радостную весть о Нуно. Как ужаленный, вскочил Гиргола с тахты. Нуно жива! Он давно уже примирился с мыслью, что она лежит на дне Терека, придавленная тяжелыми валунами.

Она жива и завтра встретится со своим Иаго! Они будут счастливы, а он, Гиргола, отвергнутый, униженный, ненавидимый всеми, будет влачить позорную жизнь! Нет, он этого не допустит!

Звериная злость обуревала его. Окажись здесь Нуно, он собственной рукой рассек бы ей грудь.

Коба рассказывал обо всем: как он напал на след Нуно, где живет ее отец, рассказывал так подробно, что Гиргола мог бы с закрытыми глазами найти эту хижину.

Постойте вы у меня, – думал он, кусая пальцы от злости. – Я вам покажу, кто такой Гиргола!

Он поспешно вышел из трактира и побежал к диамбегу. Тот еще с вечера держал наготове казачью сотню и ждал вестей от Гирголы.

Гиргола советовал поджечь трактир, – абреки-де живыми не сдадутся; к тому же, если дело затянется до ночи, преступники могут в темноте ускользнуть из рук. От владикавказского начальника прибыла на подмогу целая рота, и все внезапно окружили трактир.

Друзья поняли, что смертельная опасность нависла над ними, и решили не уступать своих жизней дешево. Они забаррикадировали окна и двери и взяли ружья на прицел.

Вдруг всех поразила горькая мысль, что они кем-то преданы. Все взглянули на предателя.

– Ей-богу, я не говорил! – воскликнул тот, бледнея.

– Врешь, собака! – крикнул Иаго и замахнулся на него кинжалом.

– Не я, что ты? – предатель ловко увернулся и выпрыгнул в окно, но свалился тут же под стеной, сраженный пулями солдат, которым было приказано стрелять во всякого, кто попытается бежать из комнаты.

– Я предал товарищей и достоин такой смерти! – успел крикнуть доносчик. – Я погубил вас!

Новая пуля размозжила ему череп, и мозг его брызнул на стену.

– Выходите, абреки! – крикнул командир роты, – все равно вы у нас в руках!

В ответ раздалось пять выстрелов, и пятеро из роты свалились на землю.

– Вот вам наш ответ!

Грянул залп по дому, и пули защелкали о стены и окна, никому не причинив вреда.

Абреки сделали еще пять выстрелов, и еще пять солдат выбыло из строя.

Началась перестрелка, не наносящая никакого урона осажденным. Один только Элберд был легко ранен в грудь, но он быстро перевязал свою рану и снова вступил в бой.

– Зачем понапрасну жертвовать людьми? – снова сказал Гиргола, – лучше поджечь дом!

Обложили дом сеном и еще раз потребовали, чтобы осажденные сдались, угрожая их сжечь.

– Вы собираетесь сжечь женщин и детей! Вы только на это и способны, а нам лучше сгореть, чем попасть к вам в руки!

– Подоignite! – скомандовал старший.

Заклубился черный дым, и алые языки пламени охватили дом.

– Собаки, такова-то ваша храбрость! – закричал Иаго, задыхаясь от злобы.

– Иаго! – окликнул его Гиргола, – погляди на меня, это я тебе мщу!

Иаго на мгновение выглянул из окна и успел выстрелить в Гирголу, но тот спрятался за бочку.

Между тем огонь разгорался, пламя охватило весь дом.

– Братья! – обратился Иаго к друзьям, – умрем, как мужчины, если уж суждено нам погибнуть!

И глубоко надвинув на голову шапку, выскочил в окно. За ним последовали остальные с обнаженными саблями. Они кинулись на осаждающих и рассекли цепь растерявшихся от неожиданности солдат. Но те быстро опомнились и окружили бежавших. Завязалась смертельная схватка. Друзья рубили нещадно, но силы их иссякали. Все перемешалось – крик, стоны, лягг оружия и гул пожара.

Толпа закружилась клубком, и когда клубок разомкнулся на земле лежали четверо изрубленных: Иаго и его друзья. Среди них не было Кобы, который каким-то чудом ускользнул, легко раненный, вскочил на коня и скрылся в лесу.

Утром убрали убитых, кровь на земле засыпали песком, в лишь обугленный остов дома напоминал о страшном деле, разыгравшемся здесь накануне.

Начальник совещался с диамбегом, когда к нему вбежал есаул и сообщил, что произошло убийство.

– Где? – спросил начальник.

– В районе мохевцев.

– Этого еще не доставало! – вздохнул начальник. – А кто убит?

– Нищий один.

– Кого подозреваете?

– Дело ясное! Два дня тому назад приехала к нему дочь. Говорят, плохого поведения...

Она одна была ночью с отцом, а наутро его нашли убитым.

– Как зовут дочь?

– Ну ну!

– Ну ну? – удивленно переспросил внимательно слушавший диамбег. – Позовите сюда Гирголу.

– Кто такая Ну ну, мохевка, которая отца убила? Пойди, узнай подробнее.

– А я уже узнал, – ответил Гиргола. – Это – жена моего брата! – он прикинулся опечаленным.

– Как? Ведь ты говорил, что она утонула.

– Да, я так полагал, а она, оказывается, скрывалась здесь.

– А где ты сам был до сих пор?

– Караулил убитых, – ответил Гиргола.

Началось следствие. Оно установило, что Ну ну, развратная женщина, пришла к отцу, который, нищенствуя, накопил много денег, ограбила его, убила и деньги передала своему любовнику, хотя до сих пор не признается ни в чем. Сама она показывает, что за день до

убийства пришла к отцу. В ночь накануне убийства они долго разговаривали. Заснули поздно. Утром, проснувшись, она не захотела будить отца, думая, что он еще не выспался. Она осторожно вышла, сходила к воде, умылась и посидела там, чтобы не будить отца. Когда вернулась, он все еще продолжал, как ей казалось, спать. Она решила его разбудить, подошла и почувствовала какую-то лужу под ногами. Дотронулась рукой до руки отца, – она была в крови. Подбежала к окну, откинула циновку, и к ужасу своему убедилась, что отца убили, пока она отсутствовала.

Так говорила несчастная, но никто не верил ее показаниям. Все в один голос утверждали, что Нуну убила отца, что она – отцеубийца.

На нижнем базаре во Владикавказе выстроили деревянный помост и на нем укрепили высокий столб, к которому была прибита доска с надписью «Позорный столб».

Народ с любопытством толпился вокруг помоста. Многие не понимали, что означает этот столб. Расспрашивали, кого собираются наказать.

Вдруг толпа расступилась, раздались возгласы: «Везут; везут!» Все повернули головы в ту сторону, откуда слышалась барабанная дробь. Сквозь толпу медленно двигалась странная высокая повозка, на ней лицом назад сидела женщина в арестантском халате. На груди у нее висела дощечка с надписью «Отцеубийца».

Она так низко опустила голову, что не было видно ее лица. Рядом с женщиной сидел палач и что-то говорил ей. Наконец он, потеряв терпение, насильно приподнял ей голову, чтобы показать народу ее мертвенно бледное лицо, искаженное безмерным страданием. Она, видимо, была почти без чувств: как только палач отнял руку, голова ее снова упала на грудь.

Перед помостом женщину стащили с повозки. Ее подняли на помост и привязали веревками к позорному столбу.

– Шапки долой! – крикнул кто-то. Все обнажили головы, а военные приложили руки к козырькам.

На помост взошел чиновник и прочитал приговор. Он гласил, что Нуну, она же Нино, – отцеубийца, ссылается пожизненно в Сибирь на каторжные работы.

Народ хранил мертвое молчание. Какая-то томительная печаль проникла в сердца слушавших. Среди этой тишины на помост поднялся священник, седой старик в черной рясе. В руках он держал крест. Он приблизился к Нуну, скорбный, встревоженный. Все остальные отошли в сторону.

– Нино! – позвал священник, – Нино! – и он взял женщину за руку.

Женщина вздрогнула и приподняла голову.

– Воды! – попросила она хриплым голосом.

Ей подали воды.

– Дочь моя, покайся в своих грехах, облегчи душу!

– В каких грехах? – чуть слышно прошептала Нуну. – Да, я ведь убила отца. Я – отцеубийца?

– Исповедуйся мне, и я буду молить господу о спасении твоей души.

– Крест дайте! – Она протянула руку и взяла у священника крест. Она поднесла его к губам и подняла голову настолько высоко, насколько ей позволяли ее угасающие силы.

– Клянусь всевышним, вездесущим и всеведущим, клянусь крестом святым, клянусь честью своей, клянусь душой Иаго, – я не виновна! – воскликнула она, и рука с крестом упала вниз. Священник взял крест. Потом подошел палач, отвязал женщину, и она как подкошенная упала к подножию столба.

– Упокой, господи, душу усопшей рабы твоей! – перекрестился священник.

Измученное, истерзанное стыдом и горем сердце Нуну не выдержало последнего напряжения, и она скончалась.

Кто же убил отца Нуну? Правосудие назвало отцеубийцей Нуну. В народе бродило сомнение.

На следующий день диамбег возвращался домой в сопровождении Гирголы. Они ехали лесом на лихой тройке и беседовали о вчерашних событиях. Гиргола скуп и неохотно отвечал на расспросы диамбега. Он сам присутствовал при позорной казни Нуну, и совесть проснулась в нем. Лицо Нуну преследовало его, он не находил себе покоя, осунулся и побледнел.

– Не заболел ли ты? – спросил его диамбег.

– Да, простудился.

– Не унывай, вот вернемся домой, ты получишь чин юнкера.

– Да не лишусь я милости вашей! – уныло ответил Гиргола.

Они сидели рядом, впереди скакали казаки.

Вдруг раздался выстрел, и пронзенный пулей диамбег вывалился из повозки. Другая пуля смертельно ранила Гирголу в бок.

– Это я, Коба! За жизнь Иаго вы расплачиваетесь! – послышался голос из леса, и крикнувший исчез бесследно.

Убитого диамбега и раненого Гирголу довели до Степанцминды. Гиргола тотчас же попросил привести к нему священника.

Пришел священник и хотел причастить его.

– Не достоин я, отец! Позволь мне сперва исповедаться!

И он рассказал, что ложно донес на Иаго, чтобы самому завладеть Нуну.

– И теперь тоже... это я погубил Иаго и его товарищей. Я сам убил отца Нуну и свалил вину на нее... Молись, отец, о моей душе, молись... – шептал умирающий. – Ты объяви всем, что я убил отца Нуну. Я хочу, чтобы все знали об этом. Когда подожгли дом, где был Иаго с друзьями, я не мог больше ждать и побежал к Нуну. Оба спали, она и отец. Я хотел убить обоих, но передумал, решил, что мгновенная смерть – слишком легкая кара за мои страдания. Я любил Нуну... О-о, как я любил ее!.. Она отвергла меня, любила другого... Попрала мою гордость... И я хотел отомстить ей за все... Я убил ее отца, чтобы свалить на нее это убийство... Думал, что успокоюсь, когда обреку ее на вечные муки. Но, увы!.. Не нашел я покоя... – он откинулся на подушку и замолк.

– Вот он! – вдруг закричал он. – Отец Нуну!.. Глядит, глядит на меня с гневным укором!.. Не гляди так, я не могу!..

Он впал в забытие. Но вскоре очнулся.

– Как я страдаю, боже мой! Отец, я достоин причастия. Священник поднес к его губам ложку с причастием.

– На, прими, станешь спокойней!

– Отец, значит, буду прощен? – Гиргола потянулся к ложке, но, обессилев, снова откинулся на подушку: – Нуну! Глаха!.. Помогите... помог... – предсмертный хрип вырвался из его горла, он судорожно вытянулся на своем ложе и умер...